

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 18 (4) 2021

IPL INSTITUTE of
& PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2021

**«ДИСКУРС-ПИ»
18 (4) 2021
Декабрь 2021**

**Научный журнал
Издается с 2001 года
Выходит четыре раза в год**

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 22.01.2022 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 13,98

Тираж 500 экз.

Заказ № 923

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Михаил Малышев – Автономный университета штата Мехико, Толука, Мексика

Виктор Мартынов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллех – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

06.10.2020 Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

**«DISCOURSE-P»
18 (4) 2021
December 2021**

**Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year**

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on January 22, 2021
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 13,98
Issues – 500
Order # 923

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors to adhere
to the style of scientific discourse**

**Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)**

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Malyshev – Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

The journal is abstracted/indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included into the «CyberLeninka» database

October 6, 2020 the journal is included in the European Reference Index for the Humanities ERIH PLUS

№ 18 (4)

Тропы метода

Риковски Г.

Марксизм и образование: хрупкость, кризис, критика10

Фельдман М.А.

Советская элита 1930-х гг.: проблема идентификации29

Березняков Д.В., Козлов С.В.Советское наследие как институциональный
и символический ресурс постсоветского государственного строительства46

Дискурс политики памяти

Скиперских А.В.Политика памяти о Великой Отечественной войне
в Липецкой области: акторы, специфика, последствия59**Лифанов С.С.**Историческая память и наднациональная идентичность
в западноевропейских государствах78**Воробьева М.В.**Политика памяти в фильмах о войне,
или приключения одного сюжета94

Парадигмы и процессы

Барахвостов П.А.Институциональные трансформации
в колониальной Корее (1905–1945 гг.)108**Бронников И.А., Цыбряева М.В.**Политологическое образование
в современных российских вузах (2017–2021 гг.)125**Гимазова Ю.В.**Российские НКО в условиях пандемии:
кризис мер господдержки и способы выживания141

Рецензии и рефераты

Давыдов Д.А.

Маркс обетованный154

18(4)

Tropes of Method

Rikowski, G.

Marxism and Education: Fragility, Crisis, Critique10

Feldman, M.A.

The Soviet Elite of the 1930s: The Problem of Identification29

Bereznyakov, D.V., Kozlov, S.V.The Soviet Legacy as Institutional
and Symbolic Resource for Post-Soviet State-Building.....46

Memory Policy Discourse

Skiperskikh, A.V.The Politics of Memory of the Great Patriotic War
in the Lipetsk Region: Actors, Specifics, Consequences59**Lifanov, S.S.**Historical Memory and Supranational Identity
in Western European States78**Vorobyeva, M.V.**The Politics of Memory in War Cinematography
or the Adventures of One Plot94

Paradigms and Processes

Barakhvostov, P.A.Institutional Transformations
in Colonial Korea (1905–1945)108**Bronnikov, I.A., Tsybryaeva, M.V.**Political Science Education
in Contemporary Russian Universities (2017–2021).....125**Gimazova, Yu.V.**Russian NGOs in Pandemic Conditions:
Crisis of State Support Measures and Survival Methods141

Reviews and Abstracts

Davydov, D.A.

Promised Marx154

МАРКСИЗМ И ОБРАЗОВАНИЕ: ХРУПКОСТЬ, КРИЗИС, КРИТИКА *

Гленн Риковски,**

Университет Линкольна,
Лондон, Великобритания,
rikowski@aol.com

Статья поступила в редакцию 20.05.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Риковски Г. Марксизм и образование: хрупкость, кризис, критика // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 10–28. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_10

Аннотация

Автор статьи, опираясь преимущественно на работы Дж. Холлоуэя (прежде всего, его ранние публикации в журнале Эдинбургской конференции социал-экономистов «Здравый смысл»), утверждает, что важность марксизма состоит в его способности выявлять слабые места в строении, развитии и власти капитала в современном обществе. Наиболее общая идея, развиваемая в данном исследовании, заключатся в том, что капитализм – охваченная кризисом, ущербная, нестабильная, безжалостная и безнадежная форма общественной жизни – должен быть выброшен

* Статья *Marxism and education: Fragility, crisis, critique* была впервые опубликована на английском языке в 2018 г. в журнале *Cadernos do GPOSSHE On-line*. В журнале «Дискурс-Пи» публикуется доработанный автором вариант статьи. Переводчики – В.С. Попова и Е.Б. Голубева, Уральский федеральный университет. Научный редактор перевода – О.Ф. Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН.

** Доктор Гленн Риковски (Glenn Rikowski) – один из видных представителей неомарксистской критической педагогики. В настоящее время является приглашенным научным сотрудником Колледжа социальных наук Университета Лондона (University of London), Великобритания. В 2014–2015 гг. работал приглашенным исследователем

© Риковски Г., 2021

на свалку истории, чтобы люди могли делать больше из того, что хотят, в более безопасной социальной и физической среде, позволяющей им наиболее полно выражать свои способности и страстные увлечения, творческие инстинкты и позитивные эмоции к другим и самим себе. Поэтому необходимо стремиться к преодолению капиталистического общества, включая его образовательные формы, такие как капиталистическое образование. В этом отношении марксистская теория – именно то, что нужно. Во-первых, марксизм является наиболее полно разработанной теорией, отвечающей задаче интеллектуального выявления слабых мест в правлении капитала. Он дает возможность обнаружить хрупкость капитала, каким бы свирепым, агрессивным и монолитным тот ни казался. Во-вторых, марксизм – самая мощная теория кризиса, которая есть на сегодняшний день. Кризис капитализма обнажает хрупкость существования и господства капитала. В-третьих, марксизм – это не просто теория критики, способ критики или какая-то методология, это неустанная критика «всего, что существует» в капиталистическом обществе. Следовательно, марксизм становится радикальной наукой, которая интеллектуально разрушает капитализм, одновременно создавая альтернативные социальные механизмы, ищущие свое основание в некапиталистических общественных отношениях, в том числе в образовании.

Ключевые слова:

марксизм, коммунизм, капитализм, капитал, образование, хрупкость, кризис, критика.

в департаменте образования Университета Англия Раскин (Anglia Ruskin University), до октября 2013 г. – старшим преподавателем в педагогической школе Нортгемптонского университета (University of Northampton). В 1994–2002 гг. являлся членом Группы радикальных левых педагогов *Hillcole*. С 2002 по 2007 гг. совместно с Энтони Грином, сотрудником Института образования Университетского колледжа Лондона (UCL Institute of Education), организовывал семинары «Марксизм и образование: возобновление диалога», которые проходили дважды в год – в мае и октябре. Также вместе с Э. Грином выступил в 2004 г. соучредителем первой в мире серии книг о марксизме и образовании (The Palgrave Macmillan Series on Marxism and Education). Является членом Лондонского отделения Общества философии образования Великобритании (Philosophy of Education Society of Great Britain, PESGB). Входит в редколлегию журнала *Marxism & Sciences*.

MARXISM AND EDUCATION: FRAGILITY, CRISIS, CRITIQUE

Glenn Rikowski,

University of Lincoln,
London, the United Kingdom,
rikowskigr@aol.com

Article received on May 20, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Rikowski, G. (2021). Marxism and Education: Fragility, Crisis, Critique. *Discourse-P*, 18(4), 10-28. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_10

Abstract

The article rests substantially on the work of John Holloway, especially his early articles in *Common Sense: Journal of the Edinburgh Conference of Socialist Economists*. On this foundation, it is argued that the importance of Marxism resides in its capacity to pinpoint fragilities and weaknesses in the constitution, development and rule of capital in contemporary society. The general view in this research is that capitalism – a crisis-ridden, flawed, restless, unforgiving and desperate form of society – needs to be put into the dustbin of history, so that we can do more of what we want to do, in a more secure social and physical environment that allows the fullest expression of our abilities and passions, our creative instincts and positive feelings for others and ourselves. And that is why we have to be committed to the termination and transcendence of capitalist society, including its educational forms as capitalist education. In this light, Marxist theory is exactly what we need. First, Marxism is the most fully developed theory adequate to the task of intellectually locating weaknesses in the rule of capital. It gives us the capacity to locate capital's fragilities however ferocious, aggressive and monolithic it appears. Secondly, Marxism is the most powerful theory of crisis we have today. Crisis in capitalism exposes fragilities in the existence and rule of capital. Thirdly, Marxism is not just a theory of critique, a way of critiquing or some kind of methodology, it is the relentless critique of 'all that exists' in capitalist society. Therefore, Marxism becomes a radical science that intellectually disrupts and ruptures capitalist society, whilst simultaneously creating alternative social arrangements that seek foundations within non-capitalist social relations, and this is inclusive of educational formations.

Keywords:

Marxism, communism, capitalism, capital, education, fragility, crisis, critique.

Введение

Почему марксизм? И, в частности, почему марксистская теория образования? Исследуя эти вопросы, мы приходим к выводу, что марксизм важен, поскольку интеллектуально разрушает капиталистическое общество, бросает вызов основным социальным наукам и образовательным формам капитала. Цель нашего исследования заключается в постановке проблемы преодоления капитализма на основе более развитой социальной формации – коммунизма.

Настоящая статья в значительной степени опирается на работы Дж. Холлоуэя, особенно на его ранние публикации в журнале Эдинбургской конференции социал-экономистов «Здравый смысл», благодаря изучению которых утверждается, что важность марксизма состоит в его способности точно определить хрупкость и слабость капиталистической системы, развития и власти капитала в современном обществе. Понимание этих черт придает марксистской критике капитализма особую остроту. Марксистская теория образования в этом плане играет центральную роль, оправдывает свою интеллектуальную значимость.

Основная идея, развиваемая в данной работе, состоит в том, что капитализм – охваченная кризисом, ущербная, нестабильная, безжалостная и безнадежная форма общественной жизни – должен быть выброшен на свалку истории, чтобы мы могли делать больше из того, что хотим, в более безопасной социальной и физической среде, позволяющей наиболее полно выразить наши способности и страстные увлечения, творческие инстинкты и позитивные эмоции к другим и самим себе. Это, с нашей точки зрения, и есть принятие коммунизма. Более того, антикапитализм в сфере образования «подразумевает преднамеренное создание порочных кризисов для капитала, а не просто организацию реактивного сопротивления, которое, вероятнее всего, обязательно произойдет» (Rikowski, 2021, p. 17). Создание критически ориентированных альтернативных форм образования, учитывающих структурную хрупкость капитализма в сфере образования (образовательную трещину), будет способствовать подрыву основ капитализма на одном из самых ранних и важнейших этапах – на этапе социального и образовательного производства самой рабочей силы.

Хрупкость

Социальные условия труда при капитализме представляются нам нестабильными. В любой момент капитал и его представители (руководители, менеджеры, отделы кадров и т. д.) могут передать нашу работу на аутсорсинг, сократить численность работников или улететь на Дальний Восток в поисках более дешевой рабочей силы. Будучи безработными, мы, похоже, полностью оказываемся во власти капиталистического государства и его мизерных (если таковые имеются) «пособий по безработице», причисляемые в правой прессе к «уклонистам». Мы вынуждены искать работу на неполный рабочий день, чтобы вновь стать объектом эксплуатации для капитала.

Эти непредвиденные обстоятельства и трудности, связанные с работой в условиях современного капитализма, различаются по формату, интенсив-

ности и деталям в зависимости от конкретной страны. Тем не менее ключевой проблемой является наша очевидная социальная хрупкость: капитал кажется столь мощным, неумолимым и социально оправданным в своих действиях («так обстоят дела» и «альтернативы нет»), его поддерживают государственные институты, полиция, суды, СМИ, поэтому хрупкость представляется нашей социальной судьбой. Мы по-прежнему обращаемся к профсоюзам и политическим партиям и иногда побеждаем, наша хрупкость на мгновение растворяется в теплой солидарности, товариществе и эйфории коллективных прогрессивных перемен. На мгновение улицы, площади и другие пространства могут стать нашим местом сопротивления. Но в глобальном масштабе капитал, его сила и человеческие представители остаются. Наша хрупкость вновь подтверждается. Кажется, мы не можем избавиться от этого: наше неустойчивое состояние бытия возвращается, и это подчеркивается еще больше, когда мы смотрим на то, что капиталистическое развитие делает с планетой Земля. Более того, похоже, мы продолжаем кормить монстра, поскольку кажется, «если мы не посвятим свою жизнь труду, создающему капитал, мы столкнемся с нищетой, даже голодом и зачастую с физическими репрессиями» (Holloway, 2010, p. 7).

Даже когда мы четко формулируем, в чем состоит хрупкость капитала, и решаем бороться с ним интеллектуально и практически, данная мысль, тем не менее, заставляет нас быть осторожными, а чаще всего способна нас ослабить и парализовать. Нападая на слабые места капитала, мы опасаемся, что это может создать острые проблемы для нас самих.

И все же именно из-за этих чувств и интуиции нашей слабости перед лицом неутомимого и, казалось бы, всемогущего монстра, которым является капитал, нам нужен марксизм. Он нужен нам, чтобы выявлять слабые места, уязвимости и неустойчивость капитала. Он помогает нам аналитически выявлять и практически углублять уязвимые и слабые места капитализма. Для меня именно это является главным аргументом в пользу того, чтобы сегодня вплотную заниматься марксизмом.

Дж. Холлоуэй пришел к аналогичному выводу почти четверть века назад. По его словам, «в то время как другие теории (например, феминизм и теория зеленых) являются теориями социального господства или угнетения, марксизм берет это угнетение в качестве отправной точки. Вопрос марксизма не в том, «как мы понимаем социальное угнетение?», а в следующем: «Учитывая, что мы живем в угнетающем обществе, как мы можем понять хрупкость этого угнетения?» (Holloway, 1994, p. 39).

Таким образом, несмотря на то, что мы сталкиваемся с многочисленными формами угнетения в капиталистическом обществе – расизмом, сексизмом и т.д. – понимание хрупкости этих форм угнетения, их основ и способов их разрушения имеет решающее значение для прогресса человечества.

Хрупкость капитализма основана, прежде всего, на том факте, что мы как работники постоянно создаем капитал и его общественную форму. Капитал полностью зависит от нашего труда. Следовательно, отмечает Дж. Холлоуэй (2015a), именно мы, по сути, являемся причиной кризиса для капитала. «Мы» – это те..., чья рабочая сила расходуется в огромном множестве капиталистических трудовых процессов для получения прибыли (буквально) от капитала, и также те, кто участвует в общественном воспроизводстве вол-

шебного товара (капитала), которым является рабочая сила» (Garland, 2012, p. 90). Как социальные субъекты «мы» – это «беспокойное движение отрицания» (Holloway, 2009, p. 7; Garland, 2012, p. 90). «Социальный мир по своей сути хрупок, без твердых и конечных оснований» (Cordero, 2017, p. 1). Мы не позволяем капиталу укрепляться, когда боремся с капиталистическим господством. В то же время капиталисты постоянно стремятся преобразовать силу капитала, используя наш труд, интеллект и воображение. В мире борьбы, конечно, мы не можем игнорировать наши собственные зависимости и слабости, но также мы не должны из-за этого отказываться от поиска и использования хрупкости капитала. Слабость капитала очевидна на протяжении «тридцати или более лет... (поскольку)... капиталистическая экономика буквально жила на заемные деньги» (Holloway, 2020, p. 3). Во время пандемии COVID-19 капиталистические государства коллективно заимствуют миллиарды, триллионы долларов, чтобы укрепить экономику, создавая тем самым дополнительные структурные хрупкости.

Именно тогда, когда мы переходим к изучению капиталистической системы образования, мы находим убедительное подтверждение правоты не только марксистской науки в целом, но и марксистской теории образования в частности. Это происходит потому, что марксистская теория образования раскрывает пагубность и ужас роли образовательных учреждений в капиталистическом обществе, а также самую общую и глубокую слабость капитала. Рабочая сила, наша способность к труду, товар, который покупается и продается на капиталистическом рынке труда и который принадлежит рабочим и периодически используется капиталистическими предприятиями для создания прибавочной стоимости, являются внутренними свойствами личности в капиталистическом обществе. Создание капитала как еще большего капитала, его новая жизнь как прибавочной стоимости основывается на уникальном, волшебном товаре, которым является рабочая сила. То, что этот драгоценный товар находится внутри самих работников в капиталистическом обществе, крайне неудобно для капитала и его человеческих представителей. Рабочих необходимо принуждать, уговаривать, стимулировать и убеждать расходовать их чудесный товар в капиталистических трудовых процессах в целях создания прибавочной стоимости, от которой зависит расширение и развитие капитала.

Начиная со Второй мировой войны, в современном капиталистическом обществе, особенно в наиболее развитых капиталистических странах Европы и Америки, образовательные учреждения стали все больше вовлекаться в процесс подготовки новой рабочей силы (Rikowski, 2002a, pp. 131–135, 2002b, pp. 193–196, 2021, pp. 94–96). Марксизм как самая передовая современная теория, позволяющая понять суть процессов, связанных с подготовкой новой рабочей силы, лучше всего подходит для критики таких «прогрессивных» идей образовательной политики, как «возможность трудоустройства», «обучение на протяжении всей жизни», служащих поддержкой для капиталистического воспроизводства рабочей силы, когда вся жизнь человека превращается в самопожертвование капиталу.

Кроме того, рассмотрение роли образовательных учреждений в общественном воспроизводстве рабочей силы через призму марксизма указывает на реальную социальную власть учителей в современном обществе. Они вносят

решающий вклад в развитие уникального товара – рабочей силы, на котором основано создание и расширение капитала за счет производства прибавочной стоимости. Если рабочая сила является топливом для живого огня (т. е. труда), то учителей можно рассматривать как хранителей пламени или ангелов топливной свалки – со всеми их возможностями для формирования альтернативного видения общества, стимулирования надежды и способности к критическому видению, чего так боятся представители капитала.

Кризис

Марксизм – самая мощная теория кризиса капитализма, которая у нас есть сегодня, и для меня это еще одна причина знакомства с трудами К. Маркса и марксистской теорией. Кризис капитализма обнажает хрупкость существования и господства капитала – это вытекает из нашей заинтересованности в раскрытии слабостей капитала. Кризисы в капитализме указывают на «силу труда против капитала и за его пределами», и «кризис является проявлением этой силы и по этой причине центральной концепцией марксизма» (Holloway, 1991, p. 77). Капиталистическое общество подвержено кризисам, и «кризис всегда с нами, потому что для капитала труд является проблемой» (Crisis in the class relation, 2010, p. 4), и именно «присутствие власти труда в капитале делает его неизменно подверженным кризисам» (Holloway, 1991, p. 74). Кризис – это *modus operandi* капитала (Screamin', 2008, p. 1).

«Постоянная тенденция к кризису» указывает на нестабильность и хрупкость капитализма (Holloway, 1991, p. 74), и в то же время является проявлением силы труда, способной нарушить ход капиталистического развития (p. 74). Дж. Каффентзис утверждает, что для К. Маркса «кризис выводит на поверхность истину капиталистической системы..., у нее есть уязвимые места и исторический срок годности» (Caffentzis, 2002, p. 6). Согласно К. Фрингсу, «каждый кризис указывает на историческую конечность капитализма» (Frings, 2009, p. 2). По Дж. Холлоуэю, «в кризисе непостоянство капитализма становится очевидным» (Holloway, 1987, p. 55). Поскольку кризисы указывают на «предельный опыт» капитализма, когда ощущается смертность системы (Promissory notes, 2009, p. 2), на этом основании становится ясно, что именно кризис лежит в «сердце капитализма» (Holloway, 1987, p. 56, 1992, p. 147).

Марксизм – это теория кризиса, теория хрупкости капитализма (Holloway, 1994, p. 39–40). Для тех, кто стремится не просто бороться против капитализма, живя в его рамках, но еще и выйти за пределы капитализма как интеллектуально, так и практически, теория К. Маркса как теория кризиса бесценна.

Но что представляет собой кризис? И «что именно означает говорить о «кризисе»?» (Rikowski, 2015, pp. 5–9, 2018, pp. 9–10; Samman, 2011, p. 4). Этимологически понятие «кризис» происходит от греческого существительного *krisis*, обозначающего некое решение, выбор или суждение (Peters, 2013, p. 199), и от греческого глагола *krino*, означающего «отрезать, выбирать, решать, судить», который имеет общий корень со словом «критика» (Osborne, 2010, p. 23). Такой взгляд на кризис часто восходит к Гиппократу, поскольку на врачей возложена ответственность за принятие правильных решений и выбор в отношении здоровья и благополучия пациентов. В свою очередь, они также

несут ответственность за правильную диагностику заболеваний и недомоганий и эффективное наблюдение за состоянием пациента после медицинского вмешательства. По Гиппократу, кризисный момент в болезни – это поворотный момент в силе болезни: когда становится ясно, что пациент либо находится на пути к выздоровлению, либо ему грозит смерть или, по крайней мере, тяжелое истощение (например, ампутация конечностей). Как отмечает Б. Данн, обращение к «кризису» как отправной точке для социального объяснения означает, что выздоровление должно быть учтено, когда это происходит (Dunn, 2014).

Дж. Холлоуэй вслед за Гиппократом утверждает, что «кризис» означает «качественный поворотный момент, перерыв в нормальном процессе изменений... Изначально «кризис» – это медицинский термин. В своем первоначальном греческом значении это означало поворотный момент в болезни» (Holloway, 1992, p. 145).

Кризисная точка – это тот момент, когда смерть или спасение висят на волоске. Холлоуэй утверждает, что этот подход к кризису как поворотному моменту также может быть применен к социальным и историческим исследованиям, и что кризис относится не просто к «трудным временам», а к поворотным моментам. Он обращает внимание на разрывы в истории, путях развития, схеме движения, изменениях интенсивности времени (Holloway, 1992, p. 146).

Для Дж. Холлоуэя концепция кризиса является незаменимым подспорьем для понимания социальных и исторических изменений. Кризисы могут повторяться: может показаться, что единичный кризис достиг положительной поворотной точки только для того, чтобы позже перейти в отрицательное направление. Таким образом, несмотря на то, что «кризис – это период интенсивных изменений, которые могут привести в ту или иную сторону» (Holloway, 1992, p. 146), может произойти регресс, откат назад и повторение кризиса.

Понятие кризиса, исходя из его медицинских корней, может быть применено к социальным явлениям, процессам и событиям. Сказать, что они находятся в состоянии кризиса, значит обозначить ситуацию как связанную с «неминуемой опасностью и высоким риском» (Gamble, 2009, p. 39). Это создает необходимость принимать быстрые решения, часто «под давлением и с очень неполными знаниями», которые «могут привести к очень разным результатам» (p. 39).

Дж. Ройтман в одной из своих статей утверждает, что кризис является основным слепым пятном для производства знаний. Сделать это слепое пятно видимым означает спросить, как мы создаем значимость для самих себя (Roitman, 2011, p. 3). Кризис – это слепое пятно, мы не можем рассматривать или понимать его независимо от явлений, которые представляют собой этот «кризис». Размышления о концепции кризиса – хороший интеллектуальный инструмент для производства определенных видов знаний, в особенности исторических. В своей книге «Антикризис» Дж. Ройтман иллюстрирует эффективность данного инструмента для проведения социального анализа в целом (Roitman, 2014). Ее анализ кризиса предполагает, что идея кризиса относится к явлению без субъекта: кризис – это всего лишь следствие сложного набора социальных конъюнктур и тенденций, он не имеет собственного субъекта. Центростремительная точка этого социального водоворота пуста. Глаз социальной бури нельзя увидеть: де-факто она лишена содержания.

В Кембриджском словаре английского языка есть два определения слепого пятна, представляющих интерес для целей нашего исследования. Первое гласит, что слепое пятно – это область, которую вы не можете видеть. Особенно это относится к той части дороги, которую вы не можете видеть сзади, сидя за рулем автомобиля, хотя правильное расположение зеркал заднего вида, казалось бы, проливает свет на слепую зону¹. Однако именно второе словарное определение попадает в самую точку: слепое пятно трактуется как предмет, который вам очень трудно понять, иногда именно потому, что вы просто не хотите даже попытаться это сделать. На основании этого определения можно утверждать, что Дж. Ройтман просто не задавалась специально вопросом, каким может быть социальное око бури: она не исследовала, чем является или может быть объект кризиса. «Что именно находится в кризисе?», – спрашивает она. Отвечать на этот вопрос, считает автор, бессмысленно: «Поспешное предположение, что какая-то вещь находится в кризисе, вызывает неизбежный скачок к абстракции, поскольку, как я уже указывала (ранее), кризис сам по себе не может быть обнаружен или наблюдаем как объект знания первого порядка» (Roitman, 2014, p. 49).

Дж. Ройтман, хотя и исключает существование объекта конкретного кризиса, все же кратко рассматривает вопрос о том, могут ли быть субъекты кризисов (Roitman, 2014, pp. 65–70), которые можно постичь. Так, она отмечает, что экономический кризис 2007–2009 гг. вызвал «кризис неолиберального субъекта». Тогда ведущие экономисты особенно остро ощутили столкновение своих неолиберальных установок с новой социальной реальностью – банковскими банкротствами, кредитными кризисами, ипотечными дефолтами, выселениями из домов и другими явлениями, составляющими сценарий кризиса. По мнению Ройтман, данный конфликт ментального и реального неправильно понимается людьми, пострадавшими от кризиса 2007–2009 гг., поскольку «кризис – это неизученная отправная точка для наррации», это слепое пятно для производства знаний о том, что является исторически значимым, составляет социальный или исторический смысл. Кризис – это точка, с которой начинается герменевтика или антропология, это средство доступа к социальному опыту, поскольку влечет за собой раскрытие конститутивных условий человеческой практики (2014, p. 66).

Таким образом, кризис – это нарративная категория (Roitman, 2014, p. 70): точка, с которой начинается история, повествование о ситуациях, которые мы считаем «кризисными». Идея кризиса позволяет нам конструировать смыслы и нарративы об исторических поворотных моментах, и в этих процессах мы являемся «субъектами кризисных времен» (p. 66). Нарраторы, создатели смыслов, являются для Ройтман подлинными субъектами кризисов.

К счастью, данные размышления Ройтман появились после того, как многие другие авторы уже успели выдвинуть свои веские воззрения относительно темы кризисов. Если кратко обратиться к понятию «кризис образования», то его субъектами называются, к примеру, учреждения государственной системы образования (Sarup, 1982), авторы и сторонники концепций «образование ради образования» (Furedi, 2009; Hodgson et al., 2018), «обучающееся общество» и «обучение на протяжении всей жизни» (Wain, 2004).

¹ Этот момент был актуален, когда в июле 1994 г. мой автомобиль был сбит французским автобусом на трассе M1.

В соответствии с проектом выявления слабостей и хрупкости капитала, тема кризиса должна быть самой взрывоопасной, но в то же время основной и разрушительной темой, которую только можно себе представить, поскольку она включает такие вопросы, как отношения между трудом и капиталом, иногда называемые классовыми отношениями. Этот предмет кризиса стирает любое слепое пятно и может наблюдаться на протяжении развития всей капиталистической общественной формации, а не только в сфере экономики.

Как утверждает Дж. Холлоуэй, «капиталистический кризис – это кризис отношений капитала. Это не «рецессия» или «спад в экономике», хотя он может выглядеть таковым. Это кризис отношений между правящим классом и эксплуатируемым классом» (Holloway, 1987, p. 56). Для Холлоуэя это «фундаментальный момент», которого обычно избегают при обсуждении кризиса. Кризисы капиталистического господства периодически возникают, поскольку «господство никогда не бывает легким», а господствующие «живы и сопротивляются» (p. 56). Кризис «выражает структурную нестабильность капиталистических общественных отношений, нестабильность основного отношения между капиталом и трудом, на котором основано общество» (Holloway, 1992, p. 159).

Отношения капитала и эксплуатируемого им класса являются предметом кризиса. Поэтому теория кризиса – это «теория изменчивости классовых отношений» (Holloway, 1992, p. 162). Для Холлоуэя кризис – это результат «не силы рабочего класса или рабочего движения... , но силы общего сопротивления стремлению капитала к все более глубокому подчинению человечества» (Holloway, 2002, p. 39).

Открытая классовая борьба – забастовки, протесты, захват рабочими заводов, саботаж и т. д. – является показателем явной неспособности представителей капитала целиком подчинить себе волю рабочих, коллективный труд. Если кризис выплескивается на улицы, на заводы и в офисы, то это есть жизненно важный сигнал для представителей капитала (Bolchover, 2005; Paulsen, 2014). В определенные моменты отношения господства «испытывают напряжение», и если это давление становится интенсивным, то отношения капитала должны быть «реструктурированы, если капитал хочет остаться хозяином положения» (Holloway, 1987, p. 56).

Критика

Сама идея критики в последние годы претерпела ряд изменений. С одной стороны, Б. Латур отмечает, что критика «выдохлась» (Latour, 2004); с другой – Р. Килминстер говорит о властной силе критики и утверждает, что она, подобно интеллектуальному японскому спорышу, подавила представления о том, что в современном обществе есть вещи, которые стоит сохранять и ценить. Как социолог он указывает на «чистую чрезмерную критику» в современной социальной науке, где контраст между обществом, каким оно есть (капитализм), и тем, чем оно должно быть (коммунизм), стал слишком велик (Kilminster, 2013, p. 5). Это приводит к дисбалансу в суждениях о современном обществе, преуменьшению его достижений и мягких принуждений (p. 7).

Другие социологи отмечают «чрезмерность» критики. Например, Б. Дикен выделяет радикальную критику и социологию критики, основанную на «праг-

матической социологии» (Diken, 2015, p. 923). Дикен в основном фокусируется на социологии критики, где критика – «это то, что позволяет нам рассматривать наше нынешнее состояние через призму возможного» (p. 923). Социология критики сосредотачивает свое внимание на преобразованиях капитализма (p. 924), а не на поиске его слабостей с целью их углубления. Таким образом, социология критики «сводит всю критику к реформистской критике» (Diken, 2015, p. 930, 2012, p. 159). Для Дикена радикальная критика является «утопией» (Diken, 2012, p. 172).

На многие положения Дикена, вероятно, повлияла работа Л. Болтански и Е. Чиапелло (Boltanski & Chiapello, 2007). В ней критика представляется бесполезной и бессмысленной, поскольку способность капитала поглощать критику, протест и сопротивление кажется безграничной. По мнению авторов, социальная критика уже столетие не казалась такой беспомощной, как последние пятнадцать лет (p. xxxv). Ибо «капитализм продолжает развиваться и, как правило, преодолевает кризисы, которые он порождает, реагируя на «критику», похищая удары грома своих критиков, отвечая на некоторые из их вызовов, отвлекая внимание от других жалоб, которые либо не устранены, либо усугублены» (Brick, 2009, p. 2).

Придерживаясь неовеберовской позиции, Л. Болтански и Е. Чиапелло утверждают, что, поскольку «дух» капитализма постоянно развивается и мутирует, радикальным левым критикам капитализма необходимо продолжать внедрять инновации в свой критический анализ. Таким образом, критика становится сизифовым трудом, движением на беговой дорожке, вечно стремящимся догнать хитрые метаморфозы капитала, при этом традиции антикапитализма постоянно устаревают (Brick, 2009, p. 6). В более поздней работе Л. Болтански, говоря о критике капитализма, применяет к ней концепцию социального доминирования (Boltanski, 2011, p. 1), т. е. исходит из теории господства капитала над трудом.

По мнению Р. Фельски, аналитик должен сосредоточиться на пределах критики капитала (Felski, 2015), поскольку ее воздействие на субъект или объект критики слишком разрушительно. По мнению автора, это связано с тем, что критика проявляет агрессивность там, где процесс критики и человек, его проводящий, «любят, чтобы последнее слово было за ними» (p. 123). Критика неприятна, критика негативна (pp. 127–134), она неизбежно преуменьшает любую ценность, достоинства или красоту, которыми обладают критикуемые явления. Интеллектуальность критики имеет тенденцию отсекалть или подрывать любые эмоциональные или моральные реакции на субъект или объект критики, сужая диапазон человеческих чувств pp. 134–140). С такой точки зрения на критику, остается всего один шаг до того, чтобы поднять флаг «посткритики», который Фельски разворачивает вместе со своей коллегой Э. Анкер (Anker & Felski, 2017).

«Критика критики» в последние годы нашла свое отражение в теории и философии образования. Авторитетная статья Б. Эпплбаум упрочила посткритическую тенденцию в философии образования, которая укреплялась в течение нескольких лет (Applebaum, 2011). Автор следует идее Дж. Батлер о «приостановлении суждения» (хотя и не отменяет его полностью) в процессе критики (Butler, 2001). Для Б. Эпплбаум главная проблема состоит в том, чтобы

вынести суждение уже после того, как оно было приостановлено (Applebaum, 2011, p. 62). Она призывает к тому, чтобы постструктуралистская критика Батлер занимала центральное место в изучении студентами дискурсов, которые затевают вопросы о том, каким образом они получают свои знания, и кому выгодна данная практика (p. 62).

В последнее время благодаря работам Н. Ходжсон, Й. Влиге и П. Замойского, раздувающих пламя посткритики в теории и практике образования (Hodgson et al., 2016, 2017, 2018), произошел сдвиг в сторону посткритической философии образования и посткритической педагогики. Данные теоретики посткритического образования настаивают на том, что посткритичность их Манифеста «ни в коем случае не является антикритической позицией» (Hodgson et al., 2017, p. 17).

Возьмемся к одному из первоначальных вопросов: почему марксизм? Я бы сказал, что приверженность марксизму оправдана в силу предлагаемой им специфической формы критики капитализма. Во-первых, как утверждает Дж. Ройтман (Roitman, 2014), кризис и критика являются «родственниками», поскольку этимологически эти два понятия имеют общее происхождение, они похожи на концептуальных «кровных родственников» (Boland, 2013, p. 231). Й. Форнас полагает, что идея критики в конечном счете происходит от греческого *kritikos*, который занимается определением правильного и неправильного, что имеет место, а что не имеет, отделяет то, что есть, от того, чего нет (Fornäs, 2013, p. 505). Х. Гюрсес подчеркивает, что прилагательное *kritikos* и глагол *krenein* имеют общие корни и указывают на акты «различения, разделения, принятия решений, осуждения, обвинения и борьбы» (Gürses, 2006, p. 1). Далее он показывает, что «критика» берет свое начало в медицинской терминологии, как и понятие «кризис».

Й. Форнас отмечает, что с XVI–XVII вв. понятие «критика» стало обозначать «более общий поиск недостатков, негативное возражение против чего-либо» (Fornäs, 2013, pp. 504–505). Затем понятие критики начало использоваться также в отношении литературных и художественных произведений, что продолжается и по сей день (p. 505). И. Кант «обобщил эту эстетическую концепцию критики», которая стала «обозначать любое подробное аналитическое суждение, основанное на способности отличать, дифференцировать и различать» (p. 505). В XIX в. К. Маркс поднял меч критики в отношении политической экономии капитализма, а в XX столетии Франкфуртская школа взмахнула мечом своей критической теории в направлении культурного анализа. Идея критики набирала силу во всех социальных науках, искусствах и гуманитарных науках, начиная с конца XIX столетия.

Марксизм, по моему мнению, не просто имеет теорию критики, он живет и дышит критикой, это глубоко радикальная критика, она доходит до нас, до представителей труда, до рабочих. Она показывает, что именно наш труд лежит в основе господства капитала, процессов, которые мы стремимся подорвать и сделать более слабыми, более хрупкими. Как отмечал М. Фуко, «критика – это вопрос того, чтобы сделать вещи более хрупкими» (Foucault, 2007, p. 138), и марксизм – самая мощная теория, которая у нас есть для этого предприятия. Как утверждает Дж. Холлоуэй, «акцент на хрупкости капитализма указывает в направлении использования этой хрупкости сейчас, открывая трещины в структуре господства везде, где возможно» (Holloway, 2005, p. 273).

Есть три основных пути использования марксистской критики для подрыва оснований современного капитализма. Во-первых, в чреве зверя, в социальной вселенной капитала могут быть открыты новые пространства: альтернативы, практические инициативы, которые стремятся противостоять господству капитала и его абстракциям, особенно абстрактному труду. Эти практические действия и инициативы направлены не только на то, чтобы противостоять капиталистической общественной жизни (т. е. быть против капитала), но и на то, чтобы позиционировать себя в качестве попытки выйти за ее пределы. Во-вторых, коммунистический импульс может быть возвращен в рамках нынешнего общества путем укрепления новых форм социальных отношений внутри существующего капитализма, делая их сильнее уже сегодня. По мнению Дж. Холлоуэя, «капитализм чреват коммунизмом» (Holloway, 2005, p. 271). Наконец, третий путь – это проведение интеллектуальной атаки на капитал с позиций марксизма, это вскрытие его концептуальных слабостей, это «прыжки» на слабые места капитала, это «крики» о них «со всех крыш». Этот третий момент касается нас всех.

Да, но товар, стоимость, абстрактный труд: как нам изгнать их из нашей социальной жизни? Как нам уменьшить этих монстров до мизерных размеров, а их изуродованные тела отправить в мусоропровод? Марксистская критика обеспечивает нас таким интеллектуальным механизмом, ибо марксизм – это Большой адронный коллайдер, который расщепляет жесткие, устойчивые идеи, придающие форму социальной вселенной капитала. Включив питание атомного ускорителя, мы создаем фрагментацию категорий капитала, которые предстают как «кристаллизации того, как исторически организованы социальные отношения» (Cordero, 2017, p. 8). Как ясно дает понять М. Нири, только закрепив эти категории, или реальные абстракции в их реальной социальной сущности, их можно лишиться социальной власти и авторитета (Nearby, 2017, p. 561). Мы, следовательно, должны разрушить кристаллические идеи, которые скрепляют капитал, чтобы обнаружить, как только осядет пыль, что мы настоящие деятели, организаторы и создатели огромной социальной силы, выступающей против капитала, который нас угнетает и который является объектом марксистской критики (Moraitis & Copley, 2017, p. 99).

Р. Фелски неодобрительно замечает: «Крритика! Слово слетает с языка, как оружие, испуская быструю гортанную очередь пулеметного огня» (Felski, 2015, p. 120). Однако марксистская критика – это более сильное, ядерное, оружие, которое не связано с пулеметами или гороховыми шулерами. У нас есть социальная вселенная, которую нужно интеллектуально завоевать, и другая, которую нужно построить – одновременно! Нам нужно оружие разрушения, обладающее силой марксистской критики! Марксизм как высшее интеллектуальное оружие раскалывает застывшие категории капитала, чтобы показать силу человеческого действия во всей его магической дикости, ибо: «Возьмите категорию, расколите ее. Что мы видим? Раскол открыт, и мы обнаруживаем антагонистическое единство ценности и потребительной стоимости» (Holloway, 2012, p. 515). Это не философское противоречие, «а живой антагонизм, постоянная борьба, столкновение противоположных движений» (p. 517).

В то время как этот конкретный процесс расщепления порождает напряженность, насильственное соотношение между стоимостью (основанной

на абстрактном труде) и потребительной стоимостью (выраженной в товарах), критика не является радикальной, не проникает в суть вопроса. Как утверждает Дж. Холлоуэй, «...этого недостаточно. Нам нужно проникнуть в суть, нам нужно идти до конца (как настаивает Маркс). Нам нужно достичь понимания этой категории с точки зрения человеческих действий, проходя слой за слоем концептуализации, если это необходимо. Почему? Потому что только если мы поймем социальный мир с точки зрения человеческих действий, мы сможем четко сформулировать вопросы о том, какие человеческие действия необходимы для его изменения» (Holloway, 2012, p. 515).

Таким образом, критика продолжается до тех пор, пока не будет раскрыто человеческое содержание категорий, которые мы разрушаем; крайне важно показать, как мы (как рабочие и работники) создаем и генерируем социальные формы капитала, которые противостоят нам как призрачные, но реальные абстракции, которые управляют нашей жизнью. Критика в этом смысле – это не просто академическое упражнение, исследующее дискурс для выявления несоответствий, противоречий, апорий или пагубных ценностей, скрывающихся под выражениями кажущихся положительными добродетелей. Она направлена на то, чтобы раскрыть, что люди делают в капиталистическом обществе, что скрывается за концепциями и абстракциями, которые придают капиталу его сущность и согласованность, в целях того, чтобы действовать по-другому, чтобы коммуницировать. Отправной точкой для этого является критика «нерефлексируемых предпосылок», включенных в категории, имеющих социальную значимость в капиталистическом обществе, таких как «товар», «стоимость» и «труд», чтобы раскрыть, как эти конституированные формы «являются формами человеческой социальной практики» (Bonefeld, 2005, p. 1), чтобы показать, как мы создаем, воспитываем и поддерживаем эти социальные формы, как мы продолжаем создавать капитализм, в качестве руководства к тому, как мы могли бы создавать альтернативные социальные отношения и различные способы действий. Соответственно, марксистская критика – это теория социального переустройства, теория того, как создаются и поддерживаются капиталистические формы, как капитализм социально устроен. Критика Маркса и марксистская критика «должны показать человеческое содержание, каким бы извращенным и униженным оно ни было, конституционных форм капитала... ибо нет формы без содержания» (p. 2).

«Критика форм» (Holloway, 2001, p. 66) раскрывает антагонистический характер капиталистических социальных отношений, то, что мы также видим себя в качестве «отрицаемых субъектов», ибо «капитал зависит от того, что он отрицает: в этом заключается сила надежды, которая существует в режиме отрицания, в этом заключается надежда» (p. 68). Наш способ существования может быть отвергнут в социальной вселенной капитала, но мы всегда там; капитал не может избавиться от нас, более того, его существование зависит от нашего труда. Марксистские принципы критики категорий капиталистической политической экономики применимы также к критике религии, политики или социологии, критике гендерных исследований или чего-либо еще: «вопрос всегда в том, как мы понимаем существование категорий *ad hominem*, на основе того, как организована человеческая деятельность» (Holloway, 2012, p. 516). Также Дж. Холлоуэй утверждает, что «в центре критики находится открытие самого

важного атома из всех: труда» (р. 517), а в своих более поздних работах пишет, что именно «богатство» является реальной отправной точкой для анализа критики капитализма в «Капитале» Маркса (Holloway, 2015b).

В своих исследованиях 2001–2006 гг. мне удалось показать, что для критики капиталистического образования необходимо было взять две отправные точки, две товарные формы – рабочую силу (уникальный товар, создающий стоимость) и общий класс товаров (Rikowski, 2001, 2003, 2005). В случае частных коммерческих школ и университетов эти две товарные формы, взятые в развитии, работают в тандеме (Rikowski, 2018).

Заключение

Содержание данной статьи свидетельствует о том, что мы привержены идее преодоления капиталистического общества, включая его образовательные формы, такие как капиталистическое образование. Следовательно, марксизм в этом свете становится радикальной наукой, которая интеллектуально разрушает капитализм вместе с его образовательными формами, создает альтернативные социальные механизмы, такие как некапиталистическое образование.

Во-первых, марксизм является наиболее полно разработанной теорией, адекватной задаче интеллектуального выявления слабых мест во власти капитала. Именно из-за нашего чувства слабости перед лицом капитала нам нужен марксизм: он дает возможность находить уязвимости капитала, каким бы свирепым, агрессивным и монолитным он ни казался.

В современном обществе образование прямо или опосредованно участвует в общественном производстве рабочей силы – единственного товара, который подпитывает расширение капитала, производит прибавочную стоимость. При этом мы как реальные и потенциальные работники (например, студенты, безработные, вся резервная армия труда) обладаем товаром, который выступает источником нашей силы. Сила труда, а также социальная власть учителей вносят значительный вклад в общественное воспроизводство рабочей силы. Учителя обладают способностью ниспровергать, ставить под сомнение практикуемые современным капитализмом формы общественного производства. Они также могут разработать альтернативные, кооперативные формы образования, в которых производство рабочей силы для капитала подвергается серьезной критике. Для меня только одних этих соображений было бы достаточно для принятия марксизма в целом и марксистской теории образования в частности.

Во-вторых, марксизм – самая мощная теория кризиса, которая у нас сегодня есть. Кризис капитализма обнажает хрупкость существования и власти капитала. Для меня, как и для всех работников труда, это имеет решающее значение, поскольку капитал зависит от нас, мы можем освободиться от него, выжить и процветать, упиваясь коммунистическим порывом. Это осознание кризиса включает также понимание того, как кризисы в образовании могут стать кризисами для капитала (Rikowski, 2018).

В-третьих, марксизм – это не просто теория критики, способ критики или какая-то методология. Марксизм – это неустанная критика «всего, что существует» (Marx, 1992) в капиталистическом обществе. Поскольку марксистская теория растворяет все социальные формы и явления капитала в критике, она

может указать путь к тем видам социальной жизни, которые мы можем построить, исключив капиталистические социальные отношения. Мы можем построить эти новые формы жизни уже сейчас, и мы уже проделали часть этой работы, поскольку коммунизм уже существует как подавляемая форма жизни в капиталистическом обществе. Нам не нужно ждать появления «правильных условий», поскольку они уже с нами в течение некоторого времени!

Критика образовательных форм капитала, особенно его товарных форм, едва началась, но проделанная к настоящему времени работа указывает на то, что если мы хотим создать те виды образовательных форм, которые, как мы говорим, нам нужны, то мы должны разработать альтернативы «государственному образованию», и они уже начинают появляться.

References

1. Anker, E., & Felski, R. (Eds.). (2017). *Critique and postcritique*. Durham & London: Duke University Press.
2. Applebaum, B. (2011). Critique of critique: On suspending judgement and making judgement. In *Philosophy of education*. Yearbook of the Philosophy of Education Society, 2011.
3. Boland, T. (2013). Towards an anthropology of critique: The modern experience of liminality and crisis. *Anthropological Theory*, 13(3), 222–239.
4. Bolchover, D. (2005). *The living dead: Switched off, zoned out – the shocking truth about office life*. Chichester: Capstone Publishing Limited.
5. Boltanski, L. (2011). *On critique: A sociology of emancipation*. Malden: Polity Press.
6. Boltanski, L., & Chiapello, E. (2007). *The new spirit of capitalism*. London: Verso.
7. Bonefeld, W. (2005). *Social form, critique and human dignity*. Retrieved May 24, 2014, from <https://libcom.org/library/social-form-critique-and-human-dignity>
8. Brick, H. (2009). Is anti-capitalism enough? The new crisis & the left. Retrieved January 29, 2017, from <https://againstthecurrent.org/atc138/p2036/>
9. Butler, J. (2001). *What is critique? An essay on Foucault's virtue*. Retrieved May 27, 2015, from <https://transversal.at/transversal/0806/butler/en>
10. Caffentzis, G. (2002). *On the notion of crisis of social reproduction: A theoretical review*. Retrieved November 23, 2014, from <http://www.commoner.org.uk/caffentzis05.pdf>
11. Cordero, R. (2017). *Crisis and critique: On the fragile foundations of social life*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315753904>
12. *Crisis in the class relation* (2010). In *Endnotes collective. Endnotes 2: Misery and the value form* (pp. 2–19). Retrieved March 2, 2012, from <https://endnotes.org.uk/articles/2>
13. Diken, B. (2012). *Revolt, revolution, critique: The paradox of society*. London: Routledge.
14. Diken, B. (2015). Critique as justification – and beyond. *The Sociological Review*, 63(4), 922–939. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12336>
15. Dunn, B. (2014). *The political economy of global capital and crisis*. London:

Routledge.

16. Felski, R. (2015). *The limits of critique*. London: The University of Chicago Press Ltd.
17. Fornäs, J. (2013). The dialectics of communicative and immanent critique in cultural studies. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique*, 11(2), 504–514.
18. Foucault, M. (2007). *The politics of truth*. Los Angeles: Semiotext(e).
19. Frings, C. (2009). Global capitalism: Futures and options. Retrieved February 13, 2015, from <http://turbulence.org.uk/turbulence-4/global-capitalism-futures-and-options/>
20. Furedi, F. (2009). *Wasted: Why education isn't educating*. London: Continuum.
21. Gamble, A. (2009) *The spectre at the feast: Capitalist crisis and the politics of recession*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
22. Garland, C. (2012). We are the crisis: Class struggle as contradiction and contestation within, against, (and beyond) the capitalist present. In W. Jackson, B. Jeffrey, M. Marino & T. Sykes (Eds.), *Crisis, rupture and anxiety: An interdisciplinary examination of contemporary and historical human challenges*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
23. Garland, C. (2017). *Against "that which is": Frankfurt school-infused critical theory grounded in autonomist Marxism / autonomist Marxism grounded in Frankfurt school-infused critical theory*. Retrieved July 9, 2018, from https://www.academia.edu/35110130/Garland_C._2017_Against_that_which_is_Frankfurt_School-infused_Critical_Theory_groundedin_in_autonomist_Marxism_autonomist_Marxism_groundedin_in_Frankfurt_School-infused_Critical_Theory
24. Gürses, H. (2006). *On the topography of critique*. Retrieved May 24, 2014, from <http://eipcp.net/transversal/0806/guurses/en>
25. Hippocrates of Kos. (1983). Epidemics (book I and book III). In G. E. R. Lloyd (Ed.), *Hippocratic Writings*. Harmondsworth: Penguin Classics.
26. Hodgson, N., Vlieghe, J., & Zamojski, P. (2016). *Manifesto for a post-critical pedagogy*. Retrieved December 20, 2017, from <https://educationstudiesathope.files.wordpress.com/2016/10/download-manifesto-for-a-postcritical-pedagogy.pdf>
27. Hodgson, N., Vlieghe, J., & Zamojski, P. (2017). Manifesto for a Post-Critical Pedagogy. In N. Hodgson, J. Vlieghe, & P. Zamojski (Eds.), *Manifesto for a post-critical pedagogy* (pp. 15–22). Brooklyn: Punctum Books.
28. Hodgson, N., Vlieghe, J., & Zamojski, P. (2018). Education and the love for the world: Articulating a post-critical educational philosophy. *Foro de Educación*, 16(24), 7–20. <https://doi.org/10.14516/fde.576>
29. Holloway, J. (1987). A note on Fordism and neo-Fordism. *Common Sense: Journal of Edinburgh Conference of Socialist Economists*, (1), 52–59.
30. Holloway, J. (1991). In the beginning was the scream. *Common Sense: Journal of Edinburgh Conference of Socialist Economists*, (11), 69–77.
31. Holloway, J. (1992). Crisis, fetishism, class composition. In W. Bonefeld, R. Gunn & K. Psychopedis (Eds.), *Open Marxism. Vol. II: Theory and practice* (pp. 145–169). London: Pluto Press.
32. Holloway, J. (1994). The relevance of Marxism today. *Common Sense: Journal of Edinburgh Conference of Socialist Economists*, (15), 38–42.
33. Holloway, J. (2001). Why read Capital? *Capital & Class*, 25(3), 65–69.

34. Holloway, J. (2002). Class and classification: Against, in and beyond labour. In A. Dinerstein & M. Neary (Eds.), *The labour debate: An investigation into the theory and reality of capitalist work* (pp. 27–40). Aldershot: Ashgate.
35. Holloway, J. (2005). No. *Historical Materialism: Critical Research in Marxist Theory*, 13(4), 265–284.
36. Holloway, J. (2009). Negative and positive autonomism, or Why Adorno? In J. Holloway, F. Matamoras & S. Tischler (Eds.), *Negativity and revolution: Adorno and political activism* (pp. 95–100). London: Pluto Press.
37. Holloway, J. (2010). *Crack Capitalism*. London: Pluto Press.
38. Holloway, J. (2012). Crisis and critique. *Capital & Class*, 36(3), 515–519.
39. Holloway, J. (2015a). We Are the fragility of the system: John Holloway interviewed by Fiona Jeffries. In F. Jeffries (Ed.), *Nothing to lose but our fear*. London: Zed Books.
40. Holloway, J. (2015b). Read Capital: The first sentence, or, Capital starts with wealth, not with the commodity. *Historical Materialism: Critical Research in Marxist Theory*, 23(3), 3–26. <https://doi.org/10.1163/1569206X-12341420>
41. Holloway, J. (2020). A cascade of angers: My COVID 19 fantasy. Retrieved April 22, 2021, from <https://www.resilience.org/stories/2020-06-19/a-cascade-of-angers-my-covid-19-fantasy/>
42. Kilminster, R. (2013). Critique and overcritique in sociology. *Human figurations: Long-term Perspectives on the Human Condition*, 2(2), 1–11.
43. Latour, B. (2004). Why has critique run out of steam? Matters of fact to matters of concern. *Critical Inquiry*, 30(2), 225–248.
44. Marx, K. (1992). Marx to Ruge. Letter from the Franco-German Yearbooks, Kreuznach, September. In *Karl Marx: Early writings*. London: Penguin Books.
45. Moraitis, A., & Copley, J. (2017). Productive and unproductive labour and social form: Putting class struggle in its place. *Capital & Class*, 41(1), 91–114. <https://doi.org/10.1177/0309816816682678>
46. Neary, M. (2017). Pedagogy of hate. *Policy Futures in Education*, 15(5), 555–563. <https://doi.org/10.1177/1478210317705742>
47. Osborne, P. (2010). A sudden topicality: Marx, Nietzsche and the politics of crisis. *Radical Philosophy*, (160), 19–26.
48. Paulsen, R. (2014). *Empty labor: Idleness and workplace resistance*. Cambridge: Cambridge University Press.
49. Peters, M. (2013). *Education, science and knowledge capitalism: Creativity and the promise of openness*. New York: Peter Lang.
50. Promissory notes: From crisis to commons (2009). Retrieved December 20, 2014, from <http://www.midnightnotes.org/Promissory%20Notes.pdf>
51. Rikowski, G. (2000). *That other great class of commodities: repositioning Marxist educational theory*. A paper presented at the British Educational Research Association Annual Conference 2000, Cardiff University, September 9th, Session 10.21. Retrieved July 14, 2018, from https://www.academia.edu/6055571/That_Other_Great_Class_of_Commodities_Repositioning_Marxist_Educational_Theory
52. Rikowski, G. (2001). The business take-over of education. *Socialist Future: Quarterly Magazine of the Movement for a Socialist Future*, 9(4), 14–17.
53. Rikowski, G. (2002a). Education, capital and the transhuman. In D. Hill, P. McLaren, M. Cole & G. Rikowski (Eds.), *Marxism against postmodernism*

in *educational theory* (pp. 111–145). Lanham: Lexington Books.

54. Rikowski, G. (2002b). Fuel for the living fire: Labour-power! In A. Dinerstein & M. Neary (Eds.), *The labour debate: An investigation into the theory and reality of capitalist work* (pp. 179–202). Aldershot: Ashgate.

55. Rikowski, G. (2003). The business takeover of schools. *Mediactive: Ideas Knowledge Culture*, (1), 91–108.

56. Rikowski, G. (2005). *Silence on the wolves: What is absent in new labour's five year strategy for education*. Education Research Centre, occasional paper, May, University of Brighton. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18899.20009>

57. Rikowski, G. (2015). *Crises, commodities and education: Disruptions, eruptions, interruptions and ruptions*. A paper prepared for the Research in Critical Education Studies (RiCES) Seminar, School of Education, University of Lincoln, 19th November 2015. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.25347.71205>

58. Rikowski, G. (2018). *Education crises as crises for capital*. A paper prepared for the International Seminar for Public Pedagogies, on 'Crisis and Education', International Centre for Public Pedagogies (ICPuP), University of East London, Stratford Campus, 21st February 2018. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.19141.96483>

59. Rikowski, G. (2021). Crisis. In S. Themelis (Ed.), *Critical reflections on the language of Neoliberalism in education: Dangerous words and discourses of possibility*. Abingdon: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003111580>

60. Roitman, J. (2011). Crisis. *Political Concepts: A Critical Lexicon*, (1). Retrieved July 22, 2018, from <http://www.politicalconcepts.org/issue1/crisis/>

61. Roitman, J. (2014). *Anti-crisis*. Durham & London: Duke University Press.

62. Samman, A. (2011). The idea of crisis. *Journal of Critical Globalisation Studies*, (4), 4–9.

63. Screamin', A. (2008). *The breakdown of a relationship? Reflections on the crisis*. Retrieved March 16, 2012, from <http://endnotes.org.uk/en/screamin-alice-the-breakdown-of-a-relationship-reflections-on-the-crisis>

64. Wain, K. (2004). *The learning society in a postmodern world: The education crisis*. New York: Peter Lang.

Информация об авторе

Гленн Риковски, доктор философии (PhD), приглашенный научный сотрудник, Колледж социальных наук Университета Лондона, Лондон, Великобритания, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9821-3762>, e-mail: rikowskigr@aol.com

Information about the author

Glenn Rikowski, PhD, Visiting Fellow, College of Social Science, University of London, London, the United Kingdom, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9821-3762>, e-mail: rikowskigr@aol.com

СОВЕТСКАЯ ЭЛИТА 1930-Х ГГ.: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ

Михаил Аркадьевич Фельдман,

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
Екатеринбург, Россия,
feldman-mih@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.08.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Фельдман М.А. Советская элита 1930-х гг.: проблема идентификации // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 29–45. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_29

Аннотация

Изучение характеристик правящей элиты Советского Союза, обладавшей почти безграничными возможностями управления во всех сферах жизни общества, представляет особый интерес. Правящая элита, или «номенклатурная верхушка», формировалась главным образом из членов ЦК ВКП(б). В статье прослеживается эволюция социальных характеристик и политического поведения советских управленцев, входивших в состав ЦК ВКП(б) в 1930-е гг. Это позволяет выявить реальное соотношение утопических и адекватных условиям времени методов управления, приблизиться к пониманию подлинной истории советского общества и государства. Автором отмечается существующая в научной литературе недооценка роли пленумов ЦК ВКП(б), от которых зависела легитимизация управленческих решений советского руководства. В статье характеризуются такие процессы, как переход с 1933 г. к «умеренному курсу», связанному с нарастанием относительного «разномыслия» в различных структурах партийно-государственного аппарата; принятие государственной программы обязательного технического образования рабочих на Пленуме ЦК ВКП(б) в декабре 1935 г.; обсуждение и утверждение проекта Конституции в 1936 г. Подчеркивается, что события 1936 г. продемонстрировали глубину расхождения идеалистического и рационального подходов к основным вопросам экономической политики, выявили критику курса на количественные показатели

© Фельдман М.А., 2021

и карательные методы управления. Автор прослеживает причины трагической судьбы партийно-государственной элиты, относительно стабильной на протяжении двух десятилетий (1917–1936 г.), связывая события 1937–1938 г. с закономерным проявлением длительной борьбы двух подходов (рационального и волюнтаристского) к реализации государственной политики. Особое внимание уделяется проблемам укрепления обороноспособности СССР в предвоенные годы. Делается вывод о том, что на рубеже 1930–1940-х гг. судьба режима зависела от качества и быстроты действий «полководцев экономики» – хозяйственников различных уровней, региональных лидеров, военачальников, что привело вновь к стабилизации состава элиты, которая сохранила функцию амортизатора наиболее опасных сталинских решений.

Ключевые слова:

элита, СССР, партия, ЦК ВКП(б), индустриализация, обороноспособность, репрессии, управление, экономика.

UDC 93/94

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_29

THE SOVIET ELITE OF THE 1930^s: THE PROBLEM OF IDENTIFICATION

Mikhail A. Feldman,

Ural Institute of Management, Branch of RANEPА,
Ekaterinburg, Russia,
feldman-mih@yandex.ru

Article received on August 18, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Feldman, M.A. (2021). The Soviet Elite of the 1930s: The Problem of Identification. *Discourse-P*, 18(4), 29–45. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_29

Abstract

The study of the characteristics of the Soviet ruling elite, which had almost limitless management capabilities in all spheres of social life, is of particular interest. The ruling elite or “nomenklatura elite” was formed mainly from members of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), also known as the VKP(b). The article traces the evolution of social characteristics and political behavior of Soviet managers who were part of the Central Committee in the 1930^s. It allows us to reveal the real correlation of utopian and adequate to that epoch management methods; to get closer to understanding the true history of the Soviet society and the state. The author notes underestimation existing in the scientific literature of the role played by the plenums of the Central Committee of the VKP(b), on which the legitimization of managerial decisions of the Soviet leader-

ship depended. The article characterizes such processes as the transition to a “moderate course” since 1933, associated with the growth of relative “divergence” in various structures of the party-state apparatus; the adoption of the state program of compulsory technical education for workers at the Plenum of the Central Committee of the VKP(b) in December 1935; discussion and approval of the draft Constitution in 1936. It is emphasized that the events of 1936 demonstrated the depth of the divergence of idealistic and rational approaches to the main issues of economic policy, revealed criticism of the course on quantitative indicators and punitive management methods. The article traces the causes of the tragic fate of the party-state elite, which was relatively stable for two decades (1917–1936), linking the events of 1937–1938 with the logical manifestation of the long struggle of two approaches (rational and voluntarist) to the implementation of state policy. Special attention is paid to the problems of strengthening the defense capability of the USSR in the pre-war years. It is concluded that at the turn of the 1930^s and 1940^s the fate of the regime depended on the quality and speed of the actions taken by the “commanders of the economy” – business executives of various levels, regional leaders, military figures. It led again to the stabilization of the elite, which retained the function of a shock absorber for the most dangerous Stalin’s decisions.

Keywords:

elite, USSR, party, Central Committee of the VKP(b), industrialization, defense capability, repression, management, economy.

Постановка проблемы

Хронологические рамки исследования определяются временем становления тоталитарного режима в СССР. Историки едины в оценках масштабности, динамизма разновекторности изменений в раннесоветском обществе, включая его высшие слои, монополизировавшие властные полномочия (Красильников, 2020b, с. 6).

Что касается характеристик советской элиты 1930-х гг., в научной литературе сосуществуют противоположные, зачастую взаимоисключающие оценки исследователей: от восторженных – в годы СССР, а также у неосталинистов последних десятилетий, до резко критических – у приверженцев теории тоталитаризма.

Опубликованное в 1988 г. мнение американского историка Р. Даниелса о доминировании среди высших советских управленцев людей малообразованных, воспроизводящих худшие черты прежней российской политической культуры, склонных к авторитаризму и ксенофобии, недоверию к интеллектуалам (Модсли, Уайт, 2011, с. 167), стало основополагающим для многих отечественных и зарубежных советологов. В этом определении проявились сильные и слабые стороны сторонников теории тоталитаризма. Точка зрения историков, интерпретирующих советское общество в качестве тоталитарного, определяет его господствующий класс как монолитную структуру, находящуюся в статике, а верно подмеченные характеристики советской элиты существуют как нечто цельное и неизменное. В результате трудно определить источник и динамику изменений в управлен-

ческой страте, поэтому эвристический потенциал данной концепции ограничен. Например, невозможно получить ответ на вопрос, каким же образом высший управленческий корпус СССР смог реализовать индустриальный проект первых предвоенных пятилеток, создав оборонно-промышленный потенциал, способный противостоять фашистской Германии и ее союзникам?

Изучение характеристик руководящего слоя управленческого государства, обладавшего почти безграничными возможностями управления во всех сферах жизни советского общества, всегда представляет особый интерес. Правящая элита, или «номенклатурная верхушка» (Хлевнюк, 1996, с. 230), в советский период формировалась главным образом из членов ЦК ВКП(б). В свою очередь, членство в ЦК гарантировало сохранение партийного или государственного поста.

Актуальность исследования заключается и в том, что эволюция социальных характеристик и политического поведения советских лидеров в 1930-е гг. позволяет проследить реальное соотношение утопических и адекватных условиям времени методов управления, приблизиться к пониманию подлинной истории советского общества и государства. В этот период завершается становление и систематизация советской номенклатуры как особой общности людей, отдаленных от остальных граждан функциональными и социальными отличиями. В то же время в силу ряда факторов внутри элиты происходят процессы количественных и качественных изменений.

Категория «элита» получает широкое распространение в общественных науках в XX столетии благодаря работам итальянского социолога В. Парето, ставшего наряду с Г. Моска и Р. Михельсом основателем теории элитологии – одного из самых востребованных направлений современной политической науки. В отличие от классовой теории в рамках элитологического подхода главным основанием стратификации общества является не экономическое неравенство, а различное положение социальных групп по отношению к политической власти (Наронская, 2019, с. 86). Схожие выводы были сделаны в 1990-е гг. российскими социологами О.И. Шкаратаном и В.В. Радаевым, доказывавшими, что в советском (этакратическом) обществе в силу национализации собственности исчезла и сама база для деления на классы. Классовые признаки становятся вторичными, на первый план выходит этакратический тип стратификации, согласно которому дифференциация между социальными группами происходит, прежде всего, по их положению во властно-государственной иерархии (Радаев, Шкаратан, 1995, с. 198).

Современная российская политическая наука в лице, например, одного из самых известных элитологов А.В. Дуки предлагает три возможных уровня эмпирического и теоретического анализа властных элит:

1) *институциональный*, в рамках которого элита определяется как специфический институт общества, а элиты рассматриваются как группы, «контролирующие стратегические позиции в обществе или его подсистемах (структурах, институтах) и в связи с этим общественные ресурсы»;

2) *стратификационный*: элита изучается как социальный слой (класс), представителей которого отличает общность стиля, образа жизни, ценностей и норм поведения;

3) *функциональный*: элита исследуется как функциональная группа, а именно как совокупность индивидов, «занимающих стратегические позиции

в обществе или в его какой-нибудь подсистеме, позволяющие им принимать кардинальные решения, в том числе по поводу распределения и потребления общественных благ» (Дука, 2012, с. 49–50).

Следует отметить, что для эмпирического изучения российской политической элиты отечественными элитологами чаще всего используется один из трех подходов, предложенных Р. Патнэмом:

– *позиционный анализ*, согласно которому те, кто занимает высшие властные позиции в формальных государственных институтах, являются политической элитой;

– *репутационный анализ*, основанный на экспертных оценках степени влияния того или иного политика, государственного чиновника. На основании мнений экспертного сообщества формируется список политической элиты;

– *анализ принятия решений*, определяющий политическую элиту через идентификацию тех, кто реально принимает решения (Наронская, 2019, с. 90).

Изучение советской элиты 1930-х гг. на трех уровнях – стратификационном, институциональном и функциональном – выступает методологической основой настоящей статьи.

Историография указанной проблемы насчитывает значительный ряд исследований историков и социологов, философов и политологов, многие из которых стали классическими. Среди них М.С. Восленский, А.Г. Авторханов, М. Джилас, О.В. Гаман-Голутвина, О.В. Хлевнюк и др. Общей проблемой является отрыв социологического знания от контекста исторической эпохи, с ее конкретикой и основополагающими трендами. Кроме того, тридцатилетие постсоветского периода сохраняет определенную идеологизацию научных исследований, в частности, зависимость оценок исторических лиц от высказываний руководителей государства. Это обусловило постановку исследовательских задач: выявить нераскрытые характеристики и закономерности развития советской элиты 1930-х гг. и ее основных социально-профессиональных групп; раскрыть формы и результаты столкновений указанных групп с режимом личной власти Сталина; уточнить последствия репрессий 1936–1938 гг. для представителей правящего слоя.

Социологические характеристики советской элиты

Заметную роль в раскрытии указанной темы, прежде всего в рассмотрении советской элиты как *особого социального слоя*, сыграл выход монографии британских историков Э. Модсли и С. Уайта «Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены, 1917–1991 гг.», опубликованной в серии книг «История сталинизма» (Модсли, Уайт, 2011). Бесспорная заслуга авторов состоит в том, что они, используя как компаративный, так и биографический методы, систематизировали данные о служебном движении около двух тысяч высших управленцев СССР на протяжении всей его истории; рассмотрели вопросы о характере изменений в составе ЦК Коммунистической партии, о масштабе представительства основных социальных слоев в советской элите.

В работе подчеркивается, что в 1917–1937 гг. партийную элиту составляли люди примерно одного возраста: большинство родились до 1901 г. и выросли в дореволюционной России, почти все были участниками революции

и Гражданской войны. Речь идет о сравнительно немногочисленной группе людей (несколько сотен человек), хотя со временем пропорция старых большевиков – входивших в состав ЦК в 1917–1923 гг. – сокращалась в силу увеличения численности руководящего органа партии и «вымывания» оппозиционеров (Модсли, Уайт, 2011, с. 92).

При практически неизменной численности членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVI съезде партии (1930 г.) – 138 человек; на XVII (1934 г.) и XVIII (1939 г.) съездах – 139 человек, в состав членов ЦК в 1930 г. вошел 31, а в 1934 г. – 28 «цекистов» «ленинского» периода (1917–1923 гг.). Этот факт говорит о преемственности кадровой политики до 1936 г. Однако из 62 еще живых в 1936 г. представителей «революционной элиты» (избираемых в ЦК в период 1917–1922 гг.) жертвами политических репрессий 1937–1938 гг. стали 44 (71 %). Замена 115 из 139 «цекистов» говорила о системном истреблении тех, кто осуществлял коллективизацию и индустриализацию, в соответствии с директивами Сталина и его ближайшего окружения. Время между XVIII съездом партии (март 1939 г.) и XVIII Всесоюзной партийной конференцией (февраль 1941 г.) характеризовалось относительной стабилизацией кадрового состава ЦК: из 139 членов и кандидатов в члены ЦК 120 сохранили свой статус к началу войны (Модсли, Уайт, 2011, с. 46, 93, 141).

Что же отличало в целом социальную группу членов и кандидатов в члены ЦК? Подавляющее большинство – представители различных управленческих ведомств и структур. Так, например, в ЦК 1934 г. входили 14 руководящих работников СНК и ЦИК СССР, секретарей ЦК и работников аппарата ЦК; 41 работник наркоматов СССР и союзных республик (наркомы СССР и союзных республик, их заместители и члены коллегий наркоматов); а также 44 руководителя местных партийных органов и 15 первых лиц местных советских органов (Михайлов, 1989, с. 82).

Вместе с тем анализ состава представителей органов власти между XVII и XVIII съездами показывает: произошло уменьшение доли чиновников центральных партийных и государственных органов – с 44 % до 33 %; региональных партийных и государственных органов – с 32 % до 29 %, при резком увеличении доли силовиков (представителей армии и органов госбезопасности) – с 9 % до 21 % (Модсли, Уайт, 2011, с. 151). Это отражало не только повышенное внимание к укреплению Вооруженных сил в предвоенный период, подмеченное британскими историками, но и стремление тоталитарного режима опираться на «вычищенные» в 1937–1938 гг. кадры из силовых структур, вплоть до назначения офицеров НКВД руководителями областных комитетов партии¹; бюрократический характер политического режима.

Важную роль при определении характеристик и потенциальных возможностей верхнего звена советской бюрократии играл стаж пребывания в партии. Составы ЦК 1930 г. и 1934 г. говорили о явном преобладании старых большевиков, вступивших в ряды партии до 1917 г.: среди 139 «цекистов» таких насчитыв-

¹ Решением Политбюро ЦК ВКП(б) в апреле 1938 г. первым секретарем Свердловского обкома ВКП(б) был назначен К.И. Валухин, начальник УНКВД Омской области. В декабре того же года он был снят с должности, а затем арестован и расстрелян.

валось 95 человек (68%). Остальные члены руководящего органа партии вступили в партию в 1917 г. (23 человека) или в годы Гражданской войны (21 человек).

Э. Модсли и С. Уайт, пытаясь оттолкнуться от социальных характеристик членов ЦК правящей партии, ставят вопрос о причинах трагической судьбы партийно-государственной элиты, относительно стабильной на протяжении двух десятилетий (1917–1936 гг.), но не дают ответа. Это объясняется, во-первых, ограниченностью возможностей проведенного анализа с помощью количественных индикаторов. Во-вторых, авторы не ставили задачу выявления реализации высшими управленцами СССР своего потенциала. Тем не менее в научную литературу был внесен значительный материал для изучения советской элиты как социального слоя.

Трудно согласиться с утверждением британских историков о том, что причиной столь «беспрецедентной по своим масштабам и жестокости» замены стала управленческая несостоятельность «цекистов» 1930-х гг. (Модсли, Уайт, 2011, с. 68, 140). Анализ материалов партийных форумов 1930–1934 гг. говорит о вынужденном, скрытом, но тем не менее фактическом признании Сталиным допущенных по его инициативе волюнтаристских ошибок. Показательны в этом плане оправдания Сталина на Пленуме ЦК в январе 1933 г.²; его молчание на XVII Всесоюзной партийной конференции и сдержанная самокритика на XVII съезде партии³ – форумах, подводивших предварительные и окончательные итоги первой пятилетки.

Управленческая группа из руководителей региональных комитетов партии, состоящая в своей массе из сталинских выдвинутцев, выполнила (с огромными издержками) задачи первых пятилетних планов: об этом говорит и несменяемость большинства из них в 1928–1937 гг. По обоснованному мнению О.В. Хлевнюка, важной особенностью первой половины 1930-х гг. была относительная стабильность корпуса номенклатурных руководителей, включая региональных. Многие первые секретари региональных комитетов, входившие в ЦК, занимали посты в течение продолжительного времени (1928–1936 гг.). Стабильностью до зимы 1937 г. отличался и корпус секретарей республиканских компартий. Важно также подчеркнуть, что перемещения руководителей регионов в первой половине 1930-х гг. осуществлялись, как правило, путем передвижек внутри номенклатурной системы кадров (Хлевнюк, 2016, с. 39–40).

Проблема компетенций советской элиты

Судя по авторским статьям в экономических журналах, выступлениям на партийных форумах, мемуарной литературе, публикациям времен «оттепели», высокий профессиональный статус отличал ряд членов ЦК, представителей хозяйственной элиты: руководителя Госплана (1934–1937 гг.) В.И. Межлаука; наркома легкой промышленности (1932–1937 гг.) И.И. Любимова; наркома

² Сталин, И.В. (1951). Итоги первой пятилетки: доклад 7 января 1933 г. на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г. В И.В. Сталин, *Полное собрание сочинений* (Т. 13, с. 56–84). М.: Госполитиздат. С. 65–66, 78–84.

³ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 (1934). М.: Партиздат. С. 18–19, 24–25.

ма финансов (1934–1937 гг.) Г.Ф. Гринько; наркома лесной промышленности (1932–1936 гг.) С.С. Лобова; председателя Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР и заместителя наркома просвещения РСФСР (1930–1939 гг.) Г.М. Кржижановского; заместителя наркома тяжелой промышленности СССР (1932–1937 гг.) А.П. Серебровского; маршалов А.И. Егорова и М.Н. Тухачевского, некоторых других специалистов.

Вместе с тем, если ориентироваться на имеющиеся научные исследования, значительная часть первых секретарей обкомов и крайкомов партии отличалась низким образованием, догматичностью своих взглядов, стремлением выполнить любой ценой директиву Центра. В период до 1937 г. в группу «цекистов» входили, как правило, сталинские выдвиженцы. Судя по И.Д. Кабакову – руководителю Уральской области в 1929–1934 гг., они имели закрытый канал общения со Сталиным в форме секретных писем⁴; испытывали затруднения в работе с местными кадрами. Фактически за годы первой пятилетки Кабаков избавился от практически всех членов бюро Уральского обкома ВКП(б), работавших с ним с 1929 г.: секретарей Обкома П.Т. Зубарева, А.И. Ларичева, И.С. Семирякова; руководителей Облисполкома М.К. Ошвинцева и В.Н. Андронникова, председателя Уралоблсовнархоза Л.Е. Гольдича и др.

Общей проблемой партийных руководителей на местах до 1937 г. был невысокий образовательный уровень первых лиц в регионах. К началу 1930-х гг. доля лиц с высшим образованием среди работников партийных комитетов была существенно ниже, чем в партии в целом: 1,7% и 2,4% соответственно при примерно равенстве получивших только начальное и домашнее образование (82,1% и 84%). В то же время высшее образование имела пятая часть работников планово-регулирующих структур (20,5%)⁵.

Характеризуя изменения образовательных характеристик «цекистов», исследователи Т.П. Коржихина и Ю.Ю. Фигатнер обращают внимание на условность скачка доли лиц с высшим образованием с 20% в 1924 г. до 80% в 1939 г. в силу общего невысокого качества вузовской подготовки в годы первой пятилетки; возможности легкого получения дипломов уже занявшими посты чиновниками. Значительная часть обладателей вузовских дипломов получили его в системе военного и весьма поверхностного партийного образования (Коржихина, Фигатнер, 1993, с. 31, 34).

Вместе с тем реализация индустриального проекта в СССР, потребовав выдвижения на руководящие должности молодых, проверенных органами НКВД выпускников советских вузов, привела к росту представителей высшего звена хозяйственной элиты, вошедшей в состав ЦК либо в номенклатуру ЦК. Жесткие требования предъявлялись к руководителям отраслевых наркоматов, хозяйственных ведомств, директорам крупнейших заводов-гигантов. Некомпетентность преданных назначенцев могла быть прощена Сталиным. Но парадокс тоталитарной системы: освоение индустриальных объектов – выпуск широкой номенклатуры сложных технических изделий, узлов и агрегатов – требовало квалифицированных технократов, способных в условиях хронического дефицита

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. ОП. Д. 1, 7, 163.

⁵ *Коммунисты в составе аппарата государственных учреждений и общественных организаций. Итоги Всесоюзной партийной переписи 1927 г.* (1929). М.: Госиздат.

средств, кадров, запасных частей к оперативному самостоятельному решению. В этом ракурсе выдвигенчество, в некоторой степени содействуя формированию управленческого корпуса в промышленности, меняло состав советской элиты по различным векторам (Фельдман, 2020а).

Период 1930-х гг. – время роста влияния хозяйственной элиты и в меньшей степени ее представителей в ЦК. Пример выдвижения в ЦК А.Н. Косыгина, Н.А. Вознесенского, целого ряда молодых технократов (Л.Б. Ванникова, И.Ф. Тевосяна, В.А. Малышева, И.И. Носенко, С.З. Гинзбурга, члена ЦКК, и др.), ставших наркомками в конце 1930-х гг., свидетельствовал об определенной зависимости политического режима от управленцев с инженерным мышлением.

Характеристики советской элиты как социального слоя формировались под влиянием ряда факторов. Близость к власти, номенклатурные привилегии действительно способствовали, как пишет А. Гетти, формированию господствующей корпоративной группы. В практику советской элиты в 1930-е гг. вошли немалые денежные пособия, покупка за казенный счет мебели; оплачиваемые за счет партийной кассы обеды, банкеты; строительство роскошных, по меркам 1930-х гг., квартир и дач; выстроенные согласно секретным постановлениям ЦК и СНК сеть специальных магазинов и системы привилегий, элитных квартир. Внутренние связи крепились их особым знанием, совместным перенесением трудностей подполья; общим делом; сетью личного доверия, специфической политической культурой, отражающей их традиции; статусом общности судеб и привилегий материально-бытового положения (Гетти, 2016, с. 57, 59). Однако сравнение в монографии А. Гетти советской элиты с «высшей аристократией в старой России» вызывает сомнение: более точным стало бы сравнение с военно-служилым сословием, поскольку сохранение должности высшими управленцами 1930-х гг. зависело от выполнения заданий Центра и от доверия Сталина.

Отличие советской элиты от аристократии заключалось и в масштабах социального лифта. Социальный лифт в СССР действительно был массовый и выносил на самый верх сотни людей. Многие из них, за отсутствием способностей или за малейшие отступления от советских идеологических стандартов, «сбрасывались вниз» еще во время «движения лифта». Трагической стороной являлась цена движения социального лифта: наиболее активные созидатели индустриальной мощи СССР стали жертвами тоталитаризма.

Роли ЦК как института политической жизни СССР на протяжении 1930-х гг.

Можно ли говорить о значительной роли ЦК как *института политической жизни СССР* на протяжении 1930-х гг.? На пленумах ЦК уже не решались, как в конце 1920-х гг., стратегические вопросы развития страны. Однако история ряда пленумов ЦК этого периода свидетельствует о скрытом противостоянии управленцев, отвечающих за конкретные участки работы, частым, зачастую хаотичным, переменам «генеральной линии» партии.

Начиная с Пленума ЦК ВКП(б) в январе 1933 г., рассмотревшего итоги первой пятилетки, проблема ответственности за провалы в экономике стала опасной для удержания власти Сталина. Никакая массивированная пропаганда

«триумфа» первой пятилетки не могла вытравить из сознания хозяйственников и региональных лидеров ощущения несоответствия реальности и мифологии. Для участников январского Пленума ЦК, отвечающих за конкретные региональные или хозяйственные проекты, было очевидно, что переход к «умеренному курсу» является косвенным признанием провала политики «большого скачка». Но большинством членов ЦК это понималось только как тактическая неудача правящей партии, и сдержанные критические нотки звучали в выступлениях ряда членов ЦК. Не случайно январский Пленум ЦК 1933 г. выводил изошренность сталинской управленческой деятельности на новый уровень: даже уже произнесенное выступление участников Пленума подвергалось цензуре, и в печатном виде представало в ином облики⁶.

Э. Модсли и С. Уайт справедливо отрицают мнение ряда советологов о том, что причиной репрессий была необходимость обновления элиты и пополнение ее новыми кадрами, поскольку уничтожение $\frac{3}{4}$ представителей сталинской элиты 1934 г., не говоря уже о массовых репрессиях на более низких уровнях общества, никак не укладывается в эти рамки. Но вывод британских историков пессимистичен: репрессии 1937–1938 гг. – уникальное явление, *не имеющее рационального объяснения* (Модсли, Уайт, 2011, с. 125–126).

Так ли это? Широкомасштабное использование «чисток» партии, направленных на обеспечение поддержки необходимого уровня легитимности власти среди основных групп населения (Красильников, 2020а, с. 190), понижение в должности за малейшую критику, заполнение информационного пространства мифологизмами не остановили роста недовольства Сталиным со стороны тех, кто вынес запредельные перегрузки первой пятилетки.

Ответ управленческого корпуса на XVII съезде ВКП(б) наглядно проявился в голосовании 9 февраля 1934 г. при выборе кандидатов в состав ЦК. Число делегатов съезда, проголосовавших против Сталина, варьируется историками в диапазоне от 123 до 300. Но достоверный факт – уничтожение 166 бюллетеней (Такер, 2013, с. 320) – позволяет констатировать, что таким образом определенная часть членов и кандидатов в члены ЦК выразила свою оценку деятельности вождя.

Перед нами логическое проявление длительной борьбы двух подходов – рационального и волюнтаристского – к реализации государственной политики. Не мифические заговоры, не происки зарубежных разведок, не борьба фракций в партийно-государственном руководстве (как это было в конце 1920-х гг.). Реалистический курс в экономической сфере столкнулся с волюнтаристским в условиях, когда открытое обсуждение насущных проблем было приравнено к государственной измене. Именно этим в первую очередь объясняется тот факт, что в 1936–1938 гг. в ходе массовых репрессий против номенклатурных кадров произошла замена примерно половины хозяйственных руководителей, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б) – от наркомов до руководителей крупных предприятий (Хлевнюк, 2018, с. 60).

⁶ Выступления ряда входивших в состав ЦК хозяйственных руководителей при публикации в «Правде» были сокращены и лишены критических замечаний. См. *Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. II* (1999). М.: Институт российской истории РАН.

Показательно и другое. История всесоюзных совещаний хозяйственных руководителей и высших партийных лидеров в 1931–1936 гг. свидетельствует о нарастании противоречий в подходах к реализации пятилетних планов внутри советской элиты (Фельдман, 2021б).

Не спасало от репрессий и членство в Политбюро ЦК ВКП(б): репрессиям подверглись 9 человек, в разное время входивших в состав Политбюро ЦК: К.Я. Бауман, Н.И. Бухарин, С.В. Косиор, П.П. Постышев, Я.Э. Рудзутак, А.И. Рыков, Г.Я. Сокольников, В.Я. Чубарь и Р.И. Эйхе. Трое членов Политбюро ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде, – Киров, Куйбышев, Орджоникидзе – были убиты или умерли при невыясненных обстоятельствах, а трое кандидатов в члены Политбюро – Чубарь, Постышев и Рудзутак – были арестованы и расстреляны (Михайлов, 1989, с. 86).

Представители советской элиты в 1930-е гг. в своей массе активно поддерживали сталинский курс, демонстрируя преданность партии и лично Сталину; были повязаны политикой насилия и террора по отношению к «лишенцам», действительным и вымышленным оппозиционерам; участвовали в раздувании культа Сталина, как «вождя мирового пролетариата». Однако все эти люди помнили ход острой борьбы за власть на пленумах ЦК 1928–1929 гг., знали правду о цене сталинской деформации первого пятилетнего плана, о попытках генсека взвалить вину за последствия на нижестоящие кадры. Кроме того, мощь военной элиты, входившей в состав ЦК (например, пяти маршалов СССР!), сила региональных лидеров, влияние и возмощности наркомов усиливались системой патрон-клиентских связей. Эти связи, крепко опутавшие высший управленческий корпус СССР и являвшиеся основой благосостояния партийной номенклатуры, ее привилегированного положения в обществе, стали нормой жизни для общества этакратического типа, где каркас стратификационной структуры образует сама государственная власть, распространяющаяся на подавляющую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов.

От участников пленумов ЦК зависела легитимизация всех управленческих решений руководства СССР. Решения январского Пленума ЦК (1933 г.), официально осудившего принципы форсированного развития, позволяли руководителям наркоматов и ведомств более полно считаться с социально-экономическими реальностями и все чаще предлагать решения, противоречащие политике «большого скачка»; переход к «умеренному курсу» с 1933 г., связанный с нарастанием относительного «разномыслия» в различных структурах партийно-государственного аппарата (Дэвис, Хлевнюк 1994, с. 106); принятие государственной программы технического образования рабочих на Пленуме ЦК в декабре 1935 г.; утверждение проекта Конституции в 1936 г.; засекреченный Пленум ЦК ВКП(б) в марте 1940 г., главным вопросом которого стали «уроки войны с Финляндией»⁷ – эти и многие другие веховые изменения курса правящей партии обсуждались и утверждались на пленумах ЦК.

Ни о каких фракциях в составе ЦК уже не могло идти речи (Хлевнюк, 1996, с. 75). Но даже ограниченная критика конкретных провалов в экономике со стороны способных к рациональным методам управления отдельных членов

⁷ Путеводитель по фондам и коллекциям документов КПСС (25 октября (7 ноября) 1917 – август 1991 гг.) (2008). Вып. 4. М.: РОССПЭН.

Политбюро (Орджоникидзе, Куйбышев, Рудзутак), получая поддержку со стороны членов и кандидатов в члены ЦК, формировала определенную модель поведения – скрытую форму сопротивления (Фельдман, 2020).

События лета 1936 г. (июньские заседания Совета при наркоме тяжелой промышленности⁸) продемонстрировали глубину расхождения идеалистического и рационального подходов к основным вопросам экономической политики, прежде всего порочность курса на количественные показатели и карательные методы управления. Апогеем расхождения стали заключительные слова Орджоникидзе: «Пора нам отказаться от планирования выполнения плана по валовой продукции», – заявил нарком. «Надо планировать выполнение программы *не валовой продукции, а по товарной* – сколько *готовой* продукции мы выпустили для нашего населения, для нашего народного хозяйства»⁹.

Уничтожение части элиты не отменяло ее значения, и очередное молчание Сталина на XVIII Всесоюзной партийной конференции (февраль 1941 г.) отражало не только размышления над подходами к ускорению процесса укрепления оборонного потенциала страны, но и вынужденное признание ограниченности своих знаний и возможностей в решении этой задачи. Выступления делегатов на XVIII Всесоюзной партийной конференции высветили прерванный в 1937–1938 гг. процесс формирования двух моделей функционирования советской элиты: бюрократической, нацеленной на максимальное ужесточение наказаний за отступлений от догм и указаний сверху, и рациональной, продолжавшей, по сути, «умеренный курс». Первая нашла системное выражение в докладе Маленкова на конференции и частично в принятых резолюциях конференции. Вторая – в выступлениях ленинградской делегации (А. А. Кузнецов, Н. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин, И. М. Зальцман), осмысливших опыт Советско-финской войны. Если включение многих положений доклада Маленкова в текст резолюций означало прямую поддержку со стороны Сталина, то выдвижение в состав Политбюро Вознесенского и оперативное размещение докладов ленинградцев в газете «Правда» означало вынужденную необходимость для Сталина осмысления опыта малой войны (Фельдман, 2021b).

Поколение управленцев в составе ЦК конца 1930-х гг. перенимало от предшественников не только систему привилегий и номенклатурных должностей, но и необходимость решать конкретные задачи индустриального проекта. Уменьшение времени на решение этих задач в последние предвоенные месяцы требовали от управленцев умения оперативно и самостоятельно решать возникающие проблемы, добиваясь поддержки Сталина (Шахурин, 1984).

Действительно, в середине 1930-х гг. в номенклатурной системе проявились кризисные явления. Партийная номенклатура, которая должна была обеспечить модернизационный прорыв, в силу недостаточной компетентности, «овельможивания» местных руководящих партийных работников, расстановки

⁸ Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 25–29 июня 1936 г. представлял собой вполне конкретный форум: собрание элиты хозяйственных руководителей – заместителей наркома, руководителей главков, директоров 112 крупнейших предприятий тяжелой промышленности.

⁹ Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй Пленум. 25–29 июня 1936 г. (1936). М.: Сектор общих изд. ОНТИ. С. 390–410.

«своих» людей на ключевых постах, оказалась не готова к курсу на приоритет качественных показателей в ходе второй пятилетки, что существенно затрудняло исполнение важных государственных задач, называемых генеральной линией партии (Колтушко, 2006). Однако в это же время представители хозяйственной элиты при поддержке Орджоникидзе и руководящих работников Наркомата тяжелой промышленности выдвигают предложения по подготовке экономической реформы, способной на десятилетия обогнать время.

Недоверие Сталина к партийным региональным лидерам после XVII съезда партии, его подозрительность к инициативам хозяйственных руководителей привели к широкомасштабным репрессиям, истреблению значительной части советской элиты. Вместе с тем необходимость выполнения сложнейших производственных заданий оборонного характера в условиях приближения войны сдерживала размах и суровость самого наказания за отклонения от безусловного выполнения поручений Центра (Шахурин, 1984, с. 89). Сталинская управленческая система и ее руководитель в последние предвоенные месяцы натолкнулись на барьеры объективного характера, в том числе зависимость от компетенций представителей советской элиты. Судьба режима теперь напрямую зависела от качества и быстроты действий «полководцев экономики» – хозяйственников различных уровней, и, осознавая такую зависимость, приближение войны позволило диктатору куда более четко увидеть пределы «абсолютной» власти.

Таким образом, состав ЦК за 1930-е гг. был «избавлен» от даже потенциальных противников Сталина. Но представители советской элиты сохранили функцию амортизатора наиболее опасных сталинских решений. В критических ситуациях Сталин, установив жесткий формат обсуждения проблем, был вынужден обращаться к коллективному разуму управленцев, избранных в ЦК.

Несмотря на масштабные репрессии, принципы функционирования партийной номенклатуры и реализации власти остались прежними. Насильственный уход представителей «революционной» элиты и разрушение старых патрон-клиентских связей сменились приходом новой номенклатуры, восстановившей привычную модель патернализма. Сформировавшийся за 1930-е гг. состав советской элиты в значительной мере отражал характерные черты партийно-государственной номенклатуры в СССР в целом.

Изучение биографий членов ЦК 1930-х гг., лишенное конъюнктурного и идеологического влияния, находится на начальном этапе. Период конца 1980-х – начала 1990-х гг. принес ряд небольших статей, скорее приглашавших к полноценным исследованиям. В новом веке эта тема оказалась на периферии научных изысканий. Между тем системное исследование социальных механизмов регулирования жизненных траекторий, увязывающее возрастную дифференциацию, социально-классовое расслоение с конъюнктурными циклами, кризисами, историческими событиями, способно вывести понимание характеристик советской элиты 1930-х гг. на новый, подлинно научный уровень.

Заключение

Подведем черту. Процесс идентификации советской элиты 1930-х гг. должен включать в себя ряд последовательных исследовательских действий.

Анализ эволюции социологических характеристик партийцев, входящих в состав советской элиты, по сути, является только подготовительным действием. Ни масштабные репрессии, ни постоянное, сознательное перемещение кадров (процесс «назначенства») не меняли социального положения номенклатурного слоя, задач реализации индустриального проекта.

В годы первых пятилеток усиливается определенный «водораздел» большевистских кадров на «хозяйственников», формировавшихся во многом из представителей рабочих профессий, и «политиков», вышедших из интеллигентно-разночинской среды. Судьба и историческая оценка жизненных траекторий представителей хозяйственной элиты в большей степени, партийной номенклатуры в меньшей степени зависела от умения обеспечить модернизационный прорыв.

Иной плоскостью оценок является анализ столкновения предложений по подготовке экономической реформы, способной на десятилетия обогнать время, и усиления тоталитаризма во всех областях жизни страны. Столкновения, обусловившего гибель значительной части элиты 1930-х гг.

Список литературы

1. Гетти, А. (2016). *Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция*. М.: РОССПЭН, 2016.
2. Дука, А.В. (2012). О подходах к анализу властных элит. *Управленческое консультирование*, (3), 48–55.
3. Дэвис, Р., Хлевнюк, О.В. (1994). Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики. *Отечественная история*, (3), 92–108.
4. Колтушко, А.А. (2006). *Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936–1938 гг.* Пермь: АҚД.
5. Коржихина, Т.П., Фигатнер, Ю.Ю. (1993). Советская номенклатура: становление, механизмы действия. *Вопросы истории*, (7), 25–38.
6. Красильников, С.А. (2020а). «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства. *ЭКО*, (8), 164–192. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2020-8-164-192>
7. Красильников, С.А. (2020b). «Великий перелом» как социальное действие и политика мобилизующей раннесоветское общество диктатуры. В 1929: «Великий перелом» и его последствия: *Материалы XII международной конференции (26–28 сентября 2019 г., Екатеринбург)* (с. 6–24). М.: РОССПЭН.
8. Михайлов, Н.О. (1989). О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии. *Известия ЦК КПСС*, (12), 82–113.
9. Модсли, Э., Уайт, С. (2011). *Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг.* М.: РОССПЭН.
10. Наронская, А.Г. (2019). Концептуальные подходы к изучению политических элит (мировой и отечественный опыт). *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 14(1), 86–91.
11. Радаев, В.В., Шкаратан, О.И. (1995). *Социальная стратификация*. М.: Наука.

12. Такер, Р. (2013). *Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941*. М.: Центрполиграф.
13. Фельдман, М. А. (2020). Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б)). *Гуманитарные науки в Сибири*, 27(1), 78–84. <https://doi.org/10.15372/HSS20200111>
14. Фельдман, М. А. (2021a). Второй пятилетний план: эволюция подходов к реализации в период 1933–1936 гг. *Вопросы теоретической экономики*, (3), 127–144. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2021_3_127_144
15. Фельдман, М. А. (2021b). «Таинственная» конференция (XVIII Всесоюзная партийная конференция ВКП(б) в фокусе внешнеполитического фактора и индустриального проекта). *Россия и современный мир*, (1), 145–165. <https://doi.org/10.31249/rsm/2021.01.10>
16. Хлевнюк, О. В. (1996). *Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы*. М.: РОССПЭН.
17. Хлевнюк, О. В. (2016). Номенклатурная революция. Региональные руководители в 1936–1939 гг. *Российская история*, (5), 36–52.
18. Хлевнюк, О. В. (2018). Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны. *Российская история*, (4), 59–72. <https://doi.org/10.31857/S086956870000132-6>
19. Шахурин, А. И. (1984). *Крылья Победы*. М.: Политиздат.

References

1. Davies, R., & Khlevniuk, O. V. (1994). *Vtoraya pyatiletka: mekhanizm smeny ekonomicheskoy politiki* [The second five-year plan: A mechanism for changing economic policy]. *Otechestvennaya istoriya*, (3), 92–108.
2. Duka, A. V. (2012). *O podhodah k analizu vlastnyh elit* [On the approaches to power elite analysis]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, (3), 48–55.
3. Feldman, M. A. (2020). *Trudnaya popytka osmysleniya (novyy vzglyad na sobytiya XVII konferencii Vsesoyuznoj Kommunisticheskoy partii (b))* [A difficult attempt to comprehend (A new look at the events of the XVII Conference of the All-Union Communist Party (b))]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 27(1), 78–84. <https://doi.org/10.15372/HSS20200111>
4. Feldman, M. A. (2021a). *Vtoroj pyatiletnij plan: evolyuciya podhodov k realizacii v period 1933–1936 gg.* [The second five-year plan: The evolution of implementation approaches in the period 1933–1936]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, (3), 127–144. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2021_3_127_144
5. Feldman, M. A. (2021b). *“Tainstvennaya” konferenciya (XVIII Vsesoyuznaya partiynaya konferenciya VKP (b) v fokuse vneshnepoliticheskogo faktora i industrial'nogo proekta* [The “mysterious” conference (XVIII All-Union Party Conference of the CPSU (b) in the focus of the external political factor and the industrial project)]. *Rossiya i sovremennyy mir*, (1), 145–165. <https://doi.org/10.31249/rsm/2021.01.10>
6. Getty, A. (2016). *Praktika stalinizma: bol'sheviki, boyare i neumirayushchaya*

tradiciya [Practicing Stalinism: Bolsheviks, boyars, and the persistence of tradition]. Moscow: ROSSPEN.

7. Khlevnyuk, O.V. (1996). Politbyuro. *Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 1930-e gody* [Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s.] Moscow: ROSSPAN.

8. Khlevnyuk, O.V. (2016). *Nomenklturnaya revolyuciya. Regional'nye rukovoditeli v 1936–1939 gg.* [The nomenclature revolution. Regional leaders in 1936–1939]. *Rossiyskaya istoriya*, (5), 36–52.

9. Khlevnyuk, O.V. (2018). *Sovetskie narkomaty i decentralizaciya upravleniya ekonomikoj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet People's Commissariats and the decentralization of economic management during the Great Patriotic War]. *Rossiyskaya istoriya*, (4), 59–72. <https://doi.org/10.31857/S086956870000132-6>

10. Koltushko, A.A. (2006). *Kadrovaya revolyuciya v partijnoj nomenklature na Urale v 1936–1938 gg.* [The personnel revolution in the Party nomenclature in the Urals in 1936–1938]. Perm: AKD.

11. Korzhikhina, T.P., & Figatner, Yu.Yu. (1993). *Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy dejstviya* [The Soviet nomenklatura: Evolution and action mechanismS]. *Voprosy istorii*, (7), 25–38.

12. Krasilnikov, S.A. (2020a). “General'naya chistka” gosapparata 1929–1932 godov kak proyavlenie krizisa legitimnosti partijnogo gosudarstva [The “General purge” of the state apparatus of 1929–1932 as a manifestation of the crisis of the legitimacy of the party State]. *ECO*, (8), 164–192. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-8-164-192>

13. Krasilnikov, S.A. (2020b). “Velikij perelom” kak social'noe dejstvie i politika mobilizuyushchej rannesovetskoe obshchestvo diktatury [The “Great turning point” as a social action and policy of the dictatorship mobilizing the early Soviet society]. In 1929: “Velikij perelom” i ego posledstviya: Materialy XII mezhdunarodnoj konferencii (26–28 sentyabrya 2019 g., Ekaterinburg) (pp. 6–24). Moscow: ROSSPEN.

14. Mawdsley, E., & White, S. (2011). *Sovetskaya elita ot Lenina do Gorbacheva: Central'nyj Komitet i ego chleny, 1917–1991 gg.* [The Soviet elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and its members, 1917–1991]. Moscow: ROSSPEN.

15. Mikhailov, N.O. (1989). O sud'be chlenov i kandidatov v chleny CK VKP(b), izbrannogo XVII s'ezdom partii [About the fate of members and candidates for members of the Central Committee of the CPSU(b), elected by the XVII Party Congress]. *Izvestiya CK KPSS*, (12), 82–113.

16. Naronskaya, A.G. (2019). *Konceptual'nye podhody k izucheniyu politicheskikh elit (mirovoj i otechestvennyj opyt* [The conceptual approaches in research on political elites (international and national experience)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki*, 14(1), 86–91.

17. Radaev, V.V., & Shkaratan, O.I. (1995). *Social'naya stratifikaciya* [Social stratification]. Moscow: Nauka.

18. Shakhurin, A.I. (1984). *Kryl'ya Pobedy* [Wings of Victory]. M.: Politizdat.

19. Tucker, R. (2013). *Stalin – diktator. U vlasti. 1928–1941* [Stalin is a dictator. In power. 1928–1941]. Moscow: Tsentrpoligraf.

Информация об авторе

Михаил Аркадьевич Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>, e-mail: feldman-mih@yandex.ru

Information about the author

Mikhail Arkadyevich Feldman, Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute of Management, Branch of RANEPa, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>, e-mail: feldman-mih@yandex.ru

УДК 321+323.1

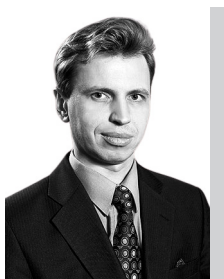
DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_46

СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПОСТСОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Дмитрий Владимирович Березняков,

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия,
bereznyakov@ngs.ru

Сергей Васильевич Козлов,

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия,
feld71@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.07.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Березняков Д.В., Козлов С.В. Советское наследие как институциональный и символический ресурс постсоветского государственного строительства // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 46–58. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_46

Аннотация

Процесс национально-государственного строительства на постсоветском пространстве стартовал и реализуется в рамочных условиях институционального

© Березняков Д.В., Козлов С.В., 2021

и символического наследия советского модернизационного проекта. В этой связи цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, опираясь на теоретические ресурсы исторической макросоциологии и исследований национализма, обозначить статус советского наследия в процессе конструирования постсоветских национальных идентичностей. Авторы делают акцент на концептуализации определяющего воздействия результатов советской политики позитивной дискриминации на возникновение и логику поведения элитных групп в процессе реализации постсоветских проектов национализирующегося государства. Подчеркивается, что дезорганизация инфраструктуры Советского Союза сформировала условия для реализации экстрактивной стратегии, воплотившейся в изъятии и превращении ресурсов распавшегося государства в разнообразные активы формирующихся постсоветских элит. Теоретическая оптика «обратной перспективы Тилли» (термин болгарского ученого и политика В. Ганева) позволяет говорить о том, что в итоге такое поведение элит самым радикальным образом ослабило институт государства, определив институциональный контекст различных вариантов национально-государственного строительства на постсоветском пространстве. В свою очередь, логика позитивной дискриминации, которая характеризовала советский формат национально-государственного строительства, опиравшийся на принцип институционального изоморфизма, привела к складыванию разнообразной протогосударственной инфраструктуры национальных республик. Авторы статьи приходят к выводу, что на основе присвоения этой инфраструктуры в значительной степени и формировались новые постсоветские политии. В таких условиях распад надэтнической советской макрополитической идентичности сочетался с процессами активной эмансипации тех стратегий символической политики, которые непосредственно опирались на ресурсную базу, возникшую по результатам советской национальной политики и, более широко, советского модернизационного проекта в целом.

Ключевые слова:

национализирующееся государство, советское модерное государство, позитивная дискриминация, институциональный изоморфизм, «обратная перспектива Тилли».

UDC 321+323.1

DOI 10.17506/18179568_2021_18_4_46

THE SOVIET LEGACY AS INSTITUTIONAL AND SYMBOLIC RESOURCE FOR POST-SOVIET STATE-BUILDING

Dmitry V. Bereznyakov,

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia,
bereznyakov@ngs.ru

Sergey V. Kozlov,

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia,
e-mail: feld71@mail.ru

Article received on July 19, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Bereznyakov, D.V., Kozlov, S.V. (2021). The Soviet Legacy as Institutional and Symbolic Resource for Post-Soviet State-Building. *Discourse-P*, 18(4), 46–58. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_46

Abstract

National state construction in the post-Soviet space was launched and is being implemented within the framework of institutional and symbolic legacy of the Soviet modernization project. Relying on theoretical resources of historical macrosociology and nationalism studies the article seeks to delineate the role of the Soviet legacy in the construction of post-Soviet national identities. It puts particular emphasis on conceptualizing a defining influence of the Soviet policy of positive discrimination and its outcomes on the emergence and behavioral patterns of elite groups in the course of implementation of post-Soviet projects of a nationalizing state. The article argues that disorganization of the Soviet infrastructure created conditions for implementation of the extraction strategy that resulted in seizing resources of the disintegrated state and turning them into various assets of the emerging post-Soviet elites. Theoretical optics of the “reversed Tillyan perspective”, the term introduced by the Bulgarian scientist and politician Venelin Ganev, makes it possible to claim that such elite behavior weakened the institution of the state dramatically and defined the institutional context of various patterns of nation-state building in the post-Soviet space. The logic of positive discrimination, inherent to the Soviet format of nation-state building based on the principle of institutional isomorphism, led in its turn to the emergence of the diverse proto-state infrastructure of the national republics. It is concluded that, to a large extent, new post-Soviet polities were being formed

as a result of appropriating that infrastructure. In these conditions, the disintegration of the supra-ethnic Soviet macro-political identity was accompanied by active emancipation of those symbolic policy strategies that were directly based on the resource pool that had emerged as a result of the Soviet national policy and more broadly, of the Soviet modernization project overall.

Keywords:

nationalizing state, Soviet modern state, affirmative action, institutional isomorphism, “reversed Tillyan perspective”.

«Прошлое плюс «пост» – вот основной рецепт, который мы в своей многословной и озадаченной непонятливости противопоставляем действительности, распадающейся на наших глазах» (Бек, 2000, с. 9).

Введение

Одной из определяющих характеристик политической динамики на пространстве бывшего СССР как в институциональном, так и в символическом плане является разновекторность тех траекторий¹ развития, которые постепенно по прошествии уже практически трех десятилетий приобрели устойчивый режимный характер. Именно такая устойчивость институционального дизайна и форматов символической политики, которая, конечно же, возникла отнюдь не сразу и имеет свою внутреннюю динамику, позволяет проводить обобщающие сравнительно-политологические исследования и прогнозировать среднесрочные перспективы тех или иных постсоветских режимов (см., например, Рогов К., 2021; Дерлугьян, 2010; Hale, 2015 и др.). Иными словами, «одна ликвидация на всех с различными последствиями для каждого» (Фурман, 2010, с. 53) привела к тому, что последствия распада советского государства институционализировались и на уровне политической культуры воплотились в (пока) стабильно воспроизводящихся нарративах и ритуалах, которые легитимируют сложившийся *status quo* уже собственно постсоветских политий.

Вместе с тем очевидно, что это многообразие имеет одно базовое исходное условие, а именно распад советской государственности и дезорганизацию сконструированной за годы ее существования советской надэтнической идентичности. Именно эти два фактора – институциональный коллапс советской современной государственности и утрата надэтнической идентичности – определили базовый набор тех проблем, с которыми столкнулись бывшие советские республики

¹ В данном контексте, с нашей точки зрения, следует говорить именно о траекториях, а не о сценариях, поскольку никаких целостных и согласованных проектов и курсов национально-государственного строительства у неожиданно (в первую очередь для них самих) возникших постсоветских государств не существовало. Поэтому аналитически корректно можно реконструировать именно траектории, фиксирующие динамику развития тактического поведения различных групп акторов в условиях распада институционального порядка СССР.

в начале 1990-х гг., встав на путь собственного национально-государственного развития.

При этом данная ситуация, с определенной точки зрения, может рассматриваться как реализовавшаяся в живой исторической конкретике альтернатива классическому (а точнее, западноевропейскому) варианту государственного строительства эпохи Модерна как в аспекте логики поведения элит, так и в плане конструирования национальной идентичности.

Постсоветские элиты и «государственное строительство наоборот»

Рассматривая поведение позднесоветских и новообразовавшихся постсоветских элитных групп, следует подчеркнуть тот принципиальный факт, что их действия в первую очередь определялись изъятием и присвоением институциональных, экономических и культурных ресурсов советского наследия государственности. В этой связи имеет смысл обратить внимание на модель объяснения динамики посткоммунистических государств, которую в свое время предложил болгарский политолог В. Ганев. Отталкиваясь от военно-налоговой концепции государственного строительства, разработанной Ч. Тилли применительно к европейским государствам Модерна и ставящей во главу угла концентрацию элитами ресурсов в формируемом государстве, В. Ганев переворачивает логику данного процесса, называя этот методологический ход мысли «обратной перспективой Тилли» (a reversed Tillyan perspective). Как пишет сам исследователь, «с точки зрения Тилли, элиты создают сеть институций для того, чтобы концентрировать ресурсы в казне, и вынуждены договариваться об условиях своих грабительских проектов с мобилизованными социальными группами. В результате этой деятельности возникают устойчивые государственные структуры. В посткоммунизме элиты выхолощивают существующие государственные структуры с целью извлечения ресурсов из государства; им не приходится считаться с социальными контрагентами и опасаться применения правил и условий, налагающих номинальные ограничения на их проекты. Результатом становится упадок государственных структур» (Ganev, 2005, p. 452).

Иными словами, можно сказать, что доминирующим проектом постсоветских элит стало изъятие ресурсов из государства (*extraction from the state*), а не их концентрация в формирующейся территориальной монополии легитимного насилия². Такое «государственное строительство наоборот» в конечном счете привело к формированию политических режимов, важнейшей особенностью которых стало отсутствие автономии и критически слабая дееспособность самого института государства. Элиты присваивали разнообразные ресурсы, но не были заинтересованы в наличии государства как метаинститута, обладающего высокоинституционализированной инфраструктурной властью, т. е. «способностью... проникать в гражданское общество и обеспечивать выполнение политических решений на всей своей территории» (Манн, 2018, с. 8). Такая ситуация, с одной стороны, создавала уникальные возможности обогащения и конвертации при-

² Обзор политологических работ о применимости концепции Ч. Тилли к постсоветскому пространству с акцентом на военной компоненте см. Силаев, Болгова, 2019.

своённых ресурсов в новообретаемые статусные позиции (в первую очередь для самой советской номенклатуры), с другой – делала крайне неустойчивыми формирующиеся коалиции элитных групп, запустив механизм перманентных политических кризисов.

Политика позитивной дискриминации, институциональный изоморфизм и двухуровневая идентичность

Очевидно, что курс на формирование национальной идентичности на постсоветском пространстве реализуется в тех институциональных и культурных контекстах, которые были сформированы в рамках наследия советского Модерна³. Здесь мы также можем видеть отчетливую специфику, которая является результатом исторически вариативного сценария реализации советского проекта модерной государственности в унаследованных большевиками имперских условиях. Следуя подходу, предложенному Т. Мартином (2011), представляется возможным определить эту специфику как *политику «позитивной дискриминации»*⁴, долгосрочные результаты реализации которой в конечном счете сформировали те ресурсы и институты, которые и были унаследованы национализирующимися постсоветскими государствами⁵.

Суть этой политики состояла в приоритетном создании инфраструктуры для территориализации и институционализации этничности нерусских этнических групп. В результате к моменту распада СССР на территории союзных республик фактически были институционализированы базовые форматы государственности, однако их специфика заключалась в принципиальной *двухуровневости*, которая выражалась в сочетании советской макрополитической идентичности и этнонациональной идентичности, формируемой политикой позитивной дискриминации.

Политика позитивной дискриминации работала в логике, которую российский исследователь О.В. Кильдюшов (2012) метко обозначил как «этнизация социалистического»: «если для западного Модерна на протяжении последних двух веков характерен процесс, который условно можно назвать «национализацией политического»..., то большевики избрали иной путь, который условно можно назвать «этнизацией социалистического». Реализация советского проекта шла рука об руку с созданием моноэтнических протогосударств для еще не существовавших тогда нерусских наций...» (с. 45).

Вместе с тем, параллельно политике позитивной дискриминации, сформировавшей протогосударственную инфраструктуру нынешних постсоветских политий, шел активный процесс конструирования собственно *советской над-*

³ Подробнее о понятии советского Модерна и дискуссиях вокруг него см. Арнасон, 2021; Дэвид-Фокс, 2020.

⁴ В русскоязычном издании работы Т. Мартина англоязычный термин *affirmative action* переведен как «положительная деятельность». Однако более корректным является использование термина «позитивная дискриминация», делающего акцент на предоставлении преимущественных прав и привилегий ранее дискриминируемым группам (социальным, конфессиональным, этническим и др.).

⁵ Разбор историографии вопроса см. Рябова, 2019.

этнической идентичности, которая ориентировалась на интеграцию полиэтнического пространства в макрополитический субъект⁶. Данный процесс был составной частью революционной динамики советского Модерна и Второй мировой войны, по результатам которой Советский Союз получил статус мировой сверхдержавы. Как показывают многочисленные исследования послевоенной советской культуры, именно период позднего сталинизма (1945–1953 гг.) можно рассматривать как фазу кристаллизации и стабилизации важнейших мифов и ритуалов идентичности, среди которых Победа в Великой Отечественной войне выступала исторически вторым мифом основания советской нации, в перспективе вытеснившим революционную эсхатологию первого советского мифа основания Октября 1917 г.⁷

Если обратить внимание на сам механизм реализации советского формата национальной политики в рамках описанной выше логики двухуровневости, то необходимо отметить, что в его основе, как подчеркивает В.Л. Заславский (2019), лежала стратегия *институционального изоморфизма* (с. 357). Институциональный изоморфизм предполагал внедрение типового набора институтов и организаций, структурирующих политическую, культурную, научную и образовательную сферы союзных республик, от республиканских ЦК партий и министерств до академий наук и разнообразных творческих союзов интеллигенции, независимо от исторической, культурной или географической специфики самих территорий. Отмечая, что основным результатом советской национальной политики стало ускорение процессов формирования наций внутри СССР, В.Л. Заславский выделил три основные предпосылки для независимого существования советских республик, ставших результатом реализации этой политики: «(1) собственные административно-обозначенные территории, населенные представителями титульных национальностей, (2) собственные политические элиты и образованный средний класс и (3) непрерывная традиция создания культурных ценностей на местных языках» (с. 362).

Очевидно, что данный институциональный изоморфизм, будучи переведенным в формат конкретных политико-управленческих решений и практик неизбежно контекстуализировался. В итоге заданный «сверху» из Центра дизайн на периферии приобретал локальные варианты, которые выражались в том, что советские национальности существенно отличались друг от друга по целому ряду параметров, от экономического неравенства территорий, демографической динамики, характера урбанизации вплоть до масштабов показателей массовой грамотности, распространения русского языка и характеристик политической культуры. Иными словами, «не будет преувеличением сравнить Советский Союз с государством, в котором объединились Норвегия и Пакистан» (Заславский, с. 372). Однако делая акцент на советской логике институционального изоморфизма, необходимо подчеркнуть специфический статус РСФСР, будущей Российской Федерации, административно-территориальное деление которой в составе 88 регионов стабилизировалось только после смерти Сталина в 1957 г.

⁶ В советском идеологическом дискурсе конструируемая надэтническая идентичность обозначалась как новая историческая общность – советский народ.

⁷ Подробнее см. Добренко, 2020, с. 7–226. Там же представлена библиография вопроса.

и просуществовало в неизменном виде до распада СССР. С одной стороны, республика внутри формировалась на основе политики позитивной дискриминации. В ее состав входили 16 автономных ССР, 6 краев, 49 областей, 5 автономных областей (все входили в состав краев), 10 автономных (до 1978 г. – национальных) округов и два города республиканского подчинения (Кынев, 2020, с. 17). С другой стороны, этот субъект не имел ключевых атрибутов, институционально изоморфных другим союзным республикам, в первую очередь собственных партийных и правительственных структур, республиканской Академии наук и пр. Этот факт во многом предопределил набор и динамику политических и идеологических конфликтов в условиях распада СССР и становления современной российской государственности⁸.

Таким образом, статус советского наследия можно рассматривать как в институциональном, так и в символическом плане. Если в первом случае перед нами сформированная в ходе коммунистической модернизации совокупность различных институтов, присвоение ресурсов которых определило логику поведения постсоветских элит, сформировав для них соответствующий инфраструктурный базис, то во втором случае – это двухуровневая иерархия культурных текстов и артефактов, с одной стороны, направленных на создание и воспроизводство советской надэтнической идентичности, а с другой стороны, сформированных в логике и по результатам политики позитивной дискриминации. Эти последние представляли собой очень разнообразный спектр, куда входили как по-советски «изобретенные традиции» и пантеоны разнообразных национальных «классиков» с их обязательными для изучения литературными, музыкальными и иными произведениями, так и отшлифованные при помощи советской этнографии, статистики, демографии и лингвистики системы категоризаций и классификаций (Кадио, 2010), напрямую использовавшихся в процессах конструирования идентичности и формирования архивов и корпусов исторических событий, «мест памяти» и легитимных исторических сюжетов.

Усилия в области производства легитимных символических классификаций играли важнейшую роль в реализации проекта советского Модерна, поскольку, чтобы формировать идентичности, генеалогии и исторические нарративы, а также коллективные представления о прошлом и настоящем, нужно иметь сформированные категории классификации социальной реальности. А. Блум и М. Меспуле (2008) подчеркивают, что «производство статистических данных не является формальным выражением государственности, оно само творит реальности. Классификация по национальному или профессиональному признаку, например, это – инструмент работы статистики с социальной сферой, сконструированные им категории, которые затем принимаются социальными акторами за свои собственные. Используя их, индивиды приходят к тому, что начинают манипулировать ими как готовыми клише для прочтения и истолкования своего окружения. Тогда категории имеют тенденцию уже не оставаться

⁸ В связи с этим стоит обратить внимание на концепцию распада СССР, предложенную Г. Хейлом. Его главный тезис заключается в том, что крушение советской государственности определялось наличием ядерного этнического региона в общей структуре советского этнофедерализма, что сформировало комплекс противоречий между Центром и РСФСР, запустивших механизм распада страны (подробнее см. Хейл, 2021).

только представлениями, а становиться фактами, реальностью, допускаемой всеми» (с. 7).

В этой связи стоит отметить тот факт, что в СССР науки, включая общественные, выступали как важнейший двигатель модернизационной динамики, а коммунизм как утопический проект будущего черпал свою легитимность на основе метафор, отсылающих к объективному знанию научных истин. Иными словами, если пользоваться терминологией немецкого историка Ш. Мерля (Merl, 2020), советское социальное было «онаученным»⁹, включая и национальную политику государства (подробнее см. Hirsch, 2005¹⁰). В качестве своего непредсказуемого последствия такая советско-модернистская установка на взаимозависимость дискурсов науки и государства (хотя, отнюдь, не только она¹¹) сформировала среду урбанизированных интеллектуальных групп, встроенных в институциональную рамку политики позитивной дискриминации национальных республик. Наиболее харизматичные, карьерно-ориентированные и удачливые представители этих светских и одновременно советских интеллектуалов уже после распада СССР станут ключевыми мнемоническими акторами и политическими лидерами, которые во многом будут определять дискурсивные форматы символической политики национализирующихся постсоветских государств¹².

⁹ Ш. Мерль употребляет термин «онаучивание социального» (англ. *the scientization of the social*, нем. *die Verwissenschaftlichung des Sozialen*), понимая под ним характерный для эпохи Модерна процесс использования социальных наук в целях реализации государственных политик, направленных на формирование более совершенных и рациональных форм общественной жизни. Подробнее о проблематике «онаучивания социального» см. Brückweh et al., 2012; Raphael, 2018.

¹⁰ В данной работе Ф. Хирш предлагает рассматривать СССР как *Scientific State*, в том смысле что, советское государство непосредственно опиралось на ресурсы социальных наук в своей политике строительства нового коммунистического общества в условиях этнического разнообразия и неравенства, унаследованного от Российской империи. В той же перспективе рассматривают становление советской статистики А. Блюм и М. Меспуле (2008), утверждая, что СССР превратил использование чисел в важнейшее основание своей политической аргументации, поскольку «легитимность большевистского государства как *государства научного* (курсив наш – Д.Б. и С.К.) основывалась на утверждении о научном характере принимаемых решений, исходящих от власти» (с. 7). Комплексное рассмотрение социальной политики довоенного СССР в общем контексте идей и практик современных государств см. Хоффманн, 2018.

¹¹ В данном случае необходимо отметить значимость советской кадровой политики формирования высококвалифицированных специалистов, включая сферу культурного производства и науки.

¹² За пределами Российской Федерации, в которой идеологически доминировали демократы, с характерной для них экономической мифологией капитализма, заложившей основы будущего триумфа неоллиберализма, «в других странах, где больше играли роль идеи национального возрождения, на первый план выходят гуманитарии и представители творческой интеллигенции: в Литве музыковед Ландсбергис, в Таджикистане кинорежиссер Худоназаров, в Узбекистане поэт Солих. Кавказ же в этот период – «царство филологов» (Эльчибей в Азербайджане, Тер-Петросян в Армении, Гамсахурдиа в Грузии, Ардзинба в Абхазии)» (Фурман, 2010, с. 42).

Таким образом, сам феномен национализирующегося государства¹³ на пространстве бывшего СССР имеет смысл рассматривать не как стабильный курс акторов с высокой степенью институционализации, а как процесс конструирования национальной идентичности в тех условиях, когда сам институт государства находился в ситуации инфраструктурной слабости и тотальной дезорганизации своих ключевых монополий. Фактически создавать приходилось не только идентичность, но и сами институты государства, и эти два процесса носили и носят асинхронный и несогласованный друг с другом характер.

Список литературы

1. Арнасон, Й. (2021). *Цивилизационные паттерны и исторические процессы*. М.: Новое литературное обозрение.
2. Бек, У. (2000) *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
3. Блюм, А., Меспуле, М. (2008). *Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине*. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина.
4. Дерлугьян, Г. (2010). *Адепт Бурдьё на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. М.: Территория будущего.
5. Добренко, Е. А. (2020). *Поздний сталинизм: эстетика политики* (Т. 1). М.: Новое литературное обозрение.
6. Дэвид-Фокс, М. (2020). *Пересекая границы: модернность, идеология и культура в России и Советском Союзе*. М.: Новое литературное обозрение.
7. Заславский, В. Л. (2019). *От неосталинского государства до постсоветской России (1970–2000)*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
8. Кадио, Ж. (2010). *Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860–1940*. М.: Новое литературное обозрение.
9. Кильдюшов, О. В. (2012). Этнизация социалистического. Заметки о национальной политике в СССР. *Вопросы национализма*, (4), 45–56.
10. Кынев, А. В. (2020). *Губернаторы в России: между выборами и назначениями*. М.: Фонд «Либеральная миссия».
11. Манн, М. (2018). Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты. *Неприкосновенный запас*, (2), 3–33.
12. Мартин, Т. (2011). *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939*. М.: РОССПЭН.
13. Рогов, К. (Ред.). (2021). *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя*. М.: Новое литературное обозрение.

¹³ Под национализирующимся государством понимается государство, еще не ставшее национальным, но пытающееся сделать свою государственность собственностью нации, номинально являющейся государствообразующей. Основная задача такого государства – достижение этнокультурной гомогенности (Vrubaker, 1996, p. 63). Достижение этой цели сопровождается ростом экстремизма и дискриминации меньшинств по этнокультурному принципу.

14. Рябова, Л.К. (2019). Позитивная дискриминация в этнополитике: постановка проблемы в современной историографии. *Новейшая история России*, 9(2), 536–548. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.215>
15. Силаев, Н.Ю., Болгова, И.В. (2019). Напрасные войны: Работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве? *Сравнительная политика*, 10(4), 133–154. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10047>
16. Тилли, Ч. (2009). *Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг.* М.: Территория будущего.
17. Фурман, Д.Е. (2010). *Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем.* М.: Весь Мир.
18. Хейл, Г. (2021). Дизайн советского этнофедерализма, его последствия и долгое эхо. В К. Рогов (Ред.), *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя* (с. 390–414). М.: Новое литературное обозрение.
19. Хоффманн, Д.Л. (2018). *Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939.* М.: Новое литературное обозрение.
20. Brubaker, R. (1996). *Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe.* Cambridge: Cambridge University Press.
21. Brückweh, K., Schumann, D., Wetzell, R. F., & Ziemann, B. (Eds.). (2012). *Engineering society. The role of the human and social sciences in modern societies, 1880–1980.* Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan.
22. Ganev, V.I. (2005). Post-communism as an episode of State building: A reversed Tillyan perspective. *Communist and Post-Communist Studies*, 38(4), 425–445.
23. Hale, H. E. (2015). *Patronal politics. Eurasian regime dynamics in comparative perspective.* Cambridge: Cambridge University Press.
24. Hirsch, F. (2005). *Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union.* Ithaca: Cornell University Press.
25. Merl, S. (2020). Modernity and the failure to maintain the peace (1918–1938): Comparing the cases of the Soviet Union and the German Reich. *Мир России*, 29(1), 103–131. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-103-131>
26. Raphael, L. (2018). *Ordnungsmuster und Deutungskämpfe. Wissenschaftspraxis in Europa des 20. Jahrhunderts.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

References

1. Arnason, J., (2021) *Civilizacionnye patterny i istoricheskie processy* [Civilizational patterns and civilizing processes]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [The risk society: Towards a new modernity]. Moscow: Progress-Tradiciya.
3. Blum, A., & Mespoulet, M. (2008). *Byurokraticheskaya anarxiya: statistika i vlast' pri Staline* [Bureaucratic anarchy: Statistics and power under Stalin]. Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina.
4. Brubaker, R. (1996). *Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe.* Cambridge: Cambridge University Press.

5. Brückweh, K., Schumann, D., Wetzell, R. F., & Ziemann, B. (Eds.). (2012). *Engineering society. The role of the human and social sciences in modern societies, 1880–1980*. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan.
6. Cadiot, J. (2010). *Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR. 1860–1940* [Empire lab: Russia/USSR. 1860–1940]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. David-Fox, M. (2020) *Peresekaya granicy: modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze* [Crossing borders: Modernity, ideology, and culture in Russia and the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Derluguian, G. (2010). *Adept Burd'e na Kavkaze: E'skizy k biografii v mirosistemnoj perspektive* [Bourdieu's adept in the Caucasus: Sketches for a biography in a world-system perspective]. Moscow: Territoriya budushhego.
9. Dobrenko, E. A. (2020). *Pozdnij stalinizm: Estetika politiki* [Late Stalinism: The aesthetics of politics] (Vol. 1). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Furman, D. E. (2010). *Dvizhenie po spirali. Politicheskaya sistema Rossii v ryadu drugix sistem* [The movement of the spiral. The political system of Russia among other systems]. Moscow: Ves' Mir.
11. Ganey, V. I. (2005). Post-communism as an episode of State building: A reversed Tillyan perspective. *Communist and Post-Communist Studies*, 38(4), 425–445.
12. Hale, H. (2021). Dizajn sovetskogo e'tnofederalizma, ego posledstviya i dolgoe e'xo [The design of Soviet ethnofederalism, its consequences and a long echo]. In Rogov K. (Ed.), *Demontazh kommunizma. Tridcat' let* (pp. 390–414). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Hale, H. E. (2015). *Patronal politics. Eurasian regime dynamics in comparative perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Hirsch, F. (2005). *Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
15. Hoffmann, D. L. (2018). *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskij socializm. 1914–1939* [Cultivating the masses. Modern State practices and Soviet socialism. 1914–1939]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Kildyushov, O. V. (2012). Etnizaciya socialisticheskogo. Zametki o nacional'noj politike v SSSR [Ethnization of the socialist. Notes on national politics in the USSR]. *Voprosy nacionalizma*, (4), 45–56.
17. Kynev, A. V. (2020). *Gubernatory v Rossii: mezhdu vyborami i naznacheniyami* [Governors in Russia: Between elections and appointments]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".
18. Mann, M. (2018). Avtonomnaya vlast' gosudarstva: istoki, mexanizmy i rezul'taty [The autonomous power of the State: Its origins, mechanisms and results]. *Neprikosnovennyj zapas*, (2), 3–33.
19. Martin, T. (2011). *Imperiya "polozhitel'noj deyatel'nosti"*. *Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939* [The empire of "positive activity". Nation and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN.
20. Merl, S. (2020). Modernity and the failure to maintain the peace (1918–1938): Comparing the cases of the Soviet Union and the German Reich. *Mir Rossii*, 29(1), 103–131. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-103-131>
21. Raphael, L. (2018). *Ordnungsmuster und Deutungskämpfe. Wissenschaftspraxis in Europa des 20. Jahrhunderts*. Göttingen: Vandenhoeck

& Ruprecht.

22. Rogov, K. (Ed.). (2021). *Demontazh kommunizma. Tridcat' let spustya* [Dismantling of Communism. Thirty years later]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

23. Ryabova, L.K. (2019). Pozitivnaya diskriminaciya v etnopolitike: postanovka problemy v sovremennoj istoriografii ["Positive discrimination" in the ethnopolitics as a problem in modern historiography]. *Novejshaya istoriya Rossii*, 9(2), 536–548. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.215>

24. Silaev, N. Yu., & Bolgova, I.V. (2019). Naprasnye vojny: Rabotaet li model' Tilly na postsovetskom prostranstve? [Vain wars: can the Tilly's model explain transformations on the post-Soviet space?]. *Sravnitel'naya politika*, 10(4), 133–154. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10047>

25. Tilly, Ch. (2009). *Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva. 990–1992 gg.* [Coercion, capital, and European States, AD 990–1992]. Moscow: Territoriya budushchego.

26. Zaslavsky, V.L. (2019). *Ot neostalinskogo gosudarstva do postsovetskoj Rossii (1970–2000)* [From the neo-Stalinist state to post-Soviet Russia (1970–2000)]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Березняков, кандидат политических наук, доцент кафедры социальной философии и политологии, Институт философии и права Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6040-4945>, e-mail: bereznyakov@ngs.ru

Сергей Васильевич Козлов, кандидат исторических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6784-8992>, e-mail: feld71@mail.ru

Information about the authors

Dmitry Vladimirovich Bereznyakov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Social Philosophy and Political Sciences, Institute for Philosophy and Law, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6040-4945>, e-mail: bereznyakov@ngs.ru

Sergey Vasilyevich Kozlov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Mass Communications, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6784-8992>, e-mail: feld71@mail.ru

УДК 323

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_59

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ: АКТОРЫ, СПЕЦИФИКА, ПОСЛЕДСТВИЯ

Александр Владимирович Скиперских,

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина,
Елец, Россия,
pisatels@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.09.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Скиперских А.В. Политика памяти о Великой Отечественной войне в Липецкой области: акторы, специфика, последствия // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 59-77. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_59

Аннотация

Политические акторы в интересах своей легитимации активно используют исторические сюжеты, апеллируя к важным событиям истории страны, отдельно взятого региона, ярким и эффектным локальным историям. Целью настоящей статьи является исследование политики памяти в Липецкой области. При этом самым актуальным дискурсом, в котором может рассматриваться региональная политика памяти, являются события Великой Отечественной войны, охватившей часть территории нынешней Липецкой области. Особый интерес для исследования представляют последствия реализуемой властью политики памяти и ее критика в публичном дискурсе. В качестве теоретической основы исследования используются ключевые сюжеты недовольства мемориальными практиками власти, описанные немецкой исследовательницей А. Ассман. Эти сюжеты проецируются на липецкий кейс. Акцентируется внимание на том, что власть контролирует меню интерпретаций, что распространяется на всю вертикаль, достигая коридоров власти Липецкой области и ее муниципалитетов. Автор на ряде конкретных примеров показывает, как каче-

© Скиперских А.В., 2021

ство коммеморативных практик иногда подводит власть. Это вызывает негативные эффекты, способствующие появлению сомнения в искренности самих исполнителей. В статье обращается внимание и на локальные истории недовольства действиями власти. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что, с одной стороны, липецкая политика работы с памятью о Великой Отечественной войне является частью национальной политики памяти, следующей из федерального центра. С другой стороны, исторические и культурные особенности каждого субъекта Российской Федерации могут вносить свои коррективы в генеральный сценарий коммеморации. Исходя из этого, можно говорить о связи содержания политики памяти в Липецкой области с территориальной и пространственной спецификой региона.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, власть, легитимация, делегитимация, политика памяти, дискурс, Липецкая область, мемориальная культура.

UDC 323

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_59

THE POLITICS OF MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE LIPETSK REGION: ACTORS, SPECIFICS, CONSEQUENCES

Aleksandr V. Skiperskikh,

Bunin Yelets State University,
Yelets, Russia,
pisatels@mail.ru

Article received on September 24, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Skiperskikh, A.V. (2021). The Politics of Memory of the Great Patriotic War in the Lipetsk Region: Actors, Specifics, Consequences. *Discourse-P*, 18(4), 59–77. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_59

Abstract

To legitimize themselves, political actors actively use historical plots, appealing to important events in the history of the country, a particular region, bright and spectacular local stories. The purpose of this article is to analyze the politics of memory in the Lipetsk region. The most relevant discourse in which the regional memory policy should be considered is the events of the Great Patriotic War covered the part of the territory of the present Lipetsk region. The author is interested in the consequences of the politics

of memory implemented by the authorities and its criticism in public discourse. The key plots of dissatisfaction with the memorial practices, described by the German scholar Aleida Assmann, serve as a theoretical basis for the research. These plots are projected onto the Lipetsk case. It is emphasized that the government controls the menu of interpretations, which extends to the entire power vertical, reaching the corridors of power of the Lipetsk region and its municipalities. Using a number of concrete examples, the author shows how the quality of commemorative practices sometimes lets the authorities down. This causes negative effects, contributing to the doubts concerning the sincerity of the officials. The article also focuses on local stories of dissatisfaction with the actions of the authorities. The author comes to the conclusion that, on the one hand, the Lipetsk politics of memory of the Great Patriotic War is a part of the national memory politics implemented by the federal center. On the other hand, the historical and cultural characteristics of each constituent entity of the Russian Federation can make their own corrections to the general scenario of the commemoration. Therefore, it can be argued that there is a connection between the content of the memory politics in the Lipetsk region and its territorial and spatial specifics.

Keywords:

Great Patriotic War, power, legitimation, delegitimation, politics of memory, discourse, Lipetsk region, memorial culture.

Введение

Политический процесс, несмотря на свою ориентированность вперед, в будущее, предполагает постоянное обращение к прошлому. Политические акторы в интересах своей легитимации активно используют те или иные исторические сюжеты, апеллируя к важным событиям истории страны, отдельно взятого региона, ярким и эффективным локальным историям. Умелое обращение с прошлым с целью извлечения политических дивидендов превращается в определенную технологию, потому как анализ подобных кейсов позволяет увидеть много схожего.

В данном тексте мы постараемся провести исследование практик политики памяти в Липецкой области, определяя ключевых акторов, апеллирующих к обществу в интересах политической легитимации. Подобная политика имеет очевидные политические последствия (эффекты), которые мы также постараемся определить. Несмотря на внешне позитивные цели и смыслы подобных политик, акторов зачастую подводит само исполнение, что порождает весьма справедливую критику. Поэтому нас также будет интересовать, насколько данные практики являются реальными просчетами субъектов коммеморации, и каков может быть потенциал недовольства ими.

Содержание политики памяти в Липецкой области связывается с историческим контекстом создания самой административной единицы в составе РСФСР в 1954 г. Таким образом, складывается ситуация, когда у области отсутствует более или менее определенное прошлое (история ряда уездов в губерниях Российской империи – Орловской, Тамбовской и Тульской – не в счет). Поэтому

самым актуальным дискурсом, в котором может рассматриваться политика памяти в Липецкой области, являются события Великой Отечественной войны, охватившей часть территории нынешней Липецкой области.

В качестве теоретической модели нами использовались наиболее распространенные сюжеты недовольства мемориальными практиками власти, которые отмечает в своей работе немецкая исследовательница А. Ассман (2016).

В рамках данной статьи мы будем различать практики политики памяти «сверху» и «снизу», что позволяет сразу же определить их потенциальных критиков. Так, если мы имеем дело с политикой памяти самой власти, «сверху», то недовольство будет исходить от оппозиционных акторов и гражданского общества, проводящего альтернативную, параллельную политику работы с прошлым. Восторг правящей элиты в таком случае будет подавляться безразличием и даже критикой остальной части общества. И, наоборот, процессы коммеморации «снизу», со стороны гражданских сил, могут вызвать логичный скепсис со стороны власти. Нужно понимать, что любая альтернативная инициатива связывается с разрушением политического монолита власти, гнездящейся, следуя логике Р. Барта (1989), в «любом дискурсе, вне зависимости от его сферы» (с. 547).

В данном исследовании нас интересуют практики коммеморации «сверху». В интересах своей легитимации власть постоянно апеллирует к событиям собственной героической истории, подключаясь к ее энергетическому потенциалу в условиях дефицита реальных поводов для гордости. В случае Липецкой области, возможно, так и происходит, потому как узнаваемость региона за его пределами связывается с известным авиацентром, созданным еще до войны, и несколькими крупными предприятиями, но только не с какими-то яркими историческими событиями, занимающими важное место в контексте истории России.

Как отмечает А. Ассман (2016), для памяти характерен «дефицит пространства» (с. 176). Поэтому вне зависимости от сюжетов и форм работы с прошлым у их субъектов может возникать ощущение, что им не хватает места для производства воспоминаний, что они каким-то образом ущемлены в этом, связаны пространственной теснотой и сопротивлением каких-либо недоброжелателей. В принципе любая практика коммеморации может объясняться именно этой логикой.

Политика памяти подчинена смыслам, лежащим в основании функционирования современных политий. Как отметил Ги Дебор (2011), современное общество подчинено спектаклю и «является зрелищным в самой своей основе» (с. 12). И если политика обладает несомненным зрелищным потенциалом, так необходимым обществу, то, соответственно, зрелищные эффекты могут присутствовать практически везде, где политическое актуализирует себя. Спектаклярный характер современных процессов не ускользнул и от Д.С. Лихачева (1989), отмечавшего потребность человека в «аттракционе» (с. 337).

Согласно наблюдениям А. Ассман, может существовать семь поводов для недовольства практиками коммеморации. Все они, за исключением одного, так или иначе присутствуют в информационном дискурсе России вне зависимости от уровней политики¹.

¹ То, что А. Ассман отмечала применительно к послевоенному германскому

Каждый политический локус по-своему управляет своей памятью, равно как и следует политическим трендам более высокого порядка, будучи подчиненным им. В качестве таких поводов называются *раздражение практиками коммеморации, политкорректность, реваншизм, забывание памяти, хореография, расхождение между декларациями и практическим воплощением, приблизительность интерпретаций*. Все отмеченные сюжеты недовольства, за исключением реваншизма, так или иначе присутствуют в Липецкой области. Попробуем разобрать каждый из них.

1. Раздражение практиками коммеморации. В России за последние годы усилились информационные акценты, связанные с событиями Второй мировой войны. Правящий класс понимает важность одной из немногих скреп, по поводу которой существует консенсус с обществом. Нарастивание давления, постоянные призывы помнить, не забывать, хранить и уважать память здесь являются объективными, потому как вместе с моральными основаниями несут в себе и весьма прозаические смыслы, связанные с воспроизводством власти, продлением ее жизненного цикла. Как отметил польский политолог А. Боднар (1991), для современного общества характерно снижение подпитки «исторической почвой», что объясняет попытки власти «призывать на помощь традиции и образцы прошлого» (с. 295).

Вместе с тем периодически могут возникать основания для раздражения чрезмерной интенсивностью напоминаний о данных событиях. Нужно понимать, что в современной России любые массовые мероприятия невозможны без высокой мобилизации, что изначально предполагает достаточно высокую степень принуждения. Мероприятия в учебных заведениях, библиотеках, спортивных объектах проводятся «сверху» и помимо педагогического и информационного эффекта несут в себе и обратную реакцию, вырабатывающую сопротивление данным инициативам. В полной мере это относится и к ситуации в Липецкой области. В частности, много сил отнимает проведение военного парада в Ельце – городе воинской славы. Многочисленные репетиции военных парадов предполагают мобилизацию учащихся учебных заведений, что тоже является поводом для недовольства. Вместо учебных занятий и периода подготовки к ЕГЭ многие старшеклассники должны участвовать в данных мероприятиях. Военный парад предполагает, что в нем должен участвовать и офицерский состав липецкого авиацентра. Перед 9 Мая можно часто видеть автобусы из Липецка, привозящие участников парада на репетиции. Военный парад разрывает логистику в городе. Привычные автобусные маршруты меняют направления и остановки, о чем заблаговременно предупреждают горожан. Наряду с этим все чаще можно увидеть, как власть пытается комбинировать историческую политику и спорт. Проводятся спортивные мероприятия в честь каких-то исторических событий, футбольные и волейбольные турниры, кроссы, забеги и т. д., что сложно укладывается в голове многих людей.

обществу, принадлежит именно ему. Но это не означает, что подобные формы недовольства не могут схематизироваться применительно к другим системам. Правда, в этом случае необходимо говорить о поправках и коррекциях в зависимости от истории участия того или иного государства в событиях Второй мировой войны. Отсюда, применительно к сегодняшней России, наследующей советскую героическую славу, будет лишним описывать кейс реваншизма.

Все чаще можно увидеть, как в муниципалитетах открываются новые меметические пространства, посвященные Великой Отечественной войне. Обустройство подобных мест, как правило, осуществляется по одной схеме. Практически в каждом муниципальном образовании можно найти памятник с танком, гаубицей или истребителем. Довольно много таких памятников в Тербунском и Воловском районах Липецкой области, где как раз проходили ожесточенные бои. Вероятно, в частых коммеморативных практиках в указанных муниципалитетах, соседствующих между собой, можно увидеть и фактор бывшего губернатора О.П. Королева, биография которого напрямую связана с Тербунским районом.

В 2015 г. в Липецке на площади Победы была возведена 38-метровая стела Победы. Власть как будто испытывает дефицит пространства, чтобы напоминать о героических событиях прошлого. В свое время именно эту тактику власти видел скульптор Э. Неизвестный (1991), говоривший о «занятии места» официальной культурой (с. 38). Новые меметические пространства не всегда гармонируют с уже сложившимся городским ландшафтом. Тем не менее интересы власти соответствовать федеральному тренду практически всегда превалируют над рациональным и эстетическим началом.

В преддверии 75-летия Победы появились такие формы работы с прошлым, как «Блокадный хлеб» и поздравления ветеранов. Данные практики моментально визуализировались исполнителями в социальных сетях. Ветеранов приглашали на различные мероприятия в администрации, где вручали юбилейные медали. Системность коммеморации можно отследить по выложенным постам в Instagram всех глав 18 муниципалитетов Липецкой области. Налицо значительное сходство в самих подходах к фиксации кейсов работы с памятью. Однообразность и схематичность постов чиновников только усиливает ощущение, что подобные инициативы перепроверяются «сверху». Подобная старательность глав муниципалитетов и глав сельских администраций объясняется необходимостью доказать факт проведенного мероприятия для вышестоящего руководства. О поздравлении ветеранов непосредственно на дому отчитывались практически все главы сельских администраций, приезжавшие по конкретным адресам с творческой поддержкой. В некоторых случаях можно было увидеть патриотические стилизации, когда сопровождавшие чиновников школьники и активисты были наряжены в реплики военной формы.

Практики коммеморации в муниципалитетах Липецкой области синхронизированы с другими подобными кейсами работы с памятью, создающимися по России в целом. Данные практики не всегда выглядят логично, что снова вызывает справедливые вопросы относительно целесообразности таких акций, их ценностного значения. В качестве примера можно привести различные сплавы по рекам, однодневные зимние походы. Это относится и к акции «Рекорд Победы», когда участникам предлагается совершить количество отжиманий, равное мирным дням после 9 Мая 1945 г. Успешность акции зависела от массовости, что ограничило площадку ее проведения Липецком, Лебедянью и Ельцом. Отсутствие общественного консенсуса накладывает свой отпечаток на реакцию на праздничный салют. Может быть популярным мнение о том, что выделенные средства полезнее было бы израсходовать по-другому.

Наряду с отмеченными формами коммеморации, вызывающими справедливые вопросы, имеют место и вполне компромиссные мероприятия. Так, в Липецкой области уже шесть раз проводился межрегиональный фестиваль военной песни «С винтовкой и гармонью». Практически к каждой годовщине событий 9 Мая те или иные кейсы памяти о войне фиксируются в мемориальных досках или других твердых формах коммеморации.

По мере приближения героической годовщины могут возникать новые мифы о прошедшей войне, в которых уже сложно отделить правду и вымысел. Как отмечал А. Ф. Лосев (1991), «мифом пропитана вся повседневная человеческая жизнь» (с. 67). Показателен кейс с легендарным конструктором М. Т. Калашниковым, лечившимся в елецком госпитале. Среди ельчан существует миф, что конструкция автомата им придумана именно в Ельце.

Несмотря на критические голоса, властью уверенно поддерживается курс на постоянное напоминание обществу о героической дате отечественной истории. Победный миф оказывается очень выгодным для современной политической элиты, для В. В. Путина и выбранного им политического курса. Связь с этим мифом становится важным уточнением, естественной цепочкой, подчеркивающей преемственность политики. По мнению Н. Г. Щербининой (2002), именно естественный миф оказывается действенным, потому как «незаметно проникает и в технологические искусственные конструкции» (с. 34).

На наш взгляд, раздражение практиками коммеморации является наиболее популярным сюжетом недовольства мемориальной культурой, в полной мере находя себя в кейсе Липецкой области и неся не совсем позитивные эффекты в целом благородной и справедливой миссии.

2. Политкорректность. Данный сюжет недовольства связан непосредственно с дискурсом власти, всякий раз выбирающей оптимальный язык говорения с обществом. Как правило, язык должен являться компромиссным и эталонным. Он желателен к воспроизводству обществом, несмотря на существующие в нем размежевания. И если такие существуют в отношении экономической ситуации, восприятию пенсионной реформы, отношении к выборам и вакцинации, поддержке политического курса и т. д., то в событиях, связанных с героической Победой, таких вопросов не остается. Другое дело, что они детализируются и уточняются.

Власть не всегда высказывается прямо и открыто по сложным вопросам истории. Более того, позиция зачастую замалчивается, уводится в сторону, что сообщает всей вертикали российской власти специфический образец для подражания. В полной мере это характерно и для нынешней Липецкой области. На наш взгляд, достаточно симптоматично выглядит история с установкой бюста И. В. Сталину региональным отделением КПРФ. Бюст установлен в день 70-летия Победы в 2015 г. и уже несколько раз притягивал к себе внимание вандалов. Сразу же после установки он был облит краской неизвестной женщиной в черной накидке, ударившей несколько раз по бюсту молотком. Резонансное нападение на бюст Сталина произошло 21 июля 2019 г., когда сразу четыре человека измазали его монтажной пеной и написали на нем «палач народов»². Выступая через

² Подробнее см. *Вандала, раскрасившего в Липецке памятник Сталину, сняла видекамера* (2015, 12 мая). Взято 27 марта 2021, с <https://chr.aif.ru/lip/incidents/>

два дня на коллегии УМВД РФ по Липецкой области, И.Г. Артамонов заявил о незаконности установки бюста: «Я узнал, что бюст Сталина установлен незаконно. А что незаконно, то должно быть удалено»³. Показательно, что еще и в начале эпопеи с бюстом Сталина прокуратура выносила предписание о демонтаже памятника, которое не было исполнено. Губернатором, по сути дела, признается, что у администрации есть все ресурсы для того, чтобы обеспечить исполнение закона и контроль над городским пространством. В то же время чувствуется, что липецкий губернатор является заложником федеральных трендов, диктующих не слишком увлекаться темой Сталина. Недосказанности его позиции добавляет и сложная история взаимоотношений с местным отделением КПРФ.

Половинчатость оценок официальных лиц является вынужденной. Политкорректность позволяет сглаживать резкую риторику, угрожающую региональной власти, всеми силами пытающейся нащупать поле для общественного консенсуса и сгладить протестную повестку.

Применительно к Липецкой области и ее муниципалитетам есть и другие практики несовпадения пафоса деклараций власти с необходимостью сохранения культурной и исторической памяти, а также примеры, когда власть не слишком критично реагирует на покушения на память о прошлом. В качестве примера можно привести атаку на памятник Ленину в Ельце в ночь с 8 на 9 ноября 2017 г.⁴ Тем самым складывается ощущение, что политика памяти муниципалитета не вызывает поддержки у определенных акторов и, даже наоборот, порождает сопротивление.

Трепетное отношение к окаменелостям прошлого свидетельствует как о политике местной власти, так и о симпатиях руководителей предприятий. Иначе, чем можно было бы объяснить такую асимметрию политики в отношении символических фигур советской государственности, героев революции и ВОВ? В этом, на наш взгляд, можно увидеть политкорректность. Советский текст часто можно увидеть на примере объектов твердой памяти. В частности, в с. Афанасьево Измалковского района Липецкой области можно увидеть памятник Ф.Э. Дзержинскому (рис. 1).

Из достаточно редких, но сохранившихся памятников в Липецкой области можно увидеть скульптурное изображение С.М. Кирова в Ельце (рис. 2), расположенное напротив офиса известкового завода.

В одном из своих исследований мы доказывали, как на примере Липецкой области постепенно размывается сегмент мемориальной культуры, связанной с событиями Великой Октябрьской социалистической революции (Скиперских, 2017). Такая политкорректность синхронизирует с федеральными трендами.

vandala_raskrasivshego_v_lipecke_pamyatnik_stalinu_snyala_videokamera; В Липецке четыре человека напали на отделение КПРФ. Они написали «палач народов» на бюсте Сталина (2019, 22 июля). Взято 27 марта 2021, с <https://meduza.io/news/2019/07/22/v-lipetske-chetyre-cheloveka-napali-na-otdelenie-kprf-oni-vzorvali-bombu-na-dveri-i-napisali-palach-narodov-na-byuste-stalina>

³ Игорь Артамонов: «Памятник Сталину в Липецке установлен незаконно» (2019, 23 июля). Взято 27 марта 2021, с <https://gorod48.ru/news/1864245/>

⁴ В Липецкой области неизвестные облили краской новый памятник (2017, 10 ноября). Взято 27 марта 2021, с <https://www.kp.ru/online/news/2926855/>

Рисунок 1 – Памятник Ф.Э. Дзержинскому, с. Афанасьево, Измалковский район Липецкой области (фото из архива автора)

Figure 1 – Monument to F.E. Dzerzhinsky, Afanasievo village, Izmailkovsky district of the Lipetsk region (photo from the author's personal archive)

К слову, 100-летний юбилей революции в России не оказался выдающимся событием и был подвергнут деликатному замалчиванию, не говоря уже о новых интерпретациях. Такое тактическое умолчание не ускользнуло от внимания исследователей. Одним из проявлений этого может быть история некоторых новых законодательных актов РФ, где понижается символический статус важных событий революции (Русакова, Кочнева, 2017, с. 18–19).

Как мы видим на примере подобных объектов материальной культуры, к ним по-прежнему может испытываться определенное благоговение, выдающее особый конструкт культурной памяти, о чем некогда высказывался американский исследователь Б. Андерсон (2016, с. 51).

Политкорректность следует увидеть и в попытках изобретения новых форм памяти – специфической коллаборации прошлого. Не только в Липецкой области, но и практически везде в России можно увидеть «двойные» названия улиц и площадей, в то время как названия советских городов (Куйбышев, Ленинград, Орджоникидзе и т. д.) постепенно забываются. Имперский период странным образом кажется более предпочтительным для запоминания – акцен-

Рисунок 2 – Памятник С. М. Кирову в Ельце (фото из архива автора)

Figure 2 – Monument to S.M. Kirov in Yelets (photo from the author's personal archive)

ты на нем постепенно размывают монополию советской памяти. Любая новая форма памяти, появляющаяся в пространстве муниципалитетов, считается тактичнее старой. Власть к этому имеет прямое отношение, потому как вопрос фиксации памяти в пространстве сегодня достаточно жестко регулируется. Вместе с этим конструирование событий, связанных с Великой Отечественной войной, получает дополнительное препятствие. Советская номинализация и подвиги, к которым апеллируют акторы, неразрывно связаны между собой. Любая попытка отделить событие, название, конкретного героя от героического потока истории вызывает откровенное недоумение.

3. Голос прошлого глуше. Советское прошлое постепенно отодвигается вглубь истории. Реальных свидетелей остается считанное количество. В частности, залегание вглубь памяти о событиях 1941–1945 гг. порождает серьезный вызов для правящего класса и для самого общества – память может быть искаженной, приблизительной. Задачей власти становится постоянное встряхивание общества и его мобилизация. О тех событиях нужно помнить, и практики власти все чаще оказываются направленными на усиление голоса памяти.

Наиболее популярные меры по реанимации памяти носят рекламный характер. Чтобы не забывали, нужно постоянно напоминать, акцентировать внимание, используя рекламные трюизмы. Попытки продвижения памяти о войне можно увидеть в практиках размещения билбордов по всей Липецкой области. К этому же кейсу следует отнести и движущуюся рекламу. Постепенно к 9 Мая рекламными напоминаниями расклеиваются автобусы городских маршрутов в муниципалитетах региона, а частные транспортные средства наклейками «Можем повторить», «Спасибо деду за Победу», «Трофей из Берлина». Реанимация памяти в данном случае может являться прикрытием для специфического жизненного стиля тех, кто пытается включиться в праздничный тренд.

Периодически в мемориальной культуре, связанной с памятью о войне 1941–1945 гг., встречаются фигуры, готовые заново испытать нечто подобное, что преодолели предки. Подобные фигуры несут в себе функцию напоминания, преодоления забвения. Здесь мы встречаемся с формами спектакулярности, привлекающими аудиторию, подключающую ее к созданному аттракциону. Одной из таких форм можно назвать конкурс «Парад колясок». В положении о конкурсе расписываются номинации, а победители и призеры награждаются администрациями.

Равно как и по всей России, липецкие родители переодевают своих детей в военную форму – реплику советской военной формы. Разрабатываются различные патриотические викторины. На сайтах липецких детских садов можно обнаружить информацию о проходящих мероприятиях, так или иначе посвященных юбилейной дате. В частности, в одном из детских садов прошла выставка «Парад военной техники».

Необходимость напоминаний о прошедшей войне способствует расширению и меню зрелищных событий. К марафону памяти подключаются досуговые учреждения, в репертуаре которых обязательно появляется что-то военное. В частности, с поправкой на карантинные мероприятия, в апреле 2020 г. Елецкий драматический театр «Бенефис» предлагал зрителям драматическую балладу А. Дударева «Не покидай меня». Липецкий драматический театр на Соколе анонсировал премьеру спектакля «Теркин, Теркин...» по мотивам поэмы А. Твардовского. Липецкий государственный академический театр драмы им. Л.Н. Толстого заявил показ спектакля «Соловьиная ночь» В. Ежова.

Приглушение голоса прошлого вызывает у областной администрации, равно как и у власти муниципалитетов Липецкой области, необходимость в практиках устройства новых мемориальных пространств и поддержке уже существующих в надлежащем состоянии. Память должна постоянно «говорить» для общества, свидетельствуя о героическом времени. Примеры военных инсталляций, конкурсов рисунков о войне, открытия памятников и скульптур, а также обустройства новых мест памяти могут обнаружиться практически в каждом муниципальном образовании Липецкой области.

Вместе с тем приглушение голоса прошлого может отчасти работать и на нынешнюю власть. Это касается сложных страниц советской истории, которые власть деликатно обходит стороной и не озадачивается необходимостью постоянно и назидательно комментировать их. В Липецкой области сегодня нельзя назвать популярными сюжеты коммеморации, связанные с издержками тоталитарного прошлого. М. Маколи (2011) справедливо вопрошает по этому

поводу: «Если правители предпочитают хранить молчание, откуда может возникнуть импульс к переосмыслению прошлого?» (с. 136).

Борьба за альтернативное пространство памяти становится уделом других акторов, для которых принципиально не замолчать темные страницы истории. Инициативу здесь принимает РПЦ. Последние годы были отмечены попытками зафиксировать политики напоминания по поводу пострадавших за веру, при этом деликатно умалчивается, что некоторые практики репрессий случились как раз в годы войны. Тем не менее на отдельных храмах и близлежащих строениях появились мемориальные доски (Елец, Лебедянский район и т. д.). Есть случаи появления упоминаний о репрессиях в форме обычных указателей возле храмов, где могли служить репрессированные священники (с. Знаменское Измалковского района). В целом нужно отметить, что альтернативное пространство памяти всегда является очень укромным, потому как противостоит мощной официальной линии. Бережливость в отношении подобных практик молчания и охранения прошлого всегда является принципиальным вопросом существования человека в непростые времена истории, о чем говорила Х. Арендт (2003).

4. Расхождение между декларацией и практикой. Поводом для недовольства может служить и несоответствие деклараций политиков реальной ситуации. Данный сюжет недовольства является популярным, ведь критикам политики памяти всегда может казаться недостаточным то, что делается для сохранения памяти о важных исторических событиях. В частности, если продолжать разговор по поводу памяти о героических событиях 1941–1945 гг., поводом для недовольства могут быть заявления о поддержке ветеранов, мерах по улучшению их жилищных условий, которые в итоге не оборачиваются реальными делами. Присутствие поддержки, тем не менее, может порождать критические рефлексии по поводу того, почему такое внимание не оказывалось раньше. Вызывают нарекания и практики поздравления ветеранов самой властью, когда радостные лица чиновников и их одежда на «дежурных» фотографиях для отчетов в социальных сетях контрастируют с состоянием самих ветеранов и их бытовыми условиями.

Сам по себе факт подключения к энергетикам памяти о войне является раздражительным и может ставить под сомнение любые партийные и политические мероприятия. Особенно актуально это в тот момент, когда политика памяти проводится представителями правящей партии⁵.

⁵ Как отметил депутат Госдумы ФС РФ В. Богодухов, региональный координатор партийного проекта «Историческая память», участвовавший в субботнике на Евдокиевском кладбище в Липецке, проведенное мероприятие – «наша дань уважения тем людям, которые сражались за Родину. На Евдокиевском кладбище похоронены солдаты, умершие от ран в госпиталях Липецка во время Великой Отечественной войны. Здесь покоятся легендарные летчики Леонтий Кривенков и Сергей Шерстобитов, ценой своей жизни в декабре 1968 г. спасшие сотни мирных людей от гибели. Надеюсь, что в этом году мы завершим начатое дело и придадим кладбищу статус военно-мемориального комплекса». Подробнее см. *Единороссы привели в порядок военные захоронения Евдокиевского кладбища* (2020, 21 марта). Взято 12 апреля 2021, с <http://lipetskmedia.ru/news/view/128569-Yedinorossi.html>. Непосредственная поддержка отделения «Единой России» присутствует в афише спектакля «Не покидай меня» Елецкого драматического театра «Бенефис», выступая молчаливым доказательством политизации «сверху» любых

Политика коммеморации в Липецкой области связывается с присвоением новых статусов и созданием специфических легенд и мифов о войне, что снова говорит преимущественно о виртуальных акцентах коммеморации вместо прямой и точечной работы по поддержке конкретных интересантов. В частности, недавно, на одной из сессий Липецкого областного Совета депутатов было принято решение о присвоении почетного звания «Населенный пункт воинской доблести» селу Стрелец Долгоруковского района и «Рубеж воинской доблести» – участку местности «Высота Огурец» Воловского района.

В качестве отдельного кейса недовольства практиками коммеморации в контексте расхождения между декларациями и практикой можно отметить постепенно накапливающиеся ситуации несоответствия ожиданий реальному исходу в случае реконструкций каких-либо объектов, связанных с памятью о войне. Примером подобного расхождения может быть печальная реконструкция в Ельце памятника художнику Н. Н. Жукову (рис. 3) – известному военному художнику-корреспонденту и автору многочисленных зарисовок Нюрнбергского трибунала. Итальянский мрамор был заменен на кирпич, имитирующий гвардейскую ленту. Подобные опыты реконструкции, безусловно, говорят о совершенно непередаваемом эстетическом горизонте местной власти, допустившей такое расхождение с изначальной задумкой скульптора.

5. Хореография мероприятий. Практически каждое мероприятие коммеморации предполагает, что в нем присутствует власть, стало быть, именно она является ключевым распорядителем и зрителем. Власть находится в первых рядах. Именно на нее направлены объективы камер, и именно она подчиняет себе общественное внимание наряду с самим торжественным поводом. Власть перерезает ленточки, произносит приветственное слово, открывает мероприятия. Именно эти технические моменты являются носителями вируса недовольства, что происходит и на самом деле.

Необходимость присутствия представителей власти на мероприятиях по коммеморации является частью схемы, где заранее расписываются хореографические эффекты и последовательность выступления. Показательно, как в случае с праздничными событиями 9 Мая определена позиция власти. Власть следует за военным парадом. Вместе с представителями администрации, как правило, идут влиятельные представители РПЦ. После них – Бессмертный полк. Такая очередность выступает дополнительным доказательством иерархичности политического пространства. Подтверждением хореографичности политики памяти является затруднение доступа к параду со стороны обычных людей. Для посещения парада требуется пригласительный билет, а непосредственное место парада огораживается.

В частности, еще в 2019 г. И. Г. Артамонов, будучи в статусе исполняющего обязанности главы администрации Липецкой области, дважды поучаствовал в шествии «Бессмертного полка» – в Ельце и Липецке. Необходимость участия власти в символически важных мероприятиях заставляет ее представителей достаточно усердно и внимательно соблюдать политическую хореографию мероприятий. Безусловно, подобный опыт был важен для И. Г. Артамонова, и нет

публичных инициатив и творческих лабораторий. Безусловно, сама инициатива выглядит вполне позитивной, если освободить ее от политического контекста.

Рисунок 3 – Памятник художнику Н. Н. Жукову в Ельце в период реконструкции (фото из архива автора)

Figure 3 – Monument to the painter N.N. Zhukov in Yelets during reconstruction (photo from the author's personal archive)

сомнений, что он был позитивно воспринят со стороны его потенциальных избирателей.

6. Приблизительность интерпретаций. Важной проблемой для системы власти России сегодня становится ротация чиновничьих кадров. Омоложение чиновничества, с одной стороны, является объективным процессом и важно для функционирования власти. С другой стороны, нынешние молодые чиновники не являются столь символически зависимыми от героических событий прошлого на контрасте с их предшественниками. Их интеллектуальный бэкграунд может значительно уступать набору представлений чиновников советского призыва, бывших комсомольцев, выпускников вузов конца 1990-х гг. События Второй мировой войны представляются в формате ЕГЭ, что несет в себе высокие риски приблизительности последующих официальных оценок и комментариев в публичном дискурсе. Значительное кадровое омоложение мы видим и на примере пресс-служб, ответственных за подготовку официальных текстов. Поэтому меседжи власти могут выглядеть чрезмерно расплывчато, приблизительно, не совсем точно. Такие сигналы следуют из многих субъектов РФ.

С каждым новым витком истории, появлением новых точек отсчета, сопровождающих смену политических элит, как отмечает П. Хаттон (2004), «коммеморативные практики прошлых эпох могут быть теперь разобраны с бесстрастной отчужденностью» (с. 49).

Приблизительность интерпретаций можно увидеть и на примере памятника танкистам 150-й отдельной танковой бригады (рис. 4), освобождавшей Елец в декабре 1941 г. Вопрос достоверности используемой в памятнике модели танка и его связи с событиями, к памяти которых должен отправлять монумент, безусловно, вызывает вопросы. Танк Т-72 заменяет танк Т-34, который в то время мог использоваться в освобождении города.

Рисунок 4 – Памятник танкистам, освобождавшим Елец в декабре 1941 г. (фото из архива автора)

Figure 4 – Monument to tankmen who liberated Yelets in December 1941 (photo from the author's personal archive)

Приблизительность интерпретации событий Великой Победы присутствует и в ситуациях, когда о войне рассказывают те, кто не имеет к ней прямого отношения. Реальных ветеранов с каждой праздничной датой становится меньше, поэтому все чаще можно увидеть случаи, когда о ней рассказывают представители военных ветеранских организаций, военные пенсионеры, краеведы и т. д. Потенциал недовольства изначально будет заложен в историях о войне, написанных издали, «сверху», и рассказываемых менторским, холодным тоном, либо, наоборот, с позиций игры, карнавальности.

Приблизительность интерпретаций увеличивается по мере расширения количества акторов, участвующих в производстве политики памяти. Голос прошлого становится все глуше, однако все больше акторов пытаются зафиксировать в нем свои интересы и акцентировать внимание на своих собственных героях, представляющих те или иные институты. Так, в политику памяти включаются РПЦ, Нотариальная палата РФ, Прокуратура РФ, ветеранские организации, многочисленные потомки влиятельных родов и династий. Истории участия в политике памяти имеют свои доказательства, потому как уже зафиксированы в пространстве Липецкой области. Следует отметить деятельность и поисковых, и экспедиционных отрядов, делающих важную работу по уточнению исторических событий войны. Подобные отряды сегодня организованы практически в каждом муниципальном районе Липецкой области. Появляется и новый жанр рассказа поисковиков о собственной деятельности⁶.

Участвуют в политике памяти о Великой Отечественной войне и альтернативные акторы, подвергающие историю войны авторской деконструкции. Равно как и со стороны власти, у данных акторов может присутствовать и не совсем позитивный опыт работы с прошлым⁷.

Параллельная политика памяти может встречать со стороны власти и молчаливое равнодушие, в лучшем случае – невмешательство. К слову, так было в Липецке с неофициальным открытием инициативной группой бюста Гагарина, вывезенного из заброшенного пионерского лагеря⁸. О позиции власти говорит один только факт, что инициативная группа добивалась лояльности власти в течение последних 10 лет. Бюст установили только в апреле 2021 г.

Заключение

Таким образом, в политике памяти, осуществляющейся на территории Липецкой области, акцент на события Великой Отечественной войны является неизбежным. В настоящий момент вряд ли существует равная по силе тема для многочисленных обращений и попыток деконструкции со стороны тех или иных акторов. Вместе с тем, несмотря на объективно важные кейсы работы с памятью (деятельность поисковиков, открытие мемориальных досок и т. д.), в поли-

⁶ Так, П. Лаврищев из поискового отряда «Зверобой» рассказывает о найденном истребителе ЛаГГ-3 и английском танке «Матильда». Эффективность поисковых практик увеличивается по мере развития глобальной Сети на контрасте с 1990-ми гг., когда, как отмечает П. Лаврищев, «у нас был только шуп, штыковая и совковая лопата». Подробнее см. *Пока не найден последний солдат* (2021, май). Взято 3 сентября 2021, с https://litsa.lpgzt.ru/pdf/LITSA_5_2021.pdf

⁷ Интересна недавняя история с одним депутатом из Воловского района Липецкой области. Подробнее см. *Сельский житель хранил в гараже боеприпасы, в том числе фугасный снаряд* (2021, 16 марта). Взято 3 сентября 2021, с https://lipetskmedia.ru/news/view/144161-Syelskiii_zhityel.html

⁸ О сложной истории диалога инициативной группы с липецкой властью см. *В Липецке установили новый памятник Гагарину* (без даты). Взято 3 октября 2021, с <https://gorod48.ru/news/1912429/>

тике памяти могут существовать определенные спорные фигуры. По их поводу неизбежно открываются дискуссии. Большое количество акторов, участвующих в производстве политики памяти, неизбежно наполняет сами практики видимым разнообразием форм и интерпретаций. В Липецкой области присутствуют практически все сюжеты недовольства, описанные А. Ассман. Следует отметить, что любая инициатива политики памяти несет в себе сильное политическое напряжение, потому как рассматривается в дискурсе власти, требующем соблюдения определенных правил игры и моделей подчинения. Тем не менее в каждом кейсе коммеморации причудливо переплетается история самого общества с его героическими и трагическими моментами, личными и семейными историями, что зачастую противоречит официальной линии.

Список литературы

1. Андерсен, Б. (2016). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Кучково поле.
2. Арендт, Х. (2003). *Люди в темные времена*. М.: Московская школа политических исследований.
3. Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
4. Барт, Р. (1989). *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс.
5. Боднар, А. (1991). Историческая обусловленность политический действий. Политическая система и историческая почва. В *Элементы теории политики* (с. 292–307). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета.
6. Дебор, Г. (2011). *Общество спектакля*. М.: Орудошитель.
7. Лихачев, Д.С. (1989). *Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет*. Л.: Советский писатель.
8. Лосев, А. Ф. (1991). *Философия. Мифология. Культура*. М.: Издательство политической литературы.
9. Маколи, М. (2011). Историческая память и общество сограждан. *Pro et Contra*, 15(1–2), 134–149.
10. Неизвестный, Э. (1991). *Говорит Неизвестный*. Пермь: Пермские новости.
11. Русакова, О. Ф., Кочнева, Е. Д. (2017). Оценки октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. *Дискурс-Пи*, (3–4), 17–30. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.1730>
12. Скиперских, А. В. (2017). История российской провинции в мемориальной культуре: политическое конструирование. *Вестник Томского государственного университета. История*, (47), 121–127. <https://doi.org/10.17223/19988613/47/17>
13. Хаттон, П. (2004). *История как искусство памяти*. М.: Владимир Даль.
14. Щербинина, Н.Г. (2002). *Герой и антигерой в политике России*. М.: Весь мир.

References

1. Andersen, B. (2016). *Voobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.
2. Arendt, H. (2003). *Lyudi v tymnye vremena* [Men in dark times]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
3. Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memoreal'noj kul'turoj* [New dissatisfaction with memory culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Barthes, R. (1989). *Izbrannye raboty. Semiotika. Poehtika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress.
5. Bodnar, A. (1991). Istoricheskaya obuslovlennost' politicheskij deystvij. Politicheskaya sistema i istoricheskaya pochva [Historical conditionality of political action. Political system and historical soil]. In *Elementy teorii politiki* (pp. 292–307). Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta.
6. Debord, G. (2011). *Obshchestvo spektaklia* [The society of the spectacle]. Moscow: Opustoshitel'.
7. Hutton, P. (2004). *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an art of memory]. Moscow: Vladimir Dal'.
8. Likhachov, D.S. (1989). *zametki i nablyudeniya. Iz zapisnyh knizhek raznyh let* [Notes and observations. From notebooks of different years]. Leningrad: Sovetskij pisatel'.
9. Losev, A.F. (1991). *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
10. Makoli, M. (2011). Istoricheskaya pamyat' i obshchestvo sograzhdan [Historical memory and community of fellow citizens]. *Pro et Contra*, 15(1–2), 134–149.
11. Neizvestny, E. (1991). *Govorit Neizvestnyj* [Neizvestny Says]. Perm: Permskie novosti.
12. Rusakova, O.F., & Kochneva, E.D. (2017). Ocenki oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati [Evaluations of October revolution in the official discourse of the politics of memory]. *Diskurs-Pi*, (3–4), 17–30. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.1730>
13. Shcherbinina, N.G. (2002). *Geroj i antigeroy v politike Rossii* [Hero and antihero in Russian politics]. Moscow: Ves' mir.
14. Skiperskikh, A.V. (2017). Istoriya rossijskoj provintsii v memorial'noj culture: politicheskoe ekonstruirovaniye [History of the Russian province in the memorial culture: Political construction]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya*, (47), 121–127. <https://doi.org/10.17223/19988613/47/17>

Информация об авторе

Александр Владимирович Скиперских, доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, Елец, Россия, e-mail: pisatels@mail.ru

Information about the author

Aleksandr Vladimirovich Skiperskikh, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Science, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, e-mail: pisatels@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Степан Сергеевич Лифанов,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
st.lifanov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.07.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Лифанов С.С. Историческая память и наднациональная идентичность в западноевропейских государствах // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 78–93. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_78

Аннотация

Стратегия исторической памяти Западной Европы претерпела существенные изменения за последние несколько десятилетий, пройдя путь от признания собственной ответственности и вины за Холокост как центрального элемента исторической памяти западноевропейских либерально-демократических стран до поддержки и полного принятия политики памяти посткоммунистических стран, основанной на «оккупационной риторике», символизме и виктимизации восточноевропейских государств. В статье предпринимается попытка выявить некоторые специфические черты развития западноевропейской политики памяти как области символической политики, способствующей формированию наднациональной идентичности. Основными методами исследования стали анализ литературы по проблематике исследований политики памяти; сравнительный анализ; анализ медиаисточников; частично применялся исторический анализ. Научная новизна работы заключается в выделении специфических черт западноевропейского проекта исторической памяти, что стало возможным в результате анализа процесса его трансформации. На основании проведенного исследования автор делает ряд выводов. Во-первых, трансформация исторической памяти проходила под влиянием расширения

© Лифанов С.С., 2021

Европейского союза в 2004 и 2007 гг., когда национальные рамки исторической памяти восточноевропейских стран стали доминирующими на всем пространстве ЕС, постепенно вытесняя западноевропейскую модель исторической памяти. Во-вторых, наднациональная идентичность в западноевропейских странах могла опираться на изначальный вариант коллективной памяти, основанный на Холокосте, однако из-за неспособности охватить расширившийся Евросоюз коллективная память стала камнем преткновения в построении общеевропейской идентичности. В-третьих, наблюдается изменение характера и сущности исторической памяти, произошедшее в результате переноса политики памяти в пространство постправды, что обусловило акцент на символизме, эмоциональном окрашивании трактовок исторических событий и редуцировании истории до «нужного» уровня в противовес изначальному чувству коллективной ответственности и осознанию собственной вины, лежавшим в основе западноевропейской исторической памяти.

Ключевые слова:

политика памяти, историческая память, Западная Европа, Восточная Европа, наднациональная идентичность, либерально-демократические государства, постправда.

UDC 32.019.51+327

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_78

HISTORICAL MEMORY AND SUPRANATIONAL IDENTITY IN WESTERN EUROPEAN STATES

Stepan S. Lifanov,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
st.lifanov@mail.ru

Article received on July 19, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Lifanov, S.S. (2021). Historical Memory and Supranational Identity in Western European States. *Discourse-P*, 18(4), 78–93. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_78

Abstract

The strategy of the historical memory of Western Europe has undergone significant changes over the past few decades, having gone the path from recognizing one's own responsibility and guilt for the Holocaust as a central element of the historical memory of Western European liberal democracies to supporting and fully adopting politics of memory of post-communist states, based on "occupation rhetoric", symbolism and victimiza-

tion of Eastern European states. The article attempts to identify some specific features of the development of the West European politics of memory as an area of symbolic policy that contributes to the formation of a supranational identity. The main research methods were the analysis of the literature on the politics of memory, comparative analysis, analysis of media sources; partly applied historical analysis. The scientific novelty of the article is in highlighting the specific features of the Western European project of historical memory, considered in its transformation. The author concludes that, firstly, the transformation of historical memory was influenced by the enlargement of the European Union in 2004 and 2007, when the national framework of historical memory of Eastern European countries became dominant throughout the EU, gradually replacing the Western European model of historical memory. Secondly, supranational identity in Western European liberal democracies could rely on the original version of collective memory based on the Holocaust, but as a result of its inability to encompass the entire expanded European Union, collective memory became a stumbling block in the construction of a pan-European identity. Thirdly, there is a change in the nature and essence of historical memory, that occurred due to the transfer of the politics of memory to the post-truth space, which led to an emphasis on symbolism, emotional coloring of interpretations of historical events and the reduction of history to the "right" level as opposed to the initial sense of collective responsibility and awareness of one's own guilt underlying Western European historical memory.

Keywords:

politics of memory, historical memory, Western Europe, Eastern Europe, supranational identity, liberal democracies, post-truth.

Введение

Разработки концепций памяти, монументальные труды П. Нора и его предшественника М. Хальбвакса, а также последовавшее за этим создание в 1989 г. журнала *History & Memory* обусловили возрастающий интерес к исследованиям политики памяти. В настоящее время существует большое количество публикаций в русле *memory studies*, авторы которых обращались к самым разным предметам, используя всевозможные подходы и методы (Feindt et al., 2014). Сама память является объектом исследования во многих научных дисциплинах и областях – нейробиологии, неврологии, когнитивной психологии, истории, педагогике, антропологии, когнитивной философии и т.д. При этом сходство между различными дисциплинами, исследующими память, к какой бы области знания они не принадлежали, заключается в разнообразии и неопределенности толкований изучаемого феномена. Количество связанных с памятью понятий в естественных и гуманитарных науках исчисляется сотнями (Tulving, 2007). Само проблемное поле и концептосфера исследований подвергаются критике, связанной в основном с неопределенностью центрального понятия «память» и отсутствием ясных критериев, позволяющих идентифицировать, что именно можно рассматривать в качестве предмета *memory studies* (Сафронова, 2018, с. 15).

Развитие концепта памяти берет свое начало с трудов Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса, который на основе работ Дюркгейма обосновал социальную

обусловленность индивидуальной памяти. При всем многообразии исследований с точки зрения физиологии, социологии, политологии, психологии и других наук память всегда можно интерпретировать как способ конструирования людьми своего прошлого *в настоящем*. С одной стороны, она может изучаться как память – свидетельство людей, переживших некий опыт, например, выживших во времена Холокоста. С другой стороны, это понятие используют для анализа репрезентаций прошлого и его конструирования через медиаисточники – книги, фильмы, монументы, церемонии и т. д. Дополняя точку зрения Ю. А. Сафроновой, следует отметить, что зачастую эти репрезентации и свидетельства искажаются временем, прошедшим с момента переживания какого-либо события, а результаты их интерпретации могут стать жертвами субъективизма в эпоху постправды и попросту меняться в результате смены политического, социального, экономического, исторического контекстов события.

Понятие «политика памяти» впервые было использовано во Франции для обозначения тесной взаимосвязи политики и способов понимания истории (Русакова, 2015, с. 65). Главным разработчиком концепта является П. Нора, рассматривающий политику памяти сквозь призму «мест памяти», в которых воплощено единство духовного и материального, ставшее со временем (и по воле людей) значимым символическим элементом наследия национальной памяти общности. В рамках настоящей статьи предлагается использовать трактовку Д. В. Ефременко (2018), поскольку он подчеркивает обозначенную выше взаимосвязь, определяя политику памяти как *функционирующую систему взаимодействия и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого* (с. 110).

Внимание политологов традиционно сосредоточено на проблемах власти и доминирования: их интересует структура властных отношений, а также использование символических ресурсов для достижения различных политических целей – легитимации власти, конструирования идентичностей, мобилизации поддержки и т. д. При этом, по мнению О. Ю. Малиновой (2019), «политику памяти по праву можно считать одной из основных областей символической политики», что подтверждается словами П. Бурдьё о том, что для внедрения новых представлений о строении социальной реальности «самыми типичными стратегиями конструирования являются те, которые нацелены на ретроспективную реконструкцию прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить всегда открытый смысл настоящего» (с. 290).

Следует отметить, что вопрос о конструировании национальной и наднациональной идентичности является важной составляющей политики памяти. В самом общем виде термином «идентичность» обозначают чувство человека, выражающее его сопринадлежность к какой-либо группе, тождественность с ее членами. Тогда национальная идентичность – это чувство сопринадлежности человека к определенному государству или нации, разделяемое с группой людей независимо от гражданства индивида¹. Исследователи утверждают, что нацио-

¹ Лихачева, А., Макаров, И. (2014). *Национальная идентичность и будущее России: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»*. Взято 15 мая 2021, с http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf

нальная идентичность в Европе первична для жителей государств Евросоюза во многом в связи с тем, что понятия «европейский» и «европеец» крайне размыты, а их сущность просматривается лишь приблизительно (Казаринова, 2016, с. 125). В этой связи наднациональная идентичность является вспомогательным, вторичным типом идентичности постольку, поскольку «на наднациональном уровне не удастся сформировать устойчивую рамку коллективной памяти» (Ефременко, 2018, с. 110). Сама по себе наднациональная идентичность также является коллективной идентичностью и складывается из множества факторов: религии, традиций, памяти, географии, материальных средств, восприятия времени, мифологии, общего прошлого и пр. Один из самых важных компонентов формирования такой идентичности – это общие представления о прошлом, общая память, общность в интерпретации истории. Поэтому формирование наднациональной идентичности любого макрополитического сообщества – это всегда спорный вопрос с точки зрения возможности его реализации.

Немаловажное значение имеет развитие политики памяти в государствах Восточной Европы и постсоветского пространства. После распада Советского Союза вслед за провозглашением независимости ряд республик (а именно страны восточноевропейского блока) стремился откеститься от социалистического прошлого, борьба с которым удивляла своей стремительностью и интенсивностью. Особое внимание было уделено нарративным стратегиям и трансформации институционального ландшафта политики памяти. Данная проблематика легла в основу коллективной монографии «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы», вышедшей под редакцией А. И. Миллера и Д. В. Ефременко (2020).

Все вышесказанное позволяет обосновать актуальность данной темы, которую можно свести к нескольким основным положениям. Во-первых, исследования возможностей построения наднациональной идентичности в случае Европейского союза в настоящий момент занимают важное место в методологии изучения политики памяти, о чем свидетельствуют работы А. И. Миллера (2016), О. Ф. Русаковой (2017), Ю. А. Сафроновой (2018), Д. В. Ефременко (2018), А. В. Фелькера (2018) и др. Во-вторых, политика памяти в западноевропейских либерально-демократических государствах имеет собственные признаки и специфические черты, не только являющиеся одной из частей символической политики, которую проводят неолиберальные правительства в эпоху постправды, но и позволяющие отличить ее от политики памяти восточноевропейского блока государств, что представляет определенный исследовательский интерес в рамках изучения политики памяти как символической политики.

В связи с этим цель настоящей статьи – обозначить некоторые специфические черты развития западноевропейской политики памяти как области символической политики, способствующей формированию наднациональной идентичности.

Западноевропейская историческая память

В центре исследований политики памяти и вопроса о формировании коллективной идентичности лежит понятие исторической памяти. Профессор В. В. Нуркова оценила историческую память как «двухстороннюю психоло-

гическую структуру», включающую в себя «те события, которые случились в масштабе страны, целого мира или большой общности, но которые человек воспринимает как свои собственные»². Такой тип структуры определяется ее двойной направленностью: с одной стороны, эта память крайне важна для человека, она определяет его личность, заставляет принимать те или иные решения и побуждает к действию. С другой стороны, содержание исторической памяти человека крайне важно для социальных институтов, для общества в целом. Представляется, что такое понятие можно признать компромиссным и вполне соответствующим идеям М. Хальбвакса (2005), который утверждал, что индивидуальная память социально сконструирована, поскольку обращение к прошлому опосредовано теми рамками или ориентирами, которые окружают человека или социальную группу в настоящем.

Методологическая неопределенность относительно объекта *memory studies* не позволяет с уверенностью говорить об однозначности понятия исторической памяти для наиболее приемлемого обозначения основы идеологического проекта, который претендует на универсальность и доминирование в рамках одной социальной группы – будь то более мелкая (политическая элита) или крупная (нация) общность. Однако в рамках данной статьи предлагается рассуждать именно об исторической памяти в контексте политики памяти (согласно определению Д.В. Ефременко), поскольку данное понятие лучше всего демонстрирует взаимосвязь политического и исторического. Исторические элементы (не только факты, но и мифы) лежат в основе любой концепции политики памяти. Но политика, как справедливо утверждает О.Ю. Малинова (2019), работает не с прошлым, а с *социальными представлениями о прошлом*, формируя тот самый символический ресурс, с помощью которого можно достигать разные политические цели. В этой связи можно утверждать, что объектом символического насыщения, актуализации, а подчас и редуцирования до простейших форм, доступных для восприятия обществу, является именно историческая память.

В центре внимания западноевропейской исторической памяти традиционно находится тема Холокоста и преступлений нацистского режима, понимаемая как уникальная и масштабная европейская трагедия XX в., за которую несет ответственность не только нацистская Германия, но также население оккупированных территорий. Холокост стал нитью, связывающей общеевропейский исторический нарратив XX столетия.

Так продолжалось вплоть до начала XXI в. С расширением Европейского союза в 2004 и 2007 гг. и вхождением в него большинства стран Восточной Европы в относительно единой европейской исторической памяти появились предпосылки для внутреннего противостояния. Коммеморация Холокоста была негласным требованием к новым членам Евросоюза – бывшим социалистическим республикам, что не нашло поддержки у политических элит данных государств. А. Ассман (2014) утверждает, что в странах Восточной Европы уже на момент вступления в Европейский союз существовала своя историческая память, сфокусированная на идеологическом проекте «двойных жертв», который был искусственно сформирован вокруг коммунистического прошлого

² Нуркова, В. (2018, 9 августа). *Индивидуальная историческая память*. Взято 15 мая 2021, с <https://youtu.be/9itJkOJtb4>

этих стран, с одной стороны, и попыток союзничества с нацистской Германией, с другой. Противостояние в идеологически-концептуальном пространстве политики памяти было также обусловлено стремлением посткоммунистических стран получить признание со стороны западноевропейских «старожилов» в качестве равноправных партнеров и избавиться от роли ведомых в формировании общеевропейской политики.

Вершиной силы западноевропейской исторической памяти, основанной на коммеморации Холокоста, является резолюция Европейского парламента от 27 января 2005 г., ставшая каркасом для формирования наднациональной рамки исторической памяти³. В этом документе Холокост признавался «уникальной исторической референтной точкой, которая навсегда останется в памяти народов Европы». Ее принятие во многом обусловлено нарастающей мощью политики памяти новых членов ЕС, которая почти сразу же начала борьбу за господство в идеологическом пространстве. Примечательно, что резолюция 2005 г. не содержала упоминания о коммунизме, сталинизме, советском тоталитаризме. Данный документ, при всей его морально-этической значимости, являлся политическим продуктом и частью политики памяти, проводимой западноевропейскими государствами.

Однако уже через четыре года ситуация резко изменилась: Европейский парламент принимает новый документ, касающийся интерпретации исторических событий. Резолюция от 2 апреля 2009 г.⁴ посвящена памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов и содержит в себе в большей степени дань восточноевропейской политике памяти и призыв к установлению знака если не равенства, то тождества между коммунизмом (сталинизмом) и нацизмом. Принятие этой резолюции и установление памятной даты – 23 августа (День памяти жертв сталинизма и нацизма) – являются свидетельством поражения западноевропейского идеологического проекта в рамках политики памяти, основанного на признании трагедии Холокоста и ответственности за него. Одновременно с этим произошел надлом едва начавшей свое формирование наднациональной рамки коллективной памяти, поскольку, помимо прочего, резолюция от 2009 г. стала весомым вкладом в возобновившееся геополитическое противостояние России и Запада, триггером которого выступила программа ЕС «Восточное партнерство» (Ефременко, 2018, с. 121). Тем самым историческая память стала в большей мере орудием борьбы в геополитическом идеологическом пространстве, нежели инструментом формирования наднациональной рамки коллективной памяти.

Однако политико-правовая индоктринация исторической памяти не является новеллой XXI в. для стран Западной Европы. В каждой из них существует определенная теоретическая база для дискурса политики памяти, а следовательно, и своя идеологическая стратегия в данной сфере (Русакова, 2015, с. 65).

³ *European Parliament resolution on remembrance of the Holocaust, anti-semitism and racism* (2005, January 27). Retrieved June 19, 2021, from https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2005-0018_EN.html

⁴ *European Parliament resolution on European conscience and totalitarianism* (2009, April 2). Retrieved June 19, 2021, from https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0213_EN.html

Главным институтом в этой сфере является учреждение, занимающееся исследованием проблем памяти, исторических событий и т. д. Во Франции, например, таким учреждением является Институт современной истории, который с 1980 г. стал организовывать публичные историко-политические дискуссии с участием профессиональных историков, которые имели большое значение для исторического просвещения нации и для культуры памяти в стране. Однако в восточноевропейских странах практика создания подобных учреждений более распространена. Можно вспомнить об Институте национальной памяти в Польше, Украинском институте национальной памяти, Институте по расследованию коммунистических преступлений в Румынии и других подобных учреждениях, главными целями которых являются декоммунизация и поиск доказательств преступлений и репрессий, совершенных советским правительством в XX в. Еще более распространенным вариантом попытки установления монополии на трактовку исторических событий является принятие так называемых «законов памяти», на которые отреагировало западноевропейское сообщество историков знаменитым «Воззванием из Блуа», в котором они призывали не делать историю «служанкой политической конъюнктуры» (Миллер, 2016, с. 114).

Все это дает основания для оценки специфики западноевропейского проекта исторической памяти, ядром которого является факт признания Холокоста и ответственности за него. Его особенности сводятся к некоторым основным положениям. Во-первых, изначально историческая память, сформированная в западноевропейских либерально-демократических странах, была призвана стать фактором консолидации стран-членов Евросоюза и сформировать наднациональную рамку коллективной памяти для укрепления наднациональной идентичности и развития проекта евроинтеграции. Однако в дальнейшем лейтмотив Холокоста утратил свою силу, превратившись в программу поддержки памяти об «ужасном тоталитарном прошлом» Европы. Во-вторых, как во время расцвета, так и во время спада западноевропейская версия исторической памяти, как и любая другая, используемая прежде всего в политических целях, подверглась серьезному редуцированию и эмоциональному окрашиванию. На передний план выходили эмоции, призванные пробудить в обществе чувство трагедии, неприязни к любым «недемократическим режимам». Вместе с этим развивалась геополитическая борьба с Россией, строившей собственную политику памяти, что выражалось главным образом в противостоянии в информационном пространстве, подчеркивании недемократичности политических процессов в России, имперских амбиций В.В. Путина, нарушений прав и свобод человека, что указывает на внешнеполитическую направленность западноевропейской (а также общеевропейской) рамки исторической памяти.

Западноевропейская политика памяти в эпоху постправды

В рамках политического менеджмента перед исследованиями политики памяти может ставиться предельно прагматичный и конкретный интерес (скрытая цель) – сформировать дискурс идентичности, одной из основных ценностей которого является политика памяти. Данный дискурс используется в идеологической стратегии государства, а также является значимой частью его информационной политики. Ядро этого дискурса – пережитый опыт, значимые для той или иной

страны исторические события, а его оболочка или периферия (то, что видно и доступно остальным) – это результаты исследований, трактовок, интерпретаций данных событий, которые не обязательно соответствуют историческим фактам, но всегда транслируют определенный месседж не только нации, но и другим государствам. Поэтому он может использоваться для регулирования или разжигания конфликтов, являться инструментом геополитической борьбы за умы и сознание общества. Так, например, в государствах Балтии дискурс политики памяти выполняет функцию переосмысления советского прошлого с позиции ответственности СССР и России как его преемницы за преступления тоталитарного режима (Траба, 2009). Широкое распространение получила так называемая «оккупационная риторика», направленная на выявление и публичное осуждение советских преступлений против человечества (Русакова, 2015, с. 67) и представляющая современную Россию в резко негативном свете как правопреемницу СССР. За последние годы можно заметить последовательное конструирование образа «двойных жертв» стран Восточной Европы как пострадавших больше от советского коммунизма, чем от немецкого нацизма. Однако если за страдания от нацизма на современные европейские державы, воспитавшие и спустившие его с цепи, ответственность со стороны «жертв» не возлагается вовсе, то в случае с коммунизмом к ответу за действия СССР раз за разом пытаются привлечь Россию⁵.

Особый интерес представляет информационное поле, в котором происходят события, обозначенные А. И. Миллером как «войны памяти»⁶, поскольку идеологический проект, основанный на исторической памяти, транслируется в массы через различные каналы информации с использованием медиатехнологий XXI в. Главная характеристика данного информационного поля – это активное использование символов и образов, постфактов, опора в большей степени на эмоциональное насыщение месседжа, а не на фактическое его содержание. Иными словами, историческая память конструируется в мире постправды, где «эмоции замещают факты, а фейки – новости» (Чугров, 2017, с. 42). Это отчасти объясняет поразительный успех политики самовиктимизации стран Восточной, а вслед за ней и Западной Европы: трагический опыт Второй мировой войны еще долго будет будоражить умы и сердца людей (не без помощи литературы, кинематографа, истории и историографии, индустрии игр), а отсутствие консенсуса по признанию ее хронологии способствует развитию ревизионистских настроений. Поэтому яркие образы «империи зла», коммунистической машины, превращающей людей в рабов системы, заставляют общество содрогаться и вместе с тем служат восточноевропейским государствам хорошую службу, давая возможность постоянно напоминать своим соседям о том, кто на самом деле является жертвой, а кто – должником.

Тем самым концепция исторической памяти, сформулированная в Восточной Европе и завоевавшая доминирующие позиции во всем Евросоюзе,

⁵ *Kremlin rewriting World War II history* (2019, August 13). Retrieved June 19, 2021, from <https://www.washingtontimes.com/news/2019/aug/13/whitewashing-culpability/>

⁶ Миллер, А. И. (2020, 5 марта). *Враг у ворот истории. Как историческая память стала вопросом безопасности*. Взято 24 июня 2021, с https://carnegie.ru/commentary/81207?fbclid=IwAR3r9QIvIZ5TRPwZxk-k_qHJ0Vg4cfhSz9p5mx2Lj8_bkwKQ8gZvCQ2OuJ4

становится полностью политизированной и утратившей любую академическую значимость: «когда «Северный поток» называют новым пактом Молотова-Риббентропа, а Путина – Гитлером XXI в., это девальвирует нашу память, парализует способность к содержательной политической дискуссии, становясь мощным инструментом пропаганды и индоктринации» (Миллер, 2016, с. 119). Политика памяти становится инструментом геополитической борьбы, и в мире постправды начинается очередная война дискурсов, цель которой – монопольное право на формирование общественного мнения. Интеллектуальное насыщение этих дискурсов вторично, поскольку все исторические «факты» прежде всего являются выгодными интерпретациями событий прошлого: на переднем плане находится подписание пакта Молотова-Риббентропа, подмена понятий (Великая Отечественная война – акт агрессии со стороны СССР, освобождение Европы от нацизма – коммунистическая оккупация стран Европы и др.) и т. д.⁷

Провал проекта наднациональной идентичности Евросоюза

Очевидно, что в таких условиях проект глобальной (в масштабах Европы) идентичности, изначально построенный на наднациональной рамке исторической памяти западноевропейских государств, будет обречен на провал. Хотя у него и были перспективы: проект европейской интеграции считался самым успешным (и был действительно уникальным, как минимум, по масштабу), а сам Евросоюз наращивал свое экономическое и политическое влияние. А. И. Миллер (2016) отмечает, что «отчасти «старые» страны ЕС смогли достичь этого консенсуса потому, что последние десятилетия XX в. были для них весьма успешными в экономическом и политическом плане. В условиях, когда будущее казалось безоблачным, а глобальная лидерская роль Евросоюза – неоспоримой, европейцам было легче признать необходимость покаяния за прошлые грехи» (с. 112).

Однако последовавшее расширение Евросоюза и провал проекта Конституции ЕС стали поворотной точкой в развитии проекта формирования наднациональной идентичности и вынудили структуры ЕС возобновить работу над формированием единой рамки исторической памяти как основы для всеобщей европейской идентичности в удвоенном темпе. Но принятые впоследствии резолюции, которые были упомянуты ранее, продемонстрировали провал западноевропейской линии исторической памяти. Дальнейшие политические (Brexit, каталонский сепаратизм), экономические (греческий долговой кризис 2008 г.), социальные (миграционные проблемы, пандемия коронавируса) кризисы лишь усугубили ситуацию и поставили вопрос о принципиальной возможности сформировать наднациональную рамку идентичности на основе общей линии исторической памяти. Безусловно, вначале казалось, что для народов, не объединенных языковой, национальной и государственной общностью, историческая память может быть едва ли не единственной основой для формирования консолидирующего нарратива – стержня обновленного и сильного Европейского

⁷ *EU is just like the communists, says Poland* (2020, November 20). Retrieved June 24, 2021, from <https://www.thetimes.co.uk/article/eu-is-just-like-the-communists-says-poland-sc72prc70>

союза. Однако в настоящее время мы видим, что и этот проект отдан на откуп политикам-еврократам, поддерживавшим посткоммунистические государства и их повестку, а также подвергнут значительным структурным изменениям, преобразовавшим его в инструмент манипулирования и средство борьбы в геополитическом пространстве⁸. Западноевропейская модель исторической памяти была в большей степени основана на признании собственной ответственности, а поглотившая ее восточноевропейская – на перекладывании ответственности и сознательной виктимизации посткоммунистических стран.

Препятствием формированию наднациональной идентичности на основе западного проекта исторической памяти служило также и непримиримое нежелание стран Восточной Европы, вошедших в состав ЕС, к сотрудничеству и партнерству с Россией. Описываемая ранее модель исторической памяти, основанная на политике признания данных государств как «двойных жертв», была в той или иной степени сформирована ими в границах национальной памяти еще до вступления в Европейский союз. После евроинтеграции усилия по предотвращению подписания новых соглашений с Россией и налаживания невыгодного для восточноевропейских государств взаимодействия с ней возобновились с новой силой. Немаловажную роль в этом сыграла политика памяти. Нельзя упустить из внимания то, что само вступление в ЕС и стремление закрепитесь в нем на равном уровне с западноевропейскими государствами, было важным направлением внешней политики стран Балтии. Поэтому разговоры о коммунизме как исключительно о внешней угрозе, борьба с символами социалистического прошлого (памятники советским солдатам, процессы декоммунизации на институциональном уровне и др.) выполняли вторичную цель – демонстрацию полной переориентации на европейские ценности и стандарты, отказа от причастности к социалистическому прошлому в пользу прогрессивного демократического будущего западного образца и признания европейского пути развития как единственно приемлемого для государства. Казалось бы, на этой основе можно возобновить работу по созданию глобального проекта формирования наднациональной идентичности, однако политический по своей сути он не мог основываться на общности истории и культуры, поскольку «общие история и культура не являются основными детерминантами политической идентичности» (Ефременко, 2018, с. 120).

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть важные отличительные черты западной исторической памяти. Во-первых, данный проект действительно мог стать основой наднациональной идентичности, поскольку признание взаимной и общей ответственности за прошлое, в какой-то степени, является той самой наднациональной рамкой исторической памяти, в перспективе формирующей наднациональную идентичность. В то же время влияние исторической памяти восточноевропейских стран было в большей степени обусловлено национальными версиями исторической памяти, которые отличались друг от друга. Во-вторых, данный проект мог оказаться (и оказался) уязвим к внутренним противоречиям и внешним вызовам. Его неустойчивость обусловлена

⁸ Steele, J. (2009, August 19). *History is much too important to be left to politicians*. Retrieved June 25, 2021, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2009/aug/19/eu-parliament-soviet-nazi-history>

также весьма значимой сложностью создания проекта подобного масштаба для столь разных общностей. Западноевропейская модель исторической памяти не выстояла в меняющихся геополитических условиях (прежде всего в информационном пространстве) и ввиду тесной взаимосвязи с успешностью проекта евроинтеграции, а также с развитием противостояния с Россией уступила доминирующее место восточноевропейской модели, с которой «элиты ведущих западноевропейских стран по разным причинам не считали нужным вступать в жесткую конфронтацию» (Миллер, 2016, с. 117).

Заключение

Характеризуя специфику политических исследований политики памяти, можно отметить несколько важных особенностей. Во-первых, значительная часть современного дискурса политики памяти сфокусирована на конкретных исторических событиях, касающихся хода и итогов Второй мировой войны, последующих конфликтов, действий СССР в послевоенное время. С одной стороны, это лишь верхушка айсберга, которая скрывает огромную исследовательскую работу, проводимую в каждой стране схожими по направлению научно-исследовательскими центрами. С другой – это та часть дискурса, которая содержит элементы популизма и транслируется в массы, претендуя на индоктринацию единственно «верной», «уникальной», «правдивой» трактовки событий прошлых лет, способствующей созданию консолидирующего исторического нарратива – фундамента национального самосознания. Во-вторых, как отмечает Д. В. Ефременко (2018), «основным драйвером политики памяти в той или иной стране выступают интересы, устремления и действия внутренних сил, направленные на утверждение той или иной трактовки истории» (с. 111). Вместе с тем, помимо внутренних сил, на процесс взаимодействия относительно прошлого воздействуют и внешние силы, существенно меняющие содержание и направленность политики памяти в той или иной стране. Поэтому сегодня политика памяти все чаще становится предметом межгосударственных интеракций с участием и наднациональных структур. В-третьих, внутренняя сущность политики памяти составляет сложную систему взаимодействий и коммуникаций, цель которой не сводится лишь к конструированию национальной идентичности. В основе этого могут лежать частные или корпоративные интересы, выраженные в задачах укрепления конкретного социально-политического порядка или, напротив, его подрыва.

Анализ исследований, посвященных политике памяти, показал, что западноевропейская модель исторической памяти существенно отличается от восточноевропейской. Эти различия обусловлены разными устремлениями субъектов политики памяти (правлящих политических кругов Евросоюза и отдельных стран): в случае с западноевропейской моделью исторической памяти речь шла о попытке создания наднациональной рамки общеевропейской идентичности с целью консолидации европейского сообщества и создания монополии на толкование истории. Нельзя не заметить избирательный характер данной модели, который, впрочем, обусловлен обращением в не столь далекое прошлое, а потому вызывающим более сильный отклик в умах и сознании европейского общества. Холокост стал стержнем западноевропейской модели исторической

памяти во многом по той причине, что эта тема находила сильный отклик среди населения, о чем свидетельствует принятие ряда законов, запрещающих отрицать, умалять или каким-либо способом низводить масштаб Холокоста и его значение. Х. Дилонг в комментарии *Deutsche Welle* отмечал, что общественное мнение в стране относительно Холокоста «не расходится с выводами историков», однако «официальный «день памяти жертв Холокоста», который стал уже интернациональным, не утратит своего значения только при условии, что он не превратится в ритуал»⁹.

Вместе с тем к специфическим чертам развития западноевропейской исторической памяти можно отнести следующие:

1) центральная роль Холокоста и формирования чувства коллективной ответственности за прошлое;

2) постепенное ослабление западноевропейской исторической памяти и произошедший в дальнейшем синтез двух моделей памяти с явным доминированием восточноевропейской линии «двойных жертв»;

3) трансформация цели, средств ее достижения, а также самой сущности исторической памяти – формирование на ее основе идеологического проекта, назначение которого – обеспечить геополитическое превосходство Европы в информационном пространстве;

4) полное превращение исторической памяти Западной Европы в часть дискурса, конструируемого в информационном пространстве постправды с использованием новейших манипулятивных технологий и опоры на эмоциональное воздействие, а не на фактическое и интеллектуальное наполнение.

Таким образом, построение наднациональной идентичности с опорой на рамку исторической памяти, сформированной в Западной Европе, в настоящее время представляется маловероятным для реализации. Причиной тому является слияние двух разных политик памяти в один идеологический проект, ставший одним из множества нелиберальных мифов, продвигаемых европейским истеблишментом в качестве неоспоримых фактов и признаваемых в качестве главных ценностей. Связь новой рамки исторической памяти и нелиберальной идеологической экспансии можно увидеть, например, в тезисе о том, что невозможно по-настоящему высоко оценить значимость и ценности демократии, не изучая историю тоталитаризма, жертвой которого стала Европа XX столетия. Этот тезис наиболее ярко находит свое отражение в резолюции Европарламента 2009 г., где звучат призывы усилить образовательную и просветительскую деятельность об этом периоде для всех граждан европейских стран.

В настоящее время «войны памяти» наиболее ярко можно проиллюстрировать на примере статьи В. В. Путина (2020), опубликованной в журнале *National Interest*, которая вызвала бурную реакцию прежде всего в Польше¹⁰ спустя несколько дней после ее публикации. Естественно, статья была подвергнута

⁹ Комментарий: *Историческая память и гражданское мужество* (2007, 27 января). Взято 25 июня 2020, с <https://p.dw.com/p/9ltF>

¹⁰ *Poland says Putin falsifies history to weaken Western allies* (2020, June 19). Retrieved June 25, 2021, from https://www.washingtonpost.com/politics/poland-says-putin-falsifies-history-to-weaken-western-allies/2020/06/19/a0e7d09e-b255-11ea-98b5-279a6479a1e4_story.html

критике в СМИ, поскольку ее содержание прямо противоречит политике памяти Европейского союза, и конкретно национальной политике памяти Польши, изо всех сил продолжающей цепляться за образ «двойной жертвы», который по большому счету не соответствует действительности (Русакова, Русаков, 2016, с. 13).

Все это говорит о том, что проект наднациональной идентичности в Европейском союзе, основанный на политике памяти, пока что, как минимум, отложен в долгий ящик, и дальнейшая его судьба представляется печальной. В настоящее время историческая память полностью политизирована и используется в качестве средства для обеспечения превосходства в «войнах памяти».

Список литературы

1. Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
2. Ефременко, Д.В. (2018). Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского союза. В А.И. Миллер, Д.В. Ефременко (Ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр.* (с. 110–126). М.; СПб.: Нестор-История.
3. Казаринова, Д.Б. (2016). Наднациональная идентичность и ценностный дискурс в процессе регионального интеграционного строительства. *Вестник российской нации*, (1), 124–138.
4. Малинова, О.Ю. (2019). Политика памяти как область символической политики. *Метод*, (9), 285–312.
5. Миллер, А.И. (2016). Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. *Полития*, (1), 111–121.
6. Миллер, А.И., Ефременко, Д.В. (Ред.). (2020). *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
7. Русакова, О.Ф. (Ред.) (2015). *Softpower: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи».
8. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2016). Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Ч.1. *Дискурс-Пи*, (1), 10–17.
9. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2017). Политика исторической памяти и Великая Отечественная война. *Евразийский журнал региональных и политических исследований*, (1), 34–39.
10. Сафронова, Ю.А. (2018). Третья волна Memory Studies: двадцать три года против шерсти. *Политическая наука*, (3), 12–27.
11. Траба, Р. (2009). Польские споры об истории в XXI веке. *Pro et Contra*, 13(3–4), 43–64.
12. Фелькер, А.В. (2018). «Непростое наследие»: проблематика мест памяти о массовом насилии Западной и Восточной Европы. В А.И. Миллер, Д.В. Ефременко (Ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр.* (с. 93–109). М.; СПб.: Нестор-История.
13. Хальбвакс, М. (2005). Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, (2–3), 8–27.
14. Чугров, С.В. (2017). Post-Truth: трансформация политической

реальности или саморазрушение либеральной демократии? *Полис*, (2), 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>

15. Feindt, G., Krawatzek, F., Mehler, D., Pestel, F., & Trimcev, R. (2014). Entangled memory: Toward a third wave in memory studies. *History and Theory*, 53(1), 24–44. <https://doi.org/10.1111/hith.10693>

16. Tulving, E. (2007). Are there 256 different kinds of memory? In J. S. Nairne (Ed.), *The foundations of remembering: Essays in honor of Henry L. Roedinger* (pp. 39–52). N.Y.: Psychology Press.

17. Vladimir Putin: *The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II* (2020, June 18). Retrieved June 20, 2021, from <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982>

References

1. Assman, A. (2014). *Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [A long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

2. Chugrov, S.V. (2017). Post-Truth: transformacija politicheskoj real'nosti ili samorazrushenie liberal'noj demokratii? [Post-truth: Transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy?]. *Polis*, (2), 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>

3. Efremenko, D.V. (2018). Istoricheskaja pamjat' i nadnacional'naja identichnost'. Sluchaj Evropejskogo sojuza [Historical memory and supranational identity. European Union case]. In A.I. Miller, D.V. Efremenko (Eds.), *Metodologicheskie voprosy izuchenija politiki pamjati* (pp. 110–126). Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

4. Feindt, G., Krawatzek, F., Mehler, D., Pestel, F., & Trimcev, R. (2014). Entangled memory: Toward a third wave in memory studies. *History and Theory*, 53(1), 24–44. <https://doi.org/10.1111/hith.10693>

5. Felker, A.V. (2018). «Neprostoje nasledie»: Problematika mest pamjati o massovom nasilii Zapadnoj i Vostochnoj Evropy [“An uneasy legacy”: The problems of places of memory about mass violence in Western and Eastern Europe]. In A.I. Miller, D.V. Efremenko (Eds.), *Metodologicheskie voprosy izuchenija politiki pamjati* (pp. 93–109). Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

6. Halbwachs, M. (2005). Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas*, (2–3), 8–27.

7. Kazarinova, D.B. (2016). Nadnacional'naja identichnost' i cennostnyj diskurs v processe regional'nogo integracionnogo stroitel'stva [Supranational identity and value discourse in the process of regional integration construction]. *Vestnik rossijskoj nacii*, (1), 124–138.

8. Malinova, O. Yu. (2019). Politika pamjati kak oblast' simvolicheskoj politiki [The politics of memory as an area of symbolic politics]. *Metod*, (9), 285–312.

9. Miller, A.I. (2016). Politika pamjati v postkommunisticheskoj Evrope i ee vozdejstvie na evropejskuju kul'turu pamjati [The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory]. *Politija*, (1), 111–121.

10. Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (Eds.). (2020). *Politika pamjati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in modern Russia and Eastern Europe. Actors, institutions, narratives]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

11. Rusakova, O.F. (Ed.) (2015). *Soft power: teorija, resursy, diskurs* [Soft power: Theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Publishing house «Discourse-Pi».

12. Rusakova, O.F., Rusakov, V.M. (2016). Velikaja Otechestvennaja vojna i politika istoricheskoj pamjati. Chast' I [The Great Patriotic War and politics of historical memory. Part I]. *Diskurs-Pi*, (1), 10–17.

13. Rusakova, O.F., Rusakov, V.M. (2017). Politika istoricheskoj pamjati i Velikaja Otechestvennaja vojna [Politics of historical memory and the Great Patriotic War]. *Evrazijskij zhurnal regional'nyh i politicheskikh issledovanij*, (1), 34–39.

14. Safronova, Ju.A. (2018). Tret'ja volna Memory Studies: dvadcat' tri goda protiv shersti [The third wave of memory studies: Going against the grain for twenty-three years]. *Politicheskaja nauka*, (3), 12–27.

15. Traba, R. (2009). Pol'skie spory ob istorii v XXI veke [Polish disputes about history in the 21st century]. *Pro et Contra*, 13(3–4), 43–64.

16. Tulving, E. (2007). Are there 256 different kinds of memory? In J. S. Nairne (Ed.), *The foundations of remembering: Essays in honor of Henry L. Roedinger* (pp. 39–52). New York: Psychology Press.

17. Vladimir Putin: *The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II* (2020, June 18). Retrieved June 20, 2021, from <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982>

Информация об авторе

Степан Сергеевич Лифанов, магистр политологии, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: st.lifanov@mail.ru

Information about the author

Stepan Sergeevich Lifanov, Master of Political Science, Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, e-mail: st.lifanov@mail.ru

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ФИЛЬМАХ О ВОЙНЕ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДНОГО СЮЖЕТА

Мария Владимировна Воробьева,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
vorobyova-mariya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 31.08.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Воробьева М.В. Политика памяти в фильмах о войне, или приключения одного сюжета // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 94–107. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_94

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу фильмов «Жаворонок» (режиссеры Л. Менакер и Н. Курихин, 1964 г.) и «Т-34» (режиссер А. Сидоров, 2018 г.), базирующихся на схожем сюжете. Автор дает характеристику государственной политике памяти относительно Великой Отечественной войны от начала складывания мифа о войне до настоящего времени, а также в общих чертах воссоздает кинематографический фон периода создания указанных фильмов. На основе изучения сюжетов и визуального ряда фильмов «Жаворонок» и «Т-34» произведен их анализ в контексте тенденций государственной политики памяти и кинематографа. Основными методами исследования послужили компаративный анализ, дискурс-анализ, семиотический анализ. Автор приходит к выводу, что оба фильма во многом являются продуктами государственной политики памяти. Кроме того, на визуальный ряд и содержание фильмов повлиял кинематографический контекст. «Жаворонок» – произведение «оттепельного» кинематографа с присущим ему вниманием к личности отдельного человека, его психологии и судьбе, пристрастием к съемкам на натуре, «свободной камере», диагональным кадрам и контрастному монтажу. Государственная политика памяти обусловила акцентирование в фильме на трагической стороне войны –

© Воробьева М.В., 2021

смертях, страданиях, потерях и неудачах первого периода Великой Отечественной войны. В фильме «Т-34» взятый за основу сюжет «Жаворонка» существенно трансформировался под воздействием новых веяний в государственной политике памяти и киноэстетике, испытывающей влияние компьютерных игр. Акцент со страданий и смертей переместился на битвы и победы, в результате чего трагическая история обрела счастливый финал, а внимание к людским судьбам сменило внимание к технике и механике войны, а именно к танковым сражениям. Высказывается предположение, что главной причиной изменения государственной политики памяти выступают перемены в экономической, политической и социальной ситуации внутри страны и за ее пределами.

Ключевые слова:

государственная политика памяти, советское игровое кино, российское игровое кино, фильмы о Великой Отечественной войне, сюжет фильма, визуальный ряд фильма.

UDC 323.23:791.43-2(470)

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_94

THE POLITICS OF MEMORY IN WAR CINEMATOGRAPHY OR THE ADVENTURES OF ONE PLOT

Maria V. Vorobyeva,

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
vorobyova-mariya@yandex.ru

Article received on August 31, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Vorobyeva, M.V. (2021). The Politics of Memory in War Cinematography or the Adventures of One Plot. *Discourse-P*, 18(4), 94–107. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_94

Abstract

The article is devoted to the comparative analysis of the movies “The Lark” (directed by L. Menaker, N. Kurikhin, 1964) and “T-34” (directed by A. Sidorov, 2018), based on a similar plot. The author characterizes the state politics of memory regarding the Great Patriotic War from the beginning of the formation of the myth of the war to the present. The cinematic context of production of these movies is restored in general terms. The analysis of the movies “The Lark” and “T-34” is based on the study of the plot and visuals in the context of trends in the state politics of memory and cinema. The main

research methods were comparative analysis, discourse analysis, and semiotic analysis. The author comes to the conclusion that both movies are largely products of the state politics of memory. In addition, the cinematic context influenced the visuals and content of the films. "The Lark" is a work of the "Thaw" period of cinema. It is characterized by attention to the personality of an individual, his psychology and fate, commitment to shooting on location, "free camera", diagonal frames and contrast cutting. The state politics of memory caused the movie to focus on the tragic side of the war – the deaths, sufferings, losses and failures of the first period of the Great Patriotic War. In the movie "Т-34", the plot of "The Lark" was taken as a basis, but it was changed significantly due to the new trends in the state politics of memory and cinema aesthetics influenced by computer games. The emphasis shifted from suffering and death to battles and victories. As a result, the tragic story found its happy ending, and attention to human destinies was replaced by attention to the technology and mechanics of war, namely, tank battles. The author suggests that the main reason for the change in the state politics of memory is the changes in the economic, political and social situation inside and outside the country.

Keywords:

state politics of memory, Soviet movies, Russian movies, movies about the Great Patriotic War, movie plot, movie visuals.

Введение

«Бум памяти», «войны памяти», «долг памяти», «политическое присвоение прошлого», «мемориальная политика» – все эти и многие другие устоявшиеся фразеологизмы говорят об актуальности для научного сообщества и общества в целом темы памяти, управления памятью, политического влияния на разнообразные формы коллективной памяти.

Количество посвященных политике памяти научных работ, зарубежных и отечественных, с трудом поддается учету, поэтому назовем лишь наиболее знаковые имена исследователей: П. Нора, А. и Я. Ассманы, Ф. Шенк, М. Ферретти, О. Малинова, Н. Копосов, А. Миллер и др. В данной статье политикой памяти вслед за Д. Аникиным (2012) мы будем называть «целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик» (с. 36). Цель реализации политики памяти – создание набора образов прошлого, позволяющего сплотить общество, снизить противоречия между его сегментами и наиболее эффективно представить образ государства на международной арене (с. 36). Государственная политика памяти – определенная форма политики памяти, основным субъектом которой является государство (Беляев, Линченко, 2016).

Сферы проведения государственной политики памяти разнообразны: законодательство, образование на разных его уровнях, общественная жизнь, наконец, искусство. Нельзя не заметить, говоря об искусстве как сфере проведения государственной политики памяти, что наиболее подходящими для

этого видами выступают те, что доступны широкой аудитории, эмоциональны, наглядны и поэтому обладают большими возможностями для суггестии. К подобным видам искусства, без сомнения, относится кинематограф. Возможности произведений кинематографа выступать в качестве исторического источника давно уже не вызывают серьезных сомнений у историков (см., например, Ферро, 1993). Относительно недавно фильмы начали рассматриваться и как источник исследования культурной памяти (см. Волков, Пономарева, 2012). Думается, что произведения кинематографа способны не менее результативно выступить и в роли источника для изучения политики памяти.

Целью данной статьи выступает сравнительный анализ фильмов «Жаворонок» (режиссеры Л. Менакер, Н. Курихин, 1964) и «Т-34» (А. Сидоров, 2018) в контексте советской и современной российской государственной политики памяти. Задачи статьи: 1) охарактеризовать советскую и российскую государственную политику памяти относительно Великой Отечественной войны; 2) воссоздать кинематографический контекст фильмов «Жаворонок» и «Т-34»; 3) изучить сюжет и визуальный ряд данных фильмов, провести их сравнительный анализ на фоне современного для них кинематографа и государственной политики памяти. Основными методами исследования выступают компаративный анализ, дискурс-анализ, семиотический анализ.

Результаты исследования

«Забывтый шедевр военного кино»¹ и «многомиллионный позор»² – среди многочисленных отзывов кинозрителей можно встретить эти полярные характеристики советского фильма «Жаворонок» и российского фильма «Т-34», соответственно. Несмотря на столь разные отзывы, у двух фильмов есть немало близких черт. Во-первых, в их основе лежит схожий сюжет о танковом экипаже, который совершил побег из концлагеря на захваченном танке. Во-вторых, оба фильма нелегко назвать шедеврами, и, наверное, поэтому ни один не удостоился весомых кинематографических наград. Наконец, и в «Жаворонке», и в «Т-34» нашла выражение государственная политика памяти в отношении Великой Отечественной войны.

Кратко изложим сюжет фильма «Жаворонок». Действие разворачивается в июне 1942 г. В концлагере на территории Германии формируют танковые экипажи из военнопленных. Они нужны для испытаний немецких бронетанковых снарядов на трофейных советских танках. Один из танковых экипажей, в составе которого находятся трое советских и один французский военнопленный, задумывает и реализует побег из лагеря, используя танк Т-34. После побега и неудачной попытки двух членов экипажа уйти поодиночке, все четверо воссоединяются и около двух часов ездят на танке по примыкающим к лагерю территориям, пугая немецких обитателей придорожных населенных пунктов, для

¹ *Забывтый шедевр военного кино. Фильм «Жаворонок» 1964 года* (2019, 7 июля). Взято 20 июня 2021, с <https://zen.yandex.ru/media/id/5cd695280ae27d00b35ed423/zabytyi-shedevr-voennogo-kino-film-javoronok-1964-goda-5d20f894945b4d00adc14af1>

² *Т-34 (2018)* (2020, 20 ноября). Взято 20 июня 2021, с <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/123943/forum/>

которых война в 1942 г. далека и неведома. На танк ведут охоту, в ходе которой погибает француз. Когда горячее в танке подходит к концу, двое членов экипажа снова отходятся и, в попытке отвлечь внимание на себя и дать танку атаковать аэродром, тоже погибают. Киноповествование завершается смертью главного героя – механика-водителя танка, который предотвратил гибель выбежавшего на дорогу ребенка и был застрелен немецким солдатом.

Фильм «Жаворонок» своим содержанием демонстрирует одновременно принадлежность и к политике памяти относительно войны периода «оттепели», и к тематически-визуальному контексту «оттепельного» военного кино. Чтобы ознакомить с сутью «оттепельной» политики памяти, обозначим несколько ключевых ее характеристик. Первой характеристикой являлось ограниченное использование так называемого мифа о войне. Этот миф начал складываться уже в годы Великой Отечественной войны. Он включал в себя представление о Советском Союзе как исключительно миролюбивой стране, которой оказалось отпущено слишком мало времени на укрепление обороноспособности, представление о коварном и вероломно напавшем враге, о морально-политическом единстве и героизме советского народа, сплотившегося вокруг мудрого вождя, благодаря чему удалось одержать великую победу (Копосов, 2011, с. 91). Прибавим также и образ воюющих масс – советского народа, пассивно подчиненного воле гениального вождя, «винтиков» большого механизма (Зайцева, 2011, с. 270, 272). Данный миф маскировал поражения первого периода войны и уводил внимание от ответственности политической верхушки за большой масштаб военных жертв.

Ядро мифа о войне сохранялось и в период «оттепели», однако в ходе разоблачения культа личности Сталина некоторые стороны мифа трансформировались. Например, в позиционировании войны теперь делался акцент на первые военные годы, полные поражений и жертв, а также на неоправданное доверие к Гитлеру, создавшее основу для неожиданного нападения Германии на Советский Союз. Правда о войне подавалась в виде правды о жертвах, лишениях и тяготах, причем эта правда могла демонстрироваться довольно эмоционально ради большего воздействия на зрителей (Копосов, 2011, с. 97–98).

Такого рода политика памяти проявляла себя в произведениях разных видов искусств, в числе которых находился и кинематограф. Наиболее известные «оттепельные» фильмы о войне – стоит упомянуть «Судьбу человека», «Иваново детство», «Летят журавли», «Балладу о солдате» – как раз содержат упоминания о тяготах, лишениях и жертвах, причем типичной их чертой являлся интерес к отдельно взятому человеку, его личности, психологии, жизни и смерти (Талавер, 2013, с. 24). Добавим, правда, что речь идет лишь о магистральной линии в политике памяти и ее проявлениях в кинематографе данного периода. Общеизвестно, насколько трудно пробивали себе дорогу фильмы, считающиеся каноническими проявлениями «оттепельного» кино. То же самое касалось военного кино: как «лейтенантская проза» в литературе, «окопная правда» о войне с трудом утверждалась в кино: фильм «Летят журавли» (как и «Застава Ильича»), к примеру, критиковался самим Н. Хрущевым³. Все это свидетельствует о многослойности идеологической политики в СССР.

³ Семёнов, М. (2019, 8 мая). *Фильм, с которого все началось: феномен «Летят*

Признаки политики памяти относительно Великой Отечественной войны в фильме «Жаворонок» выразились в косвенных, но довольно прозрачных упоминаниях о неудачах первого периода войны и предвоенной советской внешней политике: само действие имеет место в июне 1942 г. в концлагере, где содержится немало советских военнопленных, на полях Германии работают вывезенные из Советского Союза женщины-остарбайтеры, один из главных персонажей желчно вспоминает о пакте Молотова-Риббентропа, предвоенной браваде и тяжелых поражениях первого года войны. Помимо того, рассказанная в фильме история трагична: все основные персонажи погибают, а совершенный ими подвиг свидетельствует скорее о величии духа советского человека и его воле к борьбе с нацизмом, а не показывает мощь и успехи советского государства на военном поприще. В дополнение можно отметить апелляцию к эмоциям зрителей, что присуще политике памяти того периода, заново открывшей для себя столь эффективный ресурс воздействия на людей. Сцены казни в концлагере и его изможденные узники, женщины-остарбайтеры в лохмотьях, погоня солдат с овчарками за одним из основных персонажей, благородство главного героя, не задавившего танком ребенка, который выбежал на дорогу, подлость немецкого солдата, застрелившего безоружного главного героя, – вот ряд эпизодов, которые должны были производить сильное впечатление на публику и показывать трагичность войны, а не ее победно-парадную сторону.

Принадлежность фильма к магистральным линиям «оттепельного» военного кино выразилась в фокусе его внимания на судьбах отдельных людей: «Жаворонок» является небольшой киноэпопеей с чередой батальных массовых сцен, вроде «Падения Берлина», «Освобождения» и «Блокады», но локальной историей борьбы и гибели нескольких человек, непоправимость потери которых подчеркнута проникновенной песней «Его зарыли в шар земной». «Жаворонок» – фильм о людях в трагической ситуации войны, а не фильм о боях и победах, чего можно было бы ждать от военного кино. Будущие успехи и победы советской армии даны лишь намеками: в самом названии фильма (жаворонок как ранняя птица, возвещающая приход нового дня – в данном случае побед на фронте); в эволюции одного из центральных персонажей, который перестал бояться немцев и понял, что их можно победить; в отдельных сценах фильма (сцена, в которой главный герой на танке въезжает в кинотеатр, где демонстрируется пропагандистский фильм с участием Гитлера, прорывается сквозь экран, символически круша фюрера и приветствующие его массы; сцена, в которой экипаж разрушает танком статую немецкого рыцаря-тевтонца, стоящую на площади маленького городка). Близость «Жаворонка» к «оттепельной» киноэстетике сказалась и на уровне визуального ряда: черно-белый цвет, диагональные кадры, наложение изображений друг на друга, монтаж на контрастах, пристрастие к съемкам на природе, свободная камера и непривязанные к рамке кадра персонажи (Хитров, 2011). Вместе с тем отметим, что в «Жаворонке» содержится предвестие военного кино более позднего, брежневского периода: апелляция к местам памяти и связанным с ними ритуалам, к большой истории и ее нарративам проглядывается в обзоре знаменитой статуи воина-освободителя

журавли». Взято 3 июля 2021, с <https://kinoart.ru/texts/film-s-kotorogo-vse-nachalos-fenomen-letyat-zhuravli>

Е. Вучетича в берлинском Трептов-парке, который помещен в виде вступления к сюжету фильма.

Теперь перейдем к анализу фильма «Т-34». Без преувеличения можно утверждать, что фильмы и сериалы о Великой Отечественной войне и военном времени выступают частью современного российского кинемейнстрима, а фильмы про танкистов, танковые сражения и танки в силу эффективности занимают в данном сегменте почетное место. Назовем лишь некоторые фильмы начала и конца последнего десятилетия в качестве примера: «Белый тигр» (К. Шахназаров, 2012), отчасти «Сталинград» (Ф. Бондарчук, 2013), «Несокрушимый» (К. Максимов, 2018), «28 панфиловцев» (К. Дружинин, А. Шальопа, 2018), «Танки» (К. Дружинин, 2018), «Подольские курсанты» (В. Шмелев, 2019). «Т-34» – всего лишь один из многих фильмов про войну и танки. Наш интерес к нему связан с тем, что сюжет во многом повторяет рассказанную «Жаворонком» историю. Однако истории этих двух фильмов совпадают далеко не во всем. Изменения в сюжете, новые сюжетные линии, иная расстановка акцентов свидетельствуют о переменах в государственной политике памяти относительно войны.

«Т-34» – фильм периода нового расцвета мифа о войне, который пережил подъем во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. В годы правления Л. Брежнева военный миф содержательно приблизился к его сталинской редакции, сам И. Сталин в качестве полководца частично реабилитирован, поражения первых лет войны вновь замалчиваются, а война подается в виде пути и нелегкого испытания, но все же приведшего к победе, которая искупила собой принесенные жертвы и была заслугой совокупных усилий государства и советского народа. Также характерно появление масштабных героических киноэпопей, полных массовыми батальными сценами (Копосов, 2011, с. 102).

В последние двадцать лет советский миф о войне набрал новую силу, что вызвано, по всей видимости, зависимостью российского государства от легитимации через прошлое и тем, что современная российская идеология во многом сводится к политике памяти, краеугольным камнем которой выступает память о войне и ее конструирование в том виде, какой выгоден для государства (Гудков, 2005). Миф о войне стал мифом о происхождении постсоветской России и выгоден тем, что подчеркивает единство государства и народа, педалирует необходимость сильного государства, вооруженных сил и спецслужб, постулирует важную роль и величину заслуг России в победе над нацизмом (Копосов, 2011, с. 164). Кинематограф же, особенно поддерживаемый государством, призван помогать воспитанию патриотизма, для которого военные победы – лучший повод для гордости и пример для подражания.

Как было отмечено выше, Великая Отечественная война достаточно часто фигурирует в современном российском кино. Анализируя соответствующий блок фильмов, А. Талавер (2013) выделяет две основных категории – коммеморативное и ревизионистское кино. Фильмы из первой категории наследуют традиции советского военного кино периодов подъема мифа о войне, фильмы из второй – переосмысливают эти традиции (с. 25–26). «Т-34» относится к первой категории фильмов, поэтому дадим ей характеристику. Исследователи выделяют несколько ключевых черт отображения войны в коммеморативном кино: стереотипность образов персонажей, отсутствие проблематизации насилия,

подача войны как чужого и далекого прошлого (Талавер, 2013, с. 28, 35), несоблюдение исторической достоверности, тяга к изображению экзотики военного быта (Ильченко, 2017), фантазийные/фантазмагорические черты в изображении прошлого (Хохлов, 2010). В русле данных тенденций был создан фильм «Т-34». Он уже являлся объектом внимания других исследователей (Грибан, Антропов, 2020, с. 335–336), однако рассматривался в иных ракурсах и с иными целями.

Взятый за основу сюжет «Жаворонка» в «Т-34» существенно преобразился за счет добавления новых частей, сюжетных линий и перемены финала. Начало действия фильма перенесено в 1941 г. под Москву. Именно там появляется главный герой, который сразу после прохождения курсов командиров назначен главой экипажа танка, оказывается гениальным тактиком и в неравном бою одолевает целую роту танков во главе с антагонистом – немецким командиром. Несмотря на победу, выжившие главный герой и механик-водитель из этого экипажа попадают в плен и по чудесному совпадению оказываются в одном немецком концлагере, куда приезжает и немец-антагонист с целью формировать танковые экипажи из пленных для обучения курсантов-танкистов в ходе учебных боев. Действие продолжается в 1944 г., и далее сюжет во многом повторяет рассказанную в фильме «Жаворонок» историю: благодаря хитрости (а также забытому боекомплекту в советском трофейном танке и помощи русской переводчицы, укравшей карты у героя-антагониста) экипаж на танке вырывается из лагеря и берет с собой русскую переводчицу. Добывая в дороге оружие, топливо и еду, танк двигается к границе с Чехией. Танк преследуют, в дороге члены экипажа принимают бой и одерживают победу. Немецкие танковые экипажи вместе с героем-антагонистом гибнут, а советские герои остаются в живых. В конце фильма продемонстрированы пасторальные сцены послевоенной жизни каждого из героев-победителей.

Что же появилось нового в фильме «Т-34» по сравнению с фильмом «Жаворонок»? Наиболее важная перемена – превращение трагической истории о моральном подвиге и гибели в рассказ о батальных победах со счастливым финалом. Главный герой и его экипаж не погибают, а доживают до конца войны и благополучно возвращаются к мирной жизни. Акцент поставлен на победы, а не страдания, потери и тяготы войны. Не менее значим в данном плане перенос времени основного действия с 1942 на 1944 г., когда фронтовые победы советских войск стали реальностью, а не просто предвещаются. Вторая, тоже немаловажная, перемена в том, что историю о людях на войне сменил рассказ о войне, вернее, о технике и механике войны, о войне как боевых действиях. Это объясняет, отчего в «Т-34» практически половину времени действия занимают сцены танковых сражений, зрелищных из-за обильного применения спецэффектов. Более того, можно обоснованно утверждать, что главный герой фильма – именно танк, а не человек (как гласит и название). Третья перемена касается характера изображения самой войны. В «Т-34» вроде бы тоже показана смерть людей в ходе боевых действий, однако в отличие от «Жаворонка» погибшие являются второстепенными персонажами или даже частью штаффажа, с которыми зритель себя не ассоциирует. Ключевые персонажи остаются в живых на протяжении действия фильма, невзирая на все передраги, что создает представление о войне как увлекательном приключении без грязи, крови и трагизма, без памяти о поражениях и потерях. Следующая новация: интрига фильма

«Т-34» упрощена по сравнению с «Жаворонком» и сведена к противостоянию двух героев – советского и немецкого танкистов, к дуэли характеров, силы воли и профессиональных навыков. В «Жаворонке» главным героям противостоит безликий противник в виде многочисленных немецких солдат – безмянных военных чинов и разных уровней надзирателей в лагере. По причине безликости такого противника кажется, будто героям противостоит сама стихия войны либо, на худой конец, военная машина Третьего рейха. Помимо того, через весь фильм «Т-34» проходит идея горделивого превосходства советского над немецким буквально во всем – в технике, профессиональных навыках, уме и смекалке (советский Т-34 в конечном счете превосходит немецкие танки, мастерство советских танкистов оказывается выше, даже знаменитые «Мерседесы» оказываются под гусеницами советского Т-34 и т. д.).

Зафиксируем и то, как фильм «Т-34» отразил изменения во внешней политике и взаимодействиях с другими странами – конкретно, заметное похолодание в отношениях с Европой и США. Особенно наглядны эти изменения в сравнении с фильмом «Жаворонок». Как мы уже писали выше, в «Жаворонке» один из членов танкового экипажа – французский военнопленный. По нашему мнению, в данном случае его появление отсылало к довольно теплым в то время отношениям Советского Союза и Франции, а сам образ француза символизировал весь позитивный для СССР Запад вообще (из контекста понятно, что француз участвовал в испанской гражданской войне на стороне республиканцев и симпатизировал идеям Интернационала). В свою очередь, фильм «Т-34» характеризует полное исчезновение положительных представителей западных стран, да и сами упоминания об этих представителях (за исключением немцев) сведены к абсолютному минимуму. Единственное упоминание звучит в пренебрежительном ключе: немец-антагонист говорит курсантам, что если они научатся драться с русскими, то англосаксы им будут нипочем. Меняется и состав танкового экипажа (вернее, двух экипажей в составе которых сражается главный герой) – представлены только русские, украинцы и белорусы.

Любопытен и визуально-эстетический пласт фильма «Т-34». Главным образом фильм содержит визуальные отсылки к компьютерным играм и стриминговым игровым видео (видео, фиксирующим прохождение игры). Их стилистика хорошо опознается в изобразительном ряде (танковые сражения показаны, как в игре *World of Tanks*) и построении сюжета (который словно бы переходит с одного уровня сложности на другой по нарастающей). Отсылки к компьютерным играм легко считываются, что подтверждает небольшая подборка суждений кинокритиков о фильме⁴. Это значит, что компьютерные и сетевые игры с их многочисленной аудиторией весьма влиятельны и нельзя их игнорировать при желании и необходимости добиться кассового успеха фильма. Однако на кинодраматургии влияние компьютерных игр сказалось плачевным образом. Именно

⁴ Кичин, В. (2018, 25 декабря). *Неуловимые мстители*. Взято 10 августа 2021, с <https://rg.ru/2018/12/25/v-novuj-god-na-ekrany-vyjdet-film-t-34-alekseia-sidorova.html>; Корнацкий, Н. (2018, 24 декабря). «Т-34»: *Танки к нам приходят*. Взято 10 августа 2021, с <https://kinoart.ru/reviews/t-34>; Ступников, Д. (2018, 24 декабря). *Рецензия: «Т-34». Для тех, кто в танке*. InterMedia. Взято 10 августа 2021, с <https://www.intermedia.ru/news/330891>

этому влиянию фильм обязан и упрощением подачи войны, и переносом фокуса внимания с людей на технику, со взаимоотношений и судеб персонажей – на показ боевых действий. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов изменения, которые претерпел кинематограф в плане своей функциональности. В советский период над многочисленными функциями, которые исполняет кино и среди которых можно назвать информативную, развлекательную, ценностную, коммуникативную, воспитательную, эстетическую, критическую, доминировала воспитательная функция, функция нормирования поведения (особенно в фильмах, отражающих государственную политику памяти). Советское кино должно было показывать позитивные и негативные поведенческие образцы, формировать патриотизм и любовь к Родине, воспитывать готовность к жертвенности и самопожертвованию⁵. Для современного российского кино это положение поменялось и очевидно, что теперь надо всеми остальными довлеет развлекательная функция (см. Жабский, 2005). Данное обстоятельство тоже внесло свой вклад в трансформацию сюжета и новую расстановку смысловых акцентов.

Завершая анализ фильмов «Жаворонок» и «Т-34», раскроем не только их отличия, но и явные сходства. Невзирая на разницу в подаче войны, в общей тональности (трагической или бравурно-оптимистической), оба фильма являются идеологическими продуктами, отображающими государственную политику памяти разных периодов. Их содержание если не определяется, то во многом зависит, среди прочего, от текущей политики памяти государства. Углубляясь в содержание фильмов, скажем также, что им присущ явный схематизм в подаче как позитивных, так и негативных героев: характеры положительных персонажей монолитны, просты, за исключением редких моментов не развиваются, враги-немцы главным образом представлены в виде глупых, в лучшем случае очень недалеких и трусливых людей⁶. Предположим, что именно этот схематизм и порожденная им поверхностность стали причиной отсутствия у обоих фильмов широкой популярности и значимых наград в сфере кинематографа.

Заключение

Политика памяти в течение XX и в начале XXI вв. являлась и является чрезвычайно важным фактором, влияющим на общественную жизнь и создание общественного мнения. Поэтому, разумеется, она не может не входить в сферу интересов государства, использующего все подручные средства ради формирования образа прошлого в русле своей актуальной политики. Кино как массовый и относительно доступный вид искусства хорошо подходит и для выработки зримых, наглядных эмоционально доходчивых образов (а через них – для передачи смыслов, идей, ценностей), и для донесения этих образов до широкой аудитории. Советский Союз не был, а Российская Федерация не выступает исключением в общем ряду ведущих политик памяти государств. Больше того, можно утверждать, что существенную часть идеологии современного россий-

⁵ Марголит Е. (2012, 12 марта). *Советское кино как большой гуманистический проект*. Взято 10 августа 2021, с <https://polit.ru/article/2012/03/12/margolit/>

⁶ Про стереотипность и недостоверность изображения врага в советском и российском кино о войне см. Макаров, Дронов, 2013.

ского государства занимает именно формирование образа прошлого. При этом особенно важный сегмент политики памяти обоих государств – память о Великой Отечественной войне, которую старались и стараются поместить в основание идентичности советских людей и россиян. Анализ советской и российской политики памяти относительно Великой Отечественной войны показывает, что выгодный советскому государству миф о войне, скрывающий неудачи первого военного периода, большой масштаб жертв и промахи командования, начал складываться уже в годы самой войны. Он получил развитие в последнее десятилетие правления И. Сталина, а во время хрущевской «оттепели» был несколько скорректирован в пользу демонстрации жертв и поражений, а также личного восприятия трагедии войны ее участниками. После завершения «оттепели» наступил новый расцвет сталинского мифа о войне в брежневской его редакции. Затем, в годы «перестройки» и следующее десятилетие, тема войны стала менее весомой в политике памяти (впрочем, как стала менее важна политика памяти в целом для раздираемого противоречиями советского государства последних лет существования и молодого российского государства). В последние же двадцать лет наблюдается явное оживление в области политики памяти. Проявляется пристальное внимание к периоду Великой Отечественной войны, причем на самых высших уровнях власти (Русакова, 2020). «Войны памяти» – точнее, войны за нужную в определенных обстоятельствах и контексте память – сотрясают общество. Кинематограф играет активнейшую роль в обслуживании мифа о войне на всем протяжении его складывания и развития, а также отражает разные стадии эволюции государственной политики памяти. Изучение фильмов со схожим сюжетом, снятых в 1964 и 2018 гг., зримо и выпукло показывает, что именно было и является важным для «оттепельной» и новой российской политики памяти в отношении войны.

Укажем на возможные причины изменений в политике памяти, отраженные кинематографом. Фильм «Жаворонок» 1964 г. был создан в советской сверхдержаве, занимавшей устойчивое положение на мировой арене и с относительной лояльностью собственных граждан на фоне разоблачения культа личности И. Сталина, реабилитации незаконно осужденных и провозглашенного Н. Хрущевым рывка в светлое коммунистическое будущее. Такая ситуация позволяла показать цену победы, жертвы войны, страдания ее участников и даже изъяны внешней политики прежнего руководства. Поэтому «Жаворонок» не скрывал поражений первых лет войны, их последствия, мог себе позволить раскрыть тяготы войны через муки и гибель участников, показать войну без побед и фанфар, а на грядущие победы только намекнуть – ведь их наличие и советский вклад в победу над нацизмом ни у кого не вызывали сомнений. Ситуация же Российской Федерации в конце 2010-х гг. существенно иная. Экономические трудности, ощутимые трения в международных отношениях (в том числе с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции), пересмотр роли СССР в развязывании Второй мировой войны и его отношений с нацистской Германией, инициированные бывшими союзниками и прибалтийскими государствами (см. Миллер, 2020), рост внутренней оппозиции, многочисленные акции протеста и т. д. На этом довольно сложном фоне необходимо нечто позитивное, в хорошем свете представляющее если не российское настоящее, то хотя бы советское прошлое, которое должно объединять граждан современной России,

сглаживать противоречия между властью и обществом. Лучшим вариантом по многим причинам выступает даже не сама Великая Отечественная война, а факт победы в ней. Поэтому фильм «Т-34» 2018 г. резко изменил тональность изложения сюжета «Жаворонка», по-новому расставил акценты, трансформировав историю о трагизме войны, моральном духе и воле к борьбе в историю о боях и победах, о превосходстве советского над немецким. Война в этой новой истории стала подобием рыцарской дуэли между советским и немецким командирами (или же борьбы между положительным и отрицательным героями голливудского боевика), увлекательным приключением, в котором выживут все (или почти все) хорошие советские люди, а воевать так же легко, как проходить игру *World of Tanks*.

Список литературы

1. Аникин, Д. А. (2012). Стратегии политики памяти на постимперском пространстве. *Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 12(2), 34–38.
2. Беляев, Е. В., Линченко, А. А. (2016). Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия. *Studia Humanitatis*, (2). Взято 20 августа 2021, с <http://st-hum.ru/content/belyaev-ev-linchenko-aa-gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-cennosti-massovogo>
3. Волков, Е. В., Пономарева, Е. В. (2012). Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, (10), 22–26.
4. Грибан, И. В., Антропов, К. А. (2020). Кино и память: Великая Отечественная война в зеркале современного российского кинематографа. *Вопросы всеобщей истории*, (23), 327–341. <https://doi.org/10.26170/vvi20-01-28>
5. Гудков, Л. Д. (2005). «Память» о войне и массовая идентичность россиян. *Неприкосновенный запас*, (2). Взято 20 августа 2021, с <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/pamyat-o-vojne-i-massovaya-identichnost-rossiyan.html>
6. Жабский, М. И. (2005). Глобализм и функции кино в обществе. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований*, (4), 43–50.
7. Зайцева, Л. А. (2011). *Киноязык: опыт мифотворчества*. М.: ВГИК.
8. Ильченко, С. Н. (2017). Парадоксы интерпретации истории в пространстве экранных коммуникаций (на материале фильмов и сериалов о Великой Отечественной войне). *Гуманитарный вектор. Серия: Филология, Востоковедение*, 12(4), 207–215.
9. Копосов, Н. Е. (2011). *Память строгого режима. История и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение.
10. Макаров, Д. В., Дронов, В. А. (2013). Динамика образа врага в современных фильмах о Великой Отечественной войне. *Власть*, (2), 160–163.
11. Миллер, А. И. (2020). Вторая Мировая война в «войнах памяти». *Новое прошлое / The New Past*, (4), 222–231.
12. Русакова, О. Ф. (2020). Структурный дискурс-анализ статьи президента

РФ В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим». *Дискурс-Пи*, (4), 10–25. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10401>

13. Талавер, А. (2013). *Память о Великой Отечественной войне в постсоветском кинематографе. Этапы осмысления прошлого (от 1990-х к 2000-м)*: препринт WP20/2013/06/. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. Взято 20 августа 2021, с https://www.hse.ru/data/2013/10/29/1282649941/WP20_2013_06.pdf

14. Ферро, М. (1993). Кино и история. *Вопросы истории*, (2), 47–57.

15. Хитров, А.В. (2011). Общество. История. Кино: вторая мировая война в советском кинематографе 1940-х и 1960-х гг. *Артикульт*, (1), 265–269.

16. Хохлов, В.А. (2010). Великая Отечественная война в современном российском кино: продолжение в фэнтези-будущем. *Новый исторический вестник*, (1), 67–74.

References

1. Anikin, D. A. (2012). Strategii politiki pamyati na postimperskom prostranstve [Strategy of a Policy of Memory on Postimperial Space]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika*, 12(2), 34–38.

2. Belyaev, E. V., & Linchenko, A. A. (2016). Gosudarstvennaya politika pamyati i cennosti massovogo istoricheskogo soznaniya v sovremennoj Rossii: problemy i protivorechiya [State politics of memory and the values of the mass historical consciousness in modern Russia: Issues and contradictions]. *Studia Humanitatis*, (2). Retrieved August 20, 2021, from <http://st-hum.ru/content/belyaev-ev-linchenko-aa-gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-cennosti-massovogo>

3. Ferro, M. (1993). Kino i istoriya [Cinema and history]. *Voprosy istorii*, (2), 47–57.

4. Griban, I. V., & Antropov, K. A. (2020). Kino i pamyat': Velikaya Otechestvennaya vojna v zerkale sovremennogo rossijskogo kinematografa [Cinema and memory: The Great Patriotic War in the mirror of a modern Russian cinematography]. *Voprosy vseobshhej istorii*, (23), 327–341. <https://doi.org/10.26170/vvi20-01-28>

5. Gudkov, L. D. (2005). “Pamyat” o vojne i massovaya identichnost' rossiyan [“Memory” of the war and mass identity of Russians]. *Neprikosnovennyj zapas*, (2). Retrieved August 20, 2021, from <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/pamyat-o-vojne-i-massovaya-identichnost-rossiyan.html>

6. Il'chenko, S. N. (2017). Paradoksy interpretacii istorii v prostranstve e'krannykh kommunikacij (na materiale fil'mov i serialov o Velikoj Otechestvennoj vojne) [Paradoxes of interpretation of history in the space of on-screen communication (on the material of the films and serials about the Great Patriotic War)]. *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Filologiya, Vostokovedenie*, 12(4), 207–215.

7. Khitrov, A. V. (2011). Obshhestvo. Istoriya. Kino: vtoraya mirovaya vojna v sovetskom kinematografe 1940-x i 1960-x gg. [Society. History. Cinema: The Second World War in Soviet Cinema of the 1940s and 1960s.]. *Artikul't*, (1), 265–269.

8. Khokhlov, V. A. (2010). Velikaya Otechestvennaya vojna v sovremennom

rossijskom kino: prodolzhenie v fe'ntezi-budushhem [The Great Patriotic War in modern Russian cinema: Continuation in the fantasy future]. *Novyj istoricheskij vestnik*, (1), 67–74.

9. Kopusov, N.E. (2011). *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [Strict-mode memory. History and politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Makarov, D.V., Dronov, V.A. (2013). Dinamika obraza vruga v sovremennyx fil'max o Velikoj Otechestvennoj vojne [Dynamics of the enemy image in modern films about the Great Patriotic War]. *Vlast'*, (2), 160–163.

11. Miller, A.I. (2020). Vtoraya Mirovaya vojna v “vojnax pamyati” [Second World War in the “wars of memory”]. *The New Past*, (4), 222–231.

12. Rusakova, O.F. (2020). Strukturnyj diskurs-analiz stat'i prezidenta RF V. Putina «75 let Velikoj Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriej i budushchim» [Structural discourse analysis of the article by the President of the Russian Federation V. Putin “75 years of the great Victory: Shared responsibility to history and the future”]. *Discourse-P*, (4), 10–25. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10401>

13. Talaver, A. (2013). *Pamiat' o Velikoi Otechestvennoi vojne v postsovetskom kinematografe. Etapy osmysleniia proshlogo (ot 1990-kh k 2000-m)*: preprint WP20/2013/06/ [The memory of the Great Patriotic War in the post-Soviet cinema. Stages of understanding the past (from the 1990s to the 2000s): preprint WP20/2013/06/. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.

14. Volkov, E.V., & Ponomareva, E.V. (2012). Igrovoe kino kak istoricheskij istochnik dlya izucheniya kul'turnoj pamyati [Fiction film as a source for the studying of the cultural memory]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki*, (10), 22–26.

15. Zajceva, L.A. (2011). *Kinoyazyk: opyt mifotvorchestva* [Film language: The experience of myth-making]. Moscow: VGIK.

16. Zhabskiy, M.I. (2005). *Globalizm i funkcii kino v obshhestve* [Globalism and the functions of cinema in society]. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyx issledovanij*, (4), 43–50.

Информация об авторе

Мария Владимировна Воробьева, кандидат культурологии, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>, e-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru.

Information about the author

Maria Vladimirovna Vorobyeva, Candidate of Cultural Studies, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>, e-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕЕ (1905–1945 ГГ.)

Павел Александрович Барахвостов,

Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Республика Беларусь,
barakhvostov@yandex.by

Статья поступила в редакцию 10.08.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Барахвостов П. А. Институциональные трансформации в колониальной Корее (1905–1945 гг.) // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 108–124. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_108

Аннотация

В работе на примере колониальной Кореи проанализированы особенности колониализма восточного типа: распространение на «внешние территории» централизованной системы управления, осуществляющей контроль в политической, экономической и культурной сферах. Выделены этапы институционального «встраивания» Кореи в структуру Японской империи. Первый, подготовительный, этап связан со временем японского протектората (1905–1910) и характеризуется трансплантацией институтов переходного типа, направленных на ограничение корейских властей в принятии самостоятельных решений во внутренней и внешней политике, «имплантацией» проводников японского влияния во все властные структуры, перестройкой силового блока. Второй этап (1910–1920) совпадает с периодом построения фундамента бюрократизированного государства, способного как контролировать, так и трансформировать общественную систему. Основная задача – создание государственно-регулируемого высокоэффективного, ориентированного на экспорт сельского хозяйства. Главным инструментом достижения этого явилось создание разветвленной сети спонсируемых государством ассоциаций, которые влияли на производство фермеров, а также формирование рыночных сетей, посредством которых осуществлялась организация потоков экспортируемой

© Барахвостов П. А., 2021

и импортируемой продукции в рамках общеимперской экономики. На третьем этапе (1920–1930) происходит усложнение бюрократической государственной машины и построение государственно-управляемой капиталистической экономической модели в колонии. Четвертый, заключительный, этап (1930–1945) – период индустриализации и экономического роста, сопровождавшийся укреплением рыночных экономических институтов при консолидации авторитарно-бюрократического политического режима, ориентированного на усиление эксплуатации корейского населения и подавление национального корейского самосознания. Делается вывод о том, что на всех этапах осуществление как экономических, так и политических институциональных трансформаций было обусловлено необходимостью встраивания колониальной Кореи в общеимперскую экономику. Однако полной интеграции достичь не удалось. Попытка насильственной социокультурной гомогенизации данных территорий с внутренними областями империи, выстраивание асимметричных взаимоотношений «хозяин (Япония) – слуга (Корея)» способствовали разлому общеимперской социальной системы и послужили причиной трений в дальнейших межгосударственных отношениях.

Ключевые слова:

институты, социальная система, колонизация, колониальное управление, колониальная политика.

UDC 325

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_108

INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS IN COLONIAL KOREA (1905–1945)

Pavel A. Barakhvostov,

Belarus State Economic University,
Minsk, Republic of Belarus,
barakhvostov@yandex.by

Article received on August 10, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Barakhvostov, P.A. (2021). Institutional Transformations in Colonial Korea (1905–1945). *Discourse-P*, 18(4), 108–124. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_108

Abstract

The paper employs the case of colonial Korea to analyze the features of the Oriental type of colonialism: the spread of the centralized management system exercising control in the political, economic, and cultural spheres to the “external territories”. The stages

of the institutional integration of Korea into the structure of the Japanese Empire are highlighted. The first (preliminary) stage is associated with the period of the Japanese protectorate (1905–1910) and is characterized by transplantation of institutions of transitive type, aimed at limiting the autonomy of the Korean authorities in domestic and external decision-making, “implantation” of agents of Japanese influence into all power structures, and rebuilding of the law enforcement bodies and the armed forces. The second stage (1910–1920) coincides with laying the foundation of the bureaucratized state capable of both controlling and transforming the social system. The main task at this point was to create state-regulated, highly efficient, export-oriented agriculture. The key instrument of achieving this task was the formation of an extensive network of state-sponsored associations that influenced agricultural production according to the state requirements as well as market networks to channel exported and imported goods within the imperial economy. The third stage (1920–1930) is the period of complication of the state bureaucratic machine and formation of the state-controlled capitalist economic model in the colony. The fourth and final stage (1930–1945) is characterized by industrialization and economic growth accompanied by the strengthening of market economic institutions and consolidation of the authoritarian bureaucratic regime focused on further exploitation of the Korean population and suppression of the Korean national identity. It is concluded that at all stages, the implementation of economic and political institutional transformations was caused by the need to integrate Korea in the imperial economy. However, full integration was never accomplished. The attempt of forced social and cultural homogenization of these territories with the empire’s internal regions and building of asymmetric relations “master (Japan) – servant (Korea)” facilitated the collapse of the imperial social system and contributed to much further tension in later interstate relations.

Keywords:

institutions, social system, colonization, colonial government, colonial policy.

Введение

Турбулентность современного мира, нарастающая асимметрия мирового политического и экономического пространства и попытки пересмотра системы международных отношений актуализировали проблему исследования колониализма. Ее изучение и переосмысление открывают значительные перспективы при познании современных мировых политических и общественных процессов.

Длительное время в социальных науках доминировала классовая теория колониализма, базирующаяся на марксистском понимании отношений эксплуатации в классовом обществе. В рамках данной теории колониализм характеризуется как политическое, экономическое и культурное господство индустриально развитых стран и регионов мира. Развитие социально-гуманитарного знания в XX в. обусловило появление новых концепций, предложивших несколько другие подходы к анализу формирования колониальных отношений. Среди них – неинституционализм. Его ядром является представление о социальной системе как целостном интегрированном образовании, включающем три взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы – экономическую, политическую

и социокультурную. Регулировать ее функционирование позволяет сложная структура институтов – «правил игры», которые структурируют социальное действие (North, 1990). Будучи «устойчивыми моделями взаимодействий в социуме» (Дюркгейм, 1995), институты не являются застывшим конструктом. Их изменения отражают преобразования социальной системы, которые могут быть вызваны как внутренними, так и внешними факторами. К числу последних можно отнести, в частности, геополитическое переформатирование пространства и, как следствие, образование некоего интеграционного объединения, которое может обладать свойствами симметрии (отношения внутри объединения выстраиваются на основе равноправия участников), либо быть асимметричным. Примером сильной асимметрии является империя, включающая метрополию и колонии. При формировании указанной системы (и, соответственно, выстраивании колониальных отношений) имеет место институциональное сближение ее составляющих, осуществляемое преимущественно за счет «трансплантаций» (Полтерович, 2001) институтов метрополии в колониях.

Сегодня политики и ученые все активнее заявляют о наступлении эры неокOLONИализма, что обуславливает актуальность исследования особенностей формирования и эволюции империй. Представляет интерес, какие институциональные трансплантации, механизмы и инструменты их осуществления способствуют повышению устойчивости системы, какие – обуславливают хрупкость.

Огромный эмпирический материал для решения данной проблемы представляет исторический опыт человечества. При этом довольно много исследований западной цивилизации (Барахвостов, 2020; Dowd et al., 2013; La Porta et al., 1998; Lehmbbruch, 2000; Ostrom, 1982; Roland, 2000; Singh, 1970; Stiglitz, 1998). Однако «в условиях современного глобализирующегося мира с его сложными и многообразными внутренними связями односторонность ведет к утрате эвристической ценности и способности адекватно понимать реальность» (Пантин, 2000, с. 139). Необходима разработка теории, вбирающей в себя опыт развития различных фрагментов мира. Особый интерес вызывает изучение колониализма восточного типа, реализованного в Японской империи. Среди ее бывших колоний один из «четырёх азиатских тигров» – Южная Корея.

В русскоязычной, как правило, исторической литературе внимание фокусируется на негативных аспектах колонизации. Авторами детально проанализированы обстоятельства оформления протектората и аннексии Кореи (Козлова, 2011; Макаrchук, 2010), представлен богатый эмпирический материал, иллюстрирующий корейское национально-освободительное движение (Василевская, 1975; Пак, 2006; Шипаев, 1964), экономические и социальные изменения, произошедшие в колониальный период (Иванов, 2016; Ким, 2012; Овчинникова, 2019). Заслуживает внимания монография В.М. Тихонова и Кан Мангиля (2011), в которой анализируется противоречивость социально-экономических и политических процессов, имевших место в колониальной Корее.

В англоязычной литературе выявляются причины колонизации Кореи, к числу которых относят, в частности, слабость государственной машины (Cumings, 1984; Palais, 1975). Нередко проблематика японского владычества увязывается с концепцией модернизации (Buzo, 2002; Cumings, 1987; Eckert, 1991; Eckert, 1996; Kohli, 1994; Lim, 1999; McNamara, 1990). Отмечая экономические успехи в колониальный период, авторы подчеркивают неравномерность

распределения выгод от него – «рост без развития». По их мнению, к числу наиболее значимых результатов этого времени следует отнести: преобразование государственного аппарата, разработку новой модели взаимодействия государства и бизнеса, фундаментальную трансформацию социальных отношений.

Корейскими авторами колониальный период анализируется, как правило, с критических позиций (Kim, 2007; Yoo, 2016), административный аппарат представляется в качестве репрессивного органа (Shin, Sin, 1996). Тем не менее в последние годы появляются работы, посвященные исследованию экономической и культурной модернизации в период японского владычества (Lee et al., 2013).

Определенный интерес данная проблематика вызывает и в японской научной среде. При этом внимание исследователей акцентируется на особенностях индустриализации (Kimura, 2018), образовательной политике (Tsugumi, 2020).

В целом институциональные механизмы и инструменты воздействия Японии на колониальную Корею изучены недостаточно. Исследованию данной проблемы и посвящена настоящая работа. Методологической основой исследования является исторический неинституционализм.

Этапы институциональной трансформации Кореи в колониальный период

На протяжении веков для Японии противостояние Западу являлось основой внутреннего единения. Образование японского государства рассматривалось как условие противодействия колониальным захватам крупных западных держав, нацелившихся на восточноазиатский регион.

Осуществленные в эпоху Мэйдзи институциональные изменения, суть которых заключалась в создании эффективного централизованного государства, способного как контролировать, так и трансформировать общество, обусловили быстрый рост Японии и ее становление в качестве региональной державы. Однако необходимым условием дальнейшего развития являлось формирование сферы влияния, зоны обеспечения национальной безопасности, в связи с чем возникла идея построения «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», что предусматривало политическую интеграцию государств региона под эгидой японского государства для противостояния западным державам. Японией был предложен силовой метод переформатирования геополитического пространства, чему в значительной степени содействовала ее победа в Русско-японской войне и, как следствие, появившаяся самоуверенность в возможности расширять свое колониальное присутствие в регионе.

Одним из главных объектов экспансии была определена географически близкая, имеющая расовое и культурное сходство Корея, стабильность в которой рассматривалась как главная гарантия национальной безопасности. «Встраивание» Кореи в структуру Японской империи предполагало институциональное сближение новых территорий и метрополии. Можно выделить несколько этапов данного процесса.

Первый (подготовительный) этап связан со временем японского протектората (1905–1910) и характеризуется созданием институтов переходного типа, направленных на ограничение корейских властей в принятии самостоятель-

ных решений во внутренней и внешней политике, тотальной «имплантацией» проводников японского влияния во все властные структуры, перестройкой силового блока.

Первым шагом явилось создание центрального института с особыми «рекомендательно»-контролирующими функциями – Управления генерального резидента, призванного заниматься вопросами внешних сношений Кореи, использовать японские вооруженные силы для поддержания порядка в стране, давать «рекомендации» корейскому правительству, издавать приказы, обязательные для исполнения (Курбанов, 2018, с. 441). С 1907 г. согласие генерального резидента требовалось при принятии корейским правительством законов и важных административных решений; его санкция была необходима при назначении на высокопоставленные государственные должности. В регионах вместо японских консульств учреждались управления провинциальных резидентов, обладающих подобными правами.

Следующим шагом стала реорганизация судебной системы: создание нового, подконтрольного японцам Верховного суда и введение в качестве необходимого условия присутствия японских советников во всех столичных и местных судах, результатом чего стало качественное изменение их кадрового состава (вследствие используемого механизма *замещения* к 1909 г. 69% персонала корейских судов составляли японцы) (Курбанов, 2018, с. 443).

Третьим важным шагом стало формирование японской жандармерии, насаждение в корейскую полицию японских советников и, наконец, в соответствии с указом от 31 июля 1907 г., роспуск корейской армии.

Экономическая подготовка последующей инкорпорации осуществлялась посредством созданного в 1908 г. японско-корейского Восточного колонизационного общества, две трети капитала которого принадлежали японцам, причем крупнейшим держателем акций явилось японское правительство. С 1910 г. это общество координировало свою работу с Колонизационным бюро, находившимся в Японии (Курбанов, 2018, с. 443).

Идеологически инкорпорация Кореи в империю подготавливалась путем пропаганды идей «единых корней» японского и корейского народов и объявления корейского языка и культуры лишь «ветвью» японского. Осуществлению подобной обработки населения способствовали изданные в 1908–1909 гг. указы о печати, передавшие контроль над издательским делом в руки японской администрации.

Следует отметить, что осуществленные Японией в Корее институциональные преобразования были достаточно эффективными с точки зрения достижения поставленной цели – экономически, политически и идеологически подготовить инкорпорацию Кореи.

22 августа 1910 г. был подписан Корейско-японский договор о соединении, что положило начало *второму этапу* институциональных трансформаций Кореи (1910–1920), в ходе которого был построен фундамент бюрократизированного государства, проникающего во все сферы жизни корейского общества.

Одним из важных инструментов реализации данной задачи стала административно-территориальная реформа, начатая указом № 319 японского императора от 29 августа 1910 г., в соответствии с которым в Корее было учреждено генерал-губернаторство во главе с генерал-губернатором (япон-

цем, имевшим соответствующий военный чин). 30 сентября 1910 г. был обнародован указ о новой системе управления (Beasley, 1991). В соответствии с ним, несмотря на формальную подотчетность императору, власть генерал-губернатора была практически неограниченной: ему подчинялись все органы государственного управления, в его ведении находились полиция и армия, он имел право назначения на должности и снятия с них, право издания законов, которые для данных территорий, вообще говоря, были особыми, отличными от японских.

Генерал-губернаторство было поделено на 13 провинций, во главе которых находились японские губернаторы. Для осуществления государственного управления создана японо-корейская администрация – сложный бюрократический аппарат по типу японского. В дополнение к нему – хорошо организованная полиция, ставшая в 1910–1920 гг. главной опорой колониальным властям.

Что обеспечивало эффективное функционирование системы государственного управления, этой сложной бюрократической машины? Прежде всего высокая степень централизации: власть генерал-губернатора была практически абсолютной, а возможности бюрократии на местах строго контролировались и были крайне ограниченными. Большинство чиновников в центре являлись военными людьми, привыкшими к безусловному подчинению. Кроме того, для противодействия коррупции региональных или местных чиновников им устанавливалась достаточно высокая оплата труда, что свидетельствует об использовании японцами механизма положительной (стимулирующей) обусловленности. При этом в целях укрепления доверия населения к власти местная бюрократия должна была избегать демонстрации своих доходов. В ранний колониальный период она даже следовала дресс-коду – одевалась так, чтобы чиновников невозможно было по одежде отличить от среднестатистического гражданина. Далее, практиковались замены провинившихся в чем-либо чиновников другими (японскими, либо зарекомендовавшими себя корейскими кадрами). Наконец, хорошая организация полиции. Как правило, старшие офицеры были японцами, но около половины всех полицейских – это корейцы, зачастую из низших социальных сословий. Полицейские силы наделялись широкими полномочиями. Они не только следили за порядком и соблюдением закона, но и осуществляли контроль за образованием, религией, моралью, здравоохранением, сбором пошлин, имели право входить в любые помещения, выступать в суде в качестве обвинителя, совершать «ускоренные приговоры» безо всякого суда и следствия и др. (Eckert et al., 1990, p. 259).

Государственная машина ориентировалась на выполнение определенных задач, среди которых центральное место на данном этапе занимало создание регулируемого государством высокоэффективного, экспортно-ориентированного сельского хозяйства. Это требовало задействования целого комплекса инструментов.

При генерал-губернаторстве были учреждены особые органы, организованные по японскому образцу из обученных и дисциплинированных чиновников, такие как Управление железных дорог, Управление связи, Временное управление по инспектированию земель.

Следующим инструментом решения поставленных задач стал указ 1910 г. об обследовании земель; в соответствии с ним территории, владельцы которых

не могли подтвердить прав владения документально, были переведены в собственность генерал-губернаторства (Пак, 2003, с. 763). В результате за период 1910–1920 гг. в японскую собственность перешло около 40 % всех пахотных земель Кореи и 50 % ее лесов.

Значимым инструментом стало реформирование финансовой системы: удаление из обращения обесцененных никелевых монет, введение иены, создание Центробанка, выстраивание иерархии других поддерживаемых государством банков, реорганизация налоговой системы для направления всех доходов в Министерство финансов и увеличения государственных доходов за счет комбинации новых налогов.

Однако наиболее значимым инструментом достижения поставленной цели явилось создание разветвленной сети спонсируемых государством ассоциаций, которые влияли на производство фермеров в соответствии с желаниями правительства, а также формирование рыночных сетей, посредством которых осуществлялась организация потоков экспортируемой и импортируемой продукции в рамках общеимперской экономики (Henry, 2016). Кроме того, требование эффективности сельского хозяйства обусловило необходимость внимания колониального правительства к внедрению новых высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур, инвестициям в ирригацию и другие сельскохозяйственные технологии.

Для решения экономических задач была необходима подготовка квалифицированной рабочей силы, что потребовало трансплантации социокультурных институтов, в частности, реформирования системы образования. Фокус был сосредоточен на начальном обучении, получении практических навыков. Вместе с тем образование ориентировалось на искоренение (или, по меньшей мере, игнорирование) корейской культуры. Закрылось большинство корейских газет, в том числе те, что издавались на японском языке.

Окончание Первой мировой войны открыло *третий этап* институциональных трансформаций (1920–1930) – период усложнения бюрократической государственной машины и окончательного построения аграрно-капиталистической экономической модели в колонии.

С середины 1920-х гг. цены на сельскохозяйственные товары во всем мире начали значительно снижаться. В Корее, например, в период с 1924 по 1930 гг. цены на хлопок уменьшились с 27 до 7,96 иен за килограмм, на рис – с 19,26 до 6,61 иены за сом (Stephens, 2017). Высокий экспорт риса в метрополию стал нежелательным, и японское правительство приняло ряд дополнительных шагов по контролю над рисовыми потоками, в частности: были введены ограничения на экспорт корейского риса в Японию, фокус внимания в колонии сместился на строительство и эксплуатацию складских помещений (на их строительство выделялись государственные субсидии с покрытием до 70 % затрат; за хранящееся на складах зерно выдавались ссуды под низкие проценты). При этом задача управления хранилищами решалась опосредованно (через расширение сети и поощрение сельскохозяйственных ассоциаций).

Вместе с тем в связи с захватом Маньчжурии и бурным развитием ткацкой промышленности в Японии важной статьей корейского экспорта в метрополию оставался хлопок-сырец. При этом для его производства стали активно использоваться женщины, труд которых оценивался гораздо дешевле, чем мужчин.

Важной особенностью экономических трансформаций в колониальной Корее в данный период является увеличение экспорта японского капитала, что подготовило последующую индустриализацию.

Таким образом, к концу второго десятилетия в колонии была окончательно построена аграрно-капиталистическая экономическая модель.

Изменения в экономике обусловили усложнение и политической сферы. С октября 1920 г. в Корее появилось местное самоуправление (по японскому образцу), были учреждены советы в провинциях, городах, приравненных к провинциям, и районах.

Четвертый (заключительный) этап институциональных трансформаций в колониальной Корее (1930–1945) – период индустриализации и экономического роста, сопровождавшийся усилением рыночных экономических институтов, при сохранении авторитарно-бюрократического политического режима, ориентированного на усиление эксплуатации корейского населения и подавление национального корейского самосознания. Доминантой японской колониальной политики данного этапа явилось включение Кореи в систему обеспечения боевых возможностей японской армии в военный период.

Вступление Японии в войну с Китаем, а затем во Вторую мировую войну обусловили необходимость развития японской оборонной промышленности, требовавшей сырья, которое имелось в северной части Корейского полуострова (каменный уголь, железная руда, вольфрам, молибден, свинец, графит). Это послужило причиной индустриализации и бурного экономического роста Кореи и, как следствие, усиления рыночных экономических институтов. Однако особенностью данного кейса является контролируемость этого усиления государством.

Важными объектами промышленного развития Кореи, причем преимущественно в ее северной части, стали горнодобывающая, металлургическая, химическая промышленности. В машиностроительной отрасли также произошли изменения: появились заводы по производству железнодорожных составов и небольших судов, в военное время – машин и самолетов (Курбанов, 2018, с. 506). При этом капитал активно использовал государственные субсидии (редистрибутивные институты) для создания промышленного производства (Kimura, 2018, p. 31).

Интенсивный рост промышленности Кореи требовал развития электроэнергетики. К 1945 г. в Корее существовало около 150 крупных электростанций, которые полностью контролировались японским капиталом (Курбанов, 2018, с. 506).

Захват Японией Маньчжурии (1931) и вступление в войну с Китаем (1937) стали причинами развития в Корее железнодорожного транспорта, который играл роль транспортного коридора между Японией и Китаем. Примечательно, что большая часть железных дорог принадлежала государству (Японии).

В то же время осуществлялись преобразования и в сельском хозяйстве, особенно значимые в 1930-х: наблюдался существенный рост поддерживаемых и направляемых государством сельскохозяйственных ассоциаций, организовавших закупку семян и техники, продажу урожая и т. д., причем в них включались и бедные фермеры.

В данный период институциональные трансформации осуществлялись и в политической сфере. В 1931 г. городские советы, которые до этого были

совещательными органами при мэре города, получили полномочия местной исполнительной власти.

Наблюдался значительный рост и усложнение бюрократического аппарата: если в 1910 г. в японо-корейской администрации насчитывалось 10 000 служащих, к 1937 г. это число увеличилось до 87 552, из которых более половины (52 270) японцы (Kohli, 1994, p. 1273). При сравнении, например, колониальных Кореи и Вьетнама мы видим, что на каждого французского чиновника во Вьетнаме приходилось пятнадцать японских чиновников в Корее (Eckert et al., 1990, p. 257). Отметим значительное присутствие корейцев в бюрократическом аппарате.

Заключительный период японского владычества характеризовался широким использованием механизма отрицательной (репрессивной) обусловленности в отношении корейского населения. Это требовало увеличения полиции: численность служащих в ней возросла от 6 222 в 1910 г. до 20 777 в 1922 г. и 60 000 в 1941 г. (Eckert et al., 1990, p. 259).

Институциональные трансформации в социокультурной сфере были направлены, с одной стороны, на подготовку квалифицированной рабочей силы: к 1941 г. уровень грамотности среди местного населения достиг 50 % (Kohli, 1994, p. 1275). С другой – на подавление национального самосознания, которое рассматривалось как угроза колониальной власти. В 1937 г. был издан указ о запрещении употребления корейского языка в государственных учреждениях. Японский стал называться родным. Корейцы, не владевшие японским, должны были пользоваться услугами переводчика. С 1938 г. было прекращено преподавание корейского языка в школах. При этом для борьбы с его употреблением японские учителя ввели систему наказаний и премий.

Разворачивалась пропаганда теории об общих корнях корейского и японского народов. Активно внедрялась японская национальная религия синто. С 11 февраля 1940 г., как один из этапов политики ассимиляции, началась кампания по замене корейских фамилий на японские (Иванов, 2012). По отчетам колониальных властей, к августу того же года около 80 % корейцев сменили фамилии.

По замыслу колонизаторов корейцы должны были стать «народом-слугой» Японской империи, готовым принести себя в жертву ради нее. Особенно четко данная позиция проявлялась в предвоенное и военное время. В феврале 1938 г. был опубликован закон о «добровольном» наборе корейцев в имперские сухопутные войска. С 1942 г. в корейских школах было введено обязательное военное обучение, а с 1943 г. (как и в Японии) в армию стали призываться учащиеся школ. Корейцами укомплектовывались как сухопутные войска, так и флот. В целом в японской армии вынуждены были служить 360 тыс. корейцев (Курбанов, 2018, с. 510).

В апреле 1938 г. был опубликован закон «О всеобщей мобилизации во имя государства», согласно которому японская колониальная администрация могла использовать любые материальные и трудовые ресурсы Кореи для имперских нужд. В соответствии с законом «О регулировании распределения зерновых Кореи» на военные нужды изымалось около 40–60 % сельскохозяйственной продукции. Свыше 667 тыс. корейцев были привлечены к работам на рудниках, оборонных заводах, строительстве оборонительных сооружений.

Особой «болевой» точкой во взаимоотношениях Кореи и Японии до настоящего времени остается проблема вианбу («женщин-успокоительниц»), подразделение которых были созданы по указу от 23 августа 1944 г. Считается, что в них насильственно мобилизовали для японской армии от 140 до 180 тыс. корейских женщин и девушек от 12 до 40 лет (Курбанов, 2018, с. 510).

В целом социокультурная политика японских колониальных властей на данном этапе была направлена на выстраивание асимметричных взаимоотношений «хозяин (Япония) – слуга (Корея)», что способствовало разрушению общеимперской социальной системы.

Каковы же последствия колониального периода? В ходе «встраивания» Кореи в Японскую империю была осуществлена замена изживших себя династических институтов управления на высокоцентрализованный и чрезвычайно дееспособный государственный аппарат. Колониальное наследие создало благоприятные условия для развития сильного централизованного государства. Вместе с тем неоднородное внутристрановое экономическое развитие, усугубленное японской колониальной политикой, способствовало разделу Кореи на Север и Юг после обретения независимости в 1945 г.

Заключение

Таким образом, в работе на примере колониальной Кореи проанализированы особенности колониализма восточного типа: распространение на «внешние территории» централизованной системы управления, осуществляющей контроль как в политической, так и в экономической и культурной сферах; для успешного противостояния западному миру создание геополитической мощи, полностью подконтрольной метрополии, что предполагает способствование индустриализации колоний и подготовку дисциплинированной и образованной рабочей силы.

Выделены этапы институционального «встраивания» Кореи в структуру Японской империи. Первый из них (подготовительный) связан со временем японского протектората (1905–1910) и характеризуется созданием (в дополнение к существующим) институтов переходного типа, направленных на ограничение корейских властей в принятии самостоятельных решений во внутренней и внешней политике, тотальной «имплантацией» проводников японского влияния во все властные структуры, перестройкой силового блока для предотвращения возможного сопротивления. Второй этап (1910–1920) совпадает с периодом построения фундамента бюрократизированного государства, способного как контролировать, так и трансформировать общественную систему. Основная задача на данном этапе – создание государственно-регулируемого высокоэффективного, экспортно-ориентированного сельского хозяйства. Главным инструментом достижения поставленной цели явилось создание разветвленной сети спонсируемых государством ассоциаций, которые влияли на производство фермеров в соответствии с требованиями властей, а также формирование рыночных сетей, посредством которых осуществлялась организация потоков экспортируемой и импортируемой продукции в рамках общеимперской экономики. Третий этап (1920–1930) – это период усложнения бюрократической государственной машины и построения государственно-управляемой капиталистической экономической модели в колонии. Четвертый, заключительный, этап (1930–1945) – период индустриализации

и экономического роста, сопровождавшийся укреплением рыночных экономических институтов при консолидации авторитарно-бюрократического политического режима, ориентированного на усиление эксплуатации корейского населения и подавление национального корейского самосознания.

На всех этапах осуществление как экономических, так и политических институциональных трансформаций было обусловлено необходимостью встраивания колониальной Кореи в общеимперскую экономику. Тем не менее полной интеграции достичь не удалось. Попытка насильственной социокультурной гомогенизации данных территорий с внутренними областями империи, встраивание асимметричных взаимоотношений «хозяин (Япония) – слуга (Корея)» способствовали разлому общеимперской социальной системы и послужили причиной трений в дальнейших межгосударственных отношениях.

Список литературы

1. Барахвостов, П. А. (2020). Великое княжество Литовское: опыт институциональных трансплантаций. *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*, 65(4), 424–432. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431>
2. Василевская, И. И. (1975). *Колониальная политика Японии в Корее накануне агрессии (1904–1910 гг.)*. М.: Наука.
3. Дюркгейм, Э. (1995). *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. М.: Канон.
4. Иванов, К. В. (2012). Особенности интеграционной политики Японской империи в Корее и на Тайване в первой половине XX в. *Вестник Иркутского государственного технического университета*, (10), 350–356.
5. Иванов, К. В. (2016). История колониальной Кореи: политика, опрокинутая в прошлое. В *Корейский полуостров в эпоху перемен* (с. 94–103). М.: ИДВ РАН.
6. Ким, Н. Н. (2012). В поисках методологии исследования социальной структуры Кореи колониального периода. *Вестник российского корееведения*, (4), 60–74.
7. Козлова, Д. Н. (2011). Установление протектората Японии над Кореей с точки зрения международного права. *Вестник российского корееведения*, (3), 5–14.
8. Курбанов, С. О. (2018). *История Кореи с древности до начала XXI века*. СПб.: СПбГУ.
9. Макаручук, О. И. (2010). Аннексия Кореи Японией в 1908–1910 гг. *Вопросы истории*, (3), 153–158.
10. Овчинникова, Л. В. (2019). Колониальное управление в Корее (1910–1945) в зеркале служебных изданий японского генерал-губернаторства. *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*, (3), 4–18.
11. Пак, Б. Д. (2006). *СССР, Коминтерн и корейское национально-освободительное движение: 1918–1925. Очерки, документы, материалы*. М.: Институт востоковедения РАН.
12. Пак, М. Н. (2003). *История и историография Кореи*. М.: Восточная

литература РАН.

13. Пантин, В. И. (2000). Сможет ли российская наука понять, что происходит в России? *Pro et Contra*, 5(2), 138–148.
14. Полтерович, В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов. *Экономическая наука современной России*, (3), 24–50.
15. Тихонов, В. М., Кан Мангиль (2011). *История Кореи. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г.* М.: Наталис.
16. Шипаев, В. И. (1964). *Колониальное закабаление Кореи японским капитализмом (1895–1917)*. М.: Наука.
17. Beasley, W. G. (1991). *Japanese imperialism 1894–1945*. Oxford: Oxford University Press.
18. Buzo, A. (2002). *The making of modern Korea*. New York: Routledge.
19. Cumings, B. (1984). The origins and development of the Northeast Asian political economy: Industrial sectors, product cycles, and political consequences. *International Organization*, 38(1), 1–40. <https://doi.org/10.1017/S0020818300004264>
20. Cumings, B. (1987). The legacy of Japanese colonialism in Korea. In R. H. Myers & M. R. Peattie (Eds.), *The Japanese Colonial Empire, 1895–1945* (pp. 478–496). Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9780691213873-017>
21. Dowd, A. C., Pak, J. H., & Bensimon, E. M. (2013). The role of institutional agents in promoting transfer access. *Education Policy Analysis Archives*, 21(15). <https://doi.org/10.14507/epaa.v21n15.2013>
22. Eckert C. J., Lee K., Lew Y. I., Robinson M., & Wagner E. W. (1990). *Korea old and new: A history*. Seoul: Ilchokak.
23. Eckert, C. (1991). *Offspring of Empire: The Koch'ang Kims and the colonial origins of Korean capitalism, 1876–1945*. Seattle: University of Washington Press.
24. Eckert, C. (1996). Total war, industrialization and social change in late colonial Korea. In *The Japanese Wartime Empire, 1931–1945* (pp. 3–39). Princeton: Princeton University Press.
25. Henry T. A. (2016). *Assimilating Seoul: Japanese rule and the politics of public space in Colonial Korea, 1910–1945*. Berkeley: University of California Press.
26. Kim, J. C. (2007). The Pacific war and working women in late colonial Korea. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 33(1), 81–103. <https://doi.org/10.1086/518392>
27. Kimura, M. (2018). Colonial development of modern industry in Korea, 1910–1939/40. *Japan Review*, 2(2), 23–44.
28. Kohli, A. (1994). Where do high growth political economies come from? The Japanese lineage of Korea's "developmental state". *World Development*, 22(9), 1269–1293. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(94\)90004-3](https://doi.org/10.1016/0305-750X(94)90004-3)
29. La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., & Vishny, R. W. (1998). Law and finance. *Journal of Political Economy*, 106(6), 1113–1154.
30. Lee, H. Y., Ha, Y. C., & Sorensen, C. W. (Eds.). (2013). *Colonial rule and social change in Korea, 1910–1945*. Seattle: University of Washington Press.
31. Lehmbuch, G. (2000). Institutional change in the East German transformation process. The role of the State in the reorganization of property rights and the limits of institutional transfer. *German Politics and Society*, 18(3), 13–47.

<https://doi.org/10.3167/104503000782486507>

32. Lim, T. C. (1999). The origins of societal power in South Korea: Understanding the physical and human legacies of Japanese colonialism. *Modern Asian Studies*, 33(3), 603–633. <https://doi.org/10.1017/S0026749X99003388>

33. McNamara, D. L. (1990). *The colonial origins of Korean enterprise 1910–45*. New York: Cambridge University Press.

34. North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

35. Ostrom, E. (1982). *Strategies of political inquiry*. Beverly Hills: Sage.

36. Palais, J. B. (1975). *Politics and policy in traditional Korea*. Cambridge: Harvard University Press.

37. Roland, G. (2000). *Transition and economics. politics, markets and firms*. Cambridge: The MIT Press.

38. Shin, G. W., & Sin, K. U. (1996). *Peasant protest & social change in colonial Korea*. Seattle: University of Washington Press.

39. Singh, P. (1970). Problems of institutional transplantation: The case of the commonwealth Caribbean local government system. *Caribbean Studies*, 10(1), 22–33.

40. Stephens, H. (2017). *Agriculture and development in an age of empire: Institutions, associations, and market networks in Korea, 1876–1945*. Retrieved July 25, 2021, from <https://repository.upenn.edu/edissertations/2593>

41. Stiglitz, J. (1998). Distinguished lecture on economics in government. The private uses of public interests: Incentives and institutions. *Journal of Economic Perspectives*, 12(2), 3–22.

42. Tsurumi, E. P. (2020). Colonial education in Korea and Taiwan. In *The Japanese colonial empire, 1895–1945* (pp. 275–311). Princeton: Princeton University Press.

43. Yoo, T. J. (2016). *It's madness: The politics of mental health in colonial Korea*. Oakland: University of California Press.

References

1. Barakhvostov, P. A. (2020) Velikoe knjazhestvo Litovskoe: opyt institucional'nyh transplantacij [Grand Duchy of Lithuania: Institutional transplantation experience]. *Vesci Nacyjanal'naj akademii navuk Belarusi. Seryja gumanitarnyh navuk*, 65(4), 424–432. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431>

2. Beasley, W. G. (1991). *Japanese imperialism 1894–1945*. Oxford: Oxford University Press.

3. Buzo, A. (2002). *The making of modern Korea*. New York: Routledge.

4. Cumings, B. (1984). The origins and development of the Northeast Asian political economy: Industrial sectors, product cycles, and political consequences. *International Organization*, 38(1), 1–40. <https://doi.org/10.1017/S0020818300004264>

5. Cumings, B. (1987). The legacy of Japanese colonialism in Korea. In R. H. Myers & M. R. Peattie (Eds.), *The Japanese Colonial Empire, 1895–1945* (pp. 478–496). Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9780691213873-017>

6. Dowd, A. C., Pak, J. H., & Bensimon, E. M. (2013). The role of institutional agents in promoting transfer access. *Education Policy Analysis Archives*, 21(15). <https://doi.org/10.14507/epaa.v21n15.2013>
7. Durkheim, E. (1995). *Sociologija, ee predmet i prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, and purpose]. Moscow: Kanon.
8. Eckert C.J., Lee K., Lew Y.I., Robinson M., & Wagner E. W. (1990). *Korea old and new: A history*. Seoul: Ilchokak.
9. Eckert, C. (1991). *Offspring of Empire: The Koch'ang Kims and the colonial origins of Korean capitalism, 1876–1945*. Seattle: University of Washington Press.
10. Eckert, C. (1996). Total war, industrialization and social change in late colonial Korea. In *The Japanese Wartime Empire, 1931–1945* (pp. 3–39). Princeton: Princeton University Press.
11. Henry T.A. (2016). *Assimilating Seoul: Japanese rule and the politics of public space in Colonial Korea, 1910–1945*. Berkeley: University of California Press.
12. Ivanov, K. V. (2012). Osobennosti integracionnoj politiki Yaponskoj imperii v Koree i na Tajvane v pervoj polovine XX v. [Features of Japanese Empire integration policy in Korea and Taiwan in early 20th century]. *Izvestija irkutskogo tehničeskogo universiteta*, (10), 350–356.
13. Ivanov, K. V. (2016). Istorija kolonial'noj Korei: politika, oprokinutaja v proshloe [History of colonial Korea: The policy tipped into the past]. In *Korejskij poluostrov v jepohu peremen* (pp. 94–103). Moscow: IDV RAN.
14. Kim, J. C. (2007). The Pacific war and working women in late colonial Korea. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 33(1), 81–103. <https://doi.org/10.1086/518392>
15. Kim, N. N. (2012). V poiskah metodologii issledovanija social'noj struktury Korei kolonial'nogo perioda [Colonial Korea's social structure: In search of research methodology]. *Vestnik rossijskogo koreevedeniya*, (4), 60–74.
16. Kimura, M. (2018). Colonial development of modern industry in Korea, 1910–1939/40. *Japan Review*, 2(2), 23–44.
17. Kohli, A. (1994). Where do high growth political economies come from? The Japanese lineage of Korea's "developmental state". *World Development*, 22(9), 1269–1293. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(94\)90004-3](https://doi.org/10.1016/0305-750X(94)90004-3)
18. Kozlova, D. N. (2011). Ustanovlenie protektorata Japonii nad Koreej s točki zrenija mezhdunarodnogo prava [Establishment of Japan's protectorate over Korea from the point of view of international law]. *Vestnik rossijskogo koreevedeniya*, (3), 5–14.
19. Kurbanov, S. O. (2018). *Istorija Korei s drevnosti do nachala XXI veka* [History of Korea from the old days to the beginning of the 21st century]. Saint Petersburg: SPbGU.
20. La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., & Vishny, R. W. (1998). Law and finance. *Journal of Political Economy*, 106(6), 1113–1154.
21. Lee, H. Y., Ha, Y. C., & Sorensen, C. W. (Eds.). (2013). *Colonial rule and social change in Korea, 1910–1945*. Seattle: University of Washington Press.
22. Lehmbuch, G. (2000). Institutional change in the East German transformation process. The role of the State in the reorganization of property rights and the limits of institutional transfer. *German Politics and Society*, 18(3), 13–47.

<https://doi.org/10.3167/104503000782486507>

23. Lim, T. C. (1999). The origins of societal power in South Korea: Understanding the physical and human legacies of Japanese colonialism. *Modern Asian Studies*, 33(3), 603–633. <https://doi.org/10.1017/S0026749X99003388>

24. Makarchuk, O. I. (2010). Anneksija Korei japoniej v 1908–1910 [The annexation of Korea by Japan in 1908–1910]. *Voprosy Istorii*, (3), 153–158.

25. McNamara, D. L. (1990). *The colonial origins of Korean enterprise 1910–45*. New York: Cambridge University Press.

26. North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

27. Ostrom, E. (1982). *Strategies of political inquiry*. Beverly Hills: Sage.

28. Ovchinnikova, L. V. (2019). Kolonial'noe upravlenie v Koree (1910–1945) v zerkale sluzhebnyh izdaniy japonskogo general-gubernatorstva [Japanese colonial governance in Korea (1910–1945) reflected in governor-general office publications]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*, 4–18.

29. Pak, B. D. (2006). SSSR, Komintern i korejskoe nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie: 1918–1925. *Ocherki, dokumenty, materialy* [The USSR, the Comintern and the Korean liberation movement: 1918–1925. Essays, documents, materials]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.

30. Pak, M. N. (2003). *Istorija i istoriografija Korei* [History and historiography of Korea]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.

31. Palais, J. B. (1975). *Politics and policy in traditional Korea*. Cambridge: Harvard University Press.

32. Pantin, V. I. (2000). Smozhet li rossijskaja nauka ponjat', chto proishodit v Rossii? [Will Russian science be able to understand what is happening in Russia?] *Pro et Contra*, 5(2), 138–148.

33. Polterovich, V. M. (2001). Transplantacija jekonomicheskikh institutov [Transplantation of economic institutions]. *Economicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, (3), 24–50.

34. Roland, G. (2000). *Transition and economics. politics, markets and firms*. Cambridge: The MIT Press.

35. Shin, G. W., & Sin, K. U. (1996). *Peasant protest & social change in colonial Korea*. Seattle: University of Washington Press.

36. Shipaev, V. I. (1964). *Kolonial'noe zakabalenie Korei japonskim kapitalizmom (1895–1917)* [Colonial enslavement of Korea by Japanese capitalism (1895–1917)]. Moscow: Nauka.

37. Singh, P. (1970). Problems of institutional transplantation: The case of the commonwealth Caribbean local government system. *Caribbean Studies*, 10(1), 22–33.

38. Stephens, H. (2017). *Agriculture and development in an age of empire: Institutions, associations, and market networks in Korea, 1876–1945*. Retrieved July 25, 2021, from <https://repository.upenn.edu/edissertations/2593>

39. Stiglitz, J. (1998). Distinguished lecture on economics in government. The private uses of public interests: Incentives and institutions. *Journal of Economic Perspectives*, 12(2), 3–22.

40. Tikhonov, V. M., Kan Mangil. (2011). *Isporoja Korei. T. 1: S drevneishih dnei do 1904 g.* [History of Korea. Vol. 1: From ancient times to 1904]. Moscow,

Natalis.

41. Tsurumi, E.P. (2020). Colonial education in Korea and Taiwan. In *The Japanese colonial empire, 1895–1945* (pp. 275–311). Princeton: Princeton University Press.

42. Vasilevskaya, I.I. (1975). *Kolonial'naja politika Japonii v Koree nakanune agressii (1904–1910)* [Japanese colonial policy in Korea on the eve of aggression (1904–1910)]. Moscow: Nauka.

43. Yoo, T.J. (2016). *It's madness: The politics of mental health in colonial Korea*. Oakland: University of California Press.

Информация об авторе

Павел Александрович Барахвостов, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>, e-mail: barakhvostov@yandex.by

Information about the author

Pavel Aleksandrovich Barakhvostov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Belarus State Economic University, Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>, e-mail: barakhvostov@yandex.by

УДК 323

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_125

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ВУЗАХ (2017–2021 ГГ.)*

Иван Алексеевич Бронников,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
ivbronn@gmail.com

Марина Васильевна Цыбряева,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
mtsybryaeva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.07.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Бронников И.А., Цыбряева М.В. Политологическое образование в современных российских вузах (2017–2021 гг.) // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 125–140. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_125

Аннотация

В настоящее время интерес к политологическому образованию проявляется как со стороны государства, так и со стороны социума. Постматериальные потребности

* Исследование выполнено в рамках Программы развития междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

© Бронников И.А., Цыбряева М.В., 2021

современного мира в совокупности с усиливающимися процессами политизации основных сфер жизнедеятельности человека определяют актуальность развития конкретного образовательного направления. Цель данной статьи заключается в выявлении образовательных и профориентационных тенденций ведущих университетов России, реализующих направление подготовки «Политология». На основе сравнительного анализа основных образовательных программ и учебных планов по направлениям подготовки 41.03.04 и 41.04.04 авторами выделены их отличительные характеристики. Хронологические рамки исследования включают 2017–2021 гг.: с момента вступления в силу федерального государственного образовательного стандарта 3++ по настоящее время. При проведении исследования использован ряд научных методов и принципов современной политической науки. Институциональный метод дал возможность определить основные государственные механизмы и инструменты реализации и регулирования политологического образования в вузах на современном этапе. Применялся качественный и количественный контент-анализ сайтов высших учебных заведений и органов власти. Проанализированы главные методические документы 10 ведущих вузов России по направлению «Политология». При анализе внедрения отдельных инструментов, регулирующих образовательное пространство России, использовался метод кейс-стади. Авторы статьи подчеркивают возрастающую роль междисциплинарных и инновационных подходов, направлений, проектов научно-образовательной деятельности. Эта тенденция не обходит стороной и политологию, что приводит к симбиотическому взаимодействию политологического знания с разными предметными областями и придает перспективный импульс образовательным проектам по направлению «Политология», способствуя качественному повышению их привлекательности и значимости. Результаты исследования раскрывают характерные тенденции в развитии университетского политологического образования в современной России.

Ключевые слова:

политологическое образование, политическая наука, образовательные стандарты, образовательные программы, рейтинги мировых вузов.

POLITICAL SCIENCE EDUCATION IN CONTEMPORARY RUSSIAN UNIVERSITIES (2017–2021)**

Ivan A. Bronnikov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
ivbronn@gmail.com

Marina V. Tsybryaeva,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
mtsybryaeva@mail.ru

Article received on July 9, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Bronnikov, I.A., Tsybryaeva, M.V. (2021). Political Science Education in Contemporary Russian Universities (2017–2021). *Discourse-P*, 18(4), 125–140. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_125

Abstract

The interest in political science education is currently manifested both by the state and by society. The post-material needs of the modern world coupled with the increasing processes of politicization of the main spheres of human life determine the significance of the development of a specific educational direction. The purpose of this article is to identify educational and career guidance trends of Russian leading universities carrying out training in “Political Science”. Based on a comparative analysis of 10 educational programs and their curricula in the directions 41.03.04 and 41.04.04, the authors have revealed their differences and unique characteristics. The chronological framework of the study includes 2017–2021: from the date of entry into force of the federal state educational standard 3++ to the present. The authors rely on a number of scientific methods and principles of contemporary political science. The institutional method helped to determine the main state mechanisms and instruments for the implementation and regulation of political science education at universities at the present stage. Qualitative and quantitative content analysis of the websites of higher educational institutions and authorities was used. The main methodological documents of 10 leading universities of Russia in the direction of “Political

** The research has been done within the framework of the Program for the development of the interdisciplinary scientific and educational school of Moscow State University “Preservation of world cultural and historical heritage”.

Science” were analyzed. When analyzing the implementation of individual tools regulating the educational space of Russia, the case study method was applied. The authors emphasize the increasing role of interdisciplinary and innovative approaches, directions, projects of scientific and educational activities. This trend does not bypass political science, which leads to a symbiotic interaction of political science knowledge with different subject areas and gives a promising impetus to educational projects in the direction of “Political Science”, contributing to a qualitative increase in their attractiveness and significance. The results of the research reveal the characteristic trends in the development of political science education in contemporary Russian universities.

Keywords:

political science education, political science, educational standards, educational programs, world university rankings.

Введение

Современный образовательный процесс представляет собой сложную систему, включающую в себя различные виды и подвиды, типы обучения, дающие возможность получать образование в течение всей жизни¹. Особое внимание уделяется развитию высшего образования, являющегося приоритетным направлением, от которого зависит экономическое благополучие страны, ее конкурентоспособность на мировом рынке и дальнейшее развитие человечества в целом.

Научный интерес к развитию высшего образования и его различным аспектам существовал всегда. Оно видоизменяется и адаптируется к потребностям государства и общества, имеет свои стратегические задачи, сохраняет свои ценностные основания, которые находятся под воздействием экзогенных и эндогенных факторов (Almazova et al., 2020; Nandy et al., 2020), а его различные направления подготовки имеют свои особенности, что особо ярко прослеживается в генезисе политологического образования в современной России (Буренко, 2020; Коваленко, 2009; Пуин, 2013).

Исторические условия становления и развития политологического образования в России во многом зависели от внутренних и внешних условий, влияющих на политическую обстановку в стране на разных этапах ее развития. Оно является молодым направлением в российской образовательной среде: его институционализация началась в непростое для отечественной истории время – рубеж 1990-х гг. (Еремеев и др., 2021), и возраст его чуть больше 30 лет. Политологическое образование, как и молодое государство, проходило многочисленные этапы своего становления: оно сразу испытывало на себе все новшества проводимой политики в области образования в виде особых государственных

¹ Концепция *lifelong learning* основана на обучении всех, везде, всему и в любом возрасте. Провозглашена в 1972 г. ЮНЕСКО и стала главным элементом европейского пространства высшего образования после встречи министров высшего образования в 2001 г. в Праге.

механизмов, колоссальное влияние которых проявляется и в настоящее время. Параллельно шло развитие отечественных научных школ и направлений исследований в области политической науки. Формируя свою специфику, отличающуюся от западных подходов и основанную на отечественных традициях, они внесли весомый вклад в развитие российского политологического образования², что в будущем отразилось и на содержании образовательных программ.

Интерес к сегодняшнему отечественному политологическому образованию продолжает набирать обороты (Кретов, 2019; Nikiporets-Takigawa et al., 2020). Это обусловлено возросшей потребностью в специалистах, способных разбираться в сложных проблемах современного российского общества, раскрывать их причинно-следственные связи, прогнозировать последствия, не абстрагируясь от мирового пространства, принимать решения в условиях постправды и постоянного искажения информации. Но его реализация продолжает происходить в этатистских условиях централизации власти, что формирует его главную специфику, основанную на отечественной политической культуре и ее традициях.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении тенденций развития современного российского политологического образования в высших учебных заведениях посредством комплексного анализа основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) по направлениям подготовки 41.03.04 и 41.04.04 «Политология» и его значения в мировом образовательном пространстве. Особое внимание уделяется сложившимся традициям отечественных научных школ.

На основании показателей за 2021 г. рейтингов университетов мира – *Quacquarelli Symonds (QS) World University Rankings (by subject Politics)* и *Times High Education (THE) World University Rankings (by subject Politics and International Studies)* – проведены качественные исследования. Компаративный анализ содержания ОПОП 10 лучших российских вузов в области политической науки позволил выявить их особенности и специфику.

Результаты исследования

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования и его практическое внедрение. Осуществление образовательного процесса в сфере высшего образования Российской Федерации зависит от проводимой государственной политики, которая формирует основные задачи и приоритеты этого направления. Для их практического внедрения существует

² Главные научные ресурсы, как и образовательные, были сконцентрированы в столичных университетах Москвы (МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО МИД России) и Санкт-Петербурга (СПбГУ, Европейский университет). В этих вузах до сих пор работают и преподают исследователи, которые стали основоположниками и лидерами российских политологических научных школ. Процесс складывания отечественных научных центров в области политологии затронул и различные регионы, о чем свидетельствовали качественные и количественные показатели. Именно вузы являлись так называемыми точками роста формирования региональных научных центров, которыми стали КФУ, ПГНИУ, НИ СГУ, УрФУ, НИ ТГУ и многие другие.

ряд комплексных мер, реализуемых с помощью определенных рычагов воздействия и механизмов реализации.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации»³ является главным нормативным документом, регулирующим и контролирующим отношения в сфере образования. Все правки, вносимые в этот законодательный акт, отражают главные изменения в государственной политике, осуществляемой конкретными механизмами. Реализация образовательного процесса в высших учебных заведениях полностью зависит от их содержания и роли, которую они играют в системе высшего образования. Ст. 2 указанного закона перечисляет эти механизмы, одним из них является федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО) – утвержденный Минобрнауки России комплекс обязательных требований к уровню высшего образования в зависимости от специальности или направления подготовки. На основании ФГОС ВО разрабатываются ОПОП.

Свою историю ФГОС ВО (до 2011 г. – государственный образовательный стандарт, ГОС) берет в 1992 г., таким образом показывая, что образовательный процесс в России всегда был связан с этим инструментом. С опорой на изменения, вносимые в главные законодательные акты, регулирующие отношения в сфере образования и проводимой государственной политики, ФГОСы имеют три поколения. Осуществление нынешнего процесса обучения по направлениям подготовки 41.03.04 и 41.04.04 «Политология» происходят на базе ФГОС ВО 3++, принятых летом 2017 г. Они определяют структуру ОПОП, кадровые, технические и финансовые условия, результаты освоения программы. Поэтому неудивительно, что ФГОСы создают ряд значимых проблем:

1) Формируется множество имитаций. Дело в том, что все методические материалы написаны таким языком, что преподавателю крайне сложно понять, что от него требуется. В настоящее время преподаватели воспринимают требования как избыточные и чужеродные, что стимулирует формальное отношение к подготовке программ дисциплин.

2) Разработка и внедрение новых стандартов – очень долгий и сложноруровненный процесс, и фактически требования ФГОСов устаревают сразу же с момента их принятия.

3) Сложно подготовить вариативные образовательные программы (на стыке направлений), удовлетворяющие требованиям более чем одного ФГОС (подробнее см. Кузьминов, Юдкевич, 2021).

При этом качество образования является желаемым достижением со стороны государства. На протяжении 10 лет политологическое образование в современной России, построенное на основных критериях и установках Болонской системы, тесным образом связано с понятиями «компетентность» и «компетенция» (Машиньян, Кочергина, 2015; Одарич, Гаврилова, 2017), которые являются дискуссионными контролирующими рычагами освоения ОПОП. Основное их содержание сводится к способности индивида с помощью приобретенных им

³ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. Взято 19 марта 2021, с http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/

знаний, умений и навыков (ЗУН) решать различного рода задачи на высоком профессиональном уровне (что особенно показательно при освоении профессиональных компетенций, связанных с профессиональным стандартом), определяемом личностными, общественными и государственными потребностями. Для проверки ЗУН используется еще один инструмент – фонд оценочных средств, который призван выявлять проблемные точки освоения учебного плана. Вместе с тем система федеральных учебно-методических объединений (ФУМО) формирует содержательное наполнение ОПОП. Как правило, ФУМО создает методические советы по отдельным направлениям подготовки на базе ведущих вузов, которые занимаются организацией экспертной и методической работы (разработка проектов ОПОП, экспертиза образовательных программ, планирование издания учебников и пр.).

Главными рычагами, отвечающими за контроль и проверку выполнения всех требований к образовательным программам в соответствии с ФГОС ВО и дающими возможность вести образовательную деятельность, являются аккредитация и лицензирование. Проведение соответствующих процедур осуществляется федеральным органом исполнительной власти по контролю и надзору в сфере образования – Рособрнадзором. Именно с помощью этого государственного института проводится качественная и количественная проверка образования.

Все перечисленные компоненты составляют основной комплекс регулирующих механизмов. Однако особую роль играет учебный план, который представляет собой полноценную «картину» ОПОП с возможностью создания уникальных профилей и широкого поля будущих образовательных траекторий.

Уровневое высшее политологическое образование в современной России по направлениям подготовки 41.03.04 и 41.04.04 «Политология».

Стремительное развитие политологического образования в России охватывает все большее количество вузов, в которых по-разному видят качественную реализацию данного направления. Это наглядно отражено в учебном плане, который представляет собой «маршрут» по освоению и изучению выбранной образовательной траектории, поэтому является главным помощником для абитуриента и необходимой визитной карточкой для факультета и вуза.

Учебный план формируется из трех блоков – дисциплины, практики и государственная итоговая аттестация (ГИА). Помимо базовой части есть вариативная, задающая профиль образовательной траектории. Программа бакалавриата в обязательном порядке должна реализовать перечень дисциплин, которые зафиксированы в ФГОС ВО 3++: история, философия, иностранный язык, безопасность жизнедеятельности и физическая культура.

В данной статье сравнительный анализ учебных планов ОПОП, осуществляющих образовательный процесс на базе ФГОС ВО 3++, проводился на примере 10 российских вузов, реализующих направления подготовки «Политология». Выбор университетов основан на результатах показателей QS⁴

⁴ QS World University Rankings by Subject 2021: Politics. Retrieved March 30, 2021, from <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2021/politics>

и ТНЕ⁵ за 2021 г. Ими стали МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ, СПбГУ, РУДН, РАНХиГС, КФУ, ЮФУ, УрФУ, НИ ТГУ⁶.

Согласно п. 10 ст. 11 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», все вышеперечисленные вузы имеют право на осуществление образовательной деятельности по самостоятельным университетским образовательным стандартам (УОС). Рассмотрев особенности требований к структуре ОПОП УОС можно сказать, что каждый вуз в своих образовательных стандартах акцентирует внимание на определенных аспектах, которые делают реализацию ОПОП уникальной. Это выражается в выделении дополнительных блоков и циклов, определенном обязательном наборе дисциплин, трудоемкости, выборе практик, ГИА.

Несмотря на то, что практически во всех ОПОП есть определенный набор профессиональных дисциплин, разницу в содержании можно встретить не только в части профиля программы, но и в обязательном блоке, что определяет ее характерные особенности. В качестве критериев, определяющих специфику учебных планов ОПОП, нами были выбраны следующие параметры: трудоемкость изучаемых дисциплин; распределение дисциплин по курсам и семестрам; дополнительные, специальные модули; направленность обязательной части учебного плана; компетентностный акцент. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Отличительные характеристики учебных планов, составленных в соответствии с требованиями к структуре ОПОП на основе УОС по направлению 41.03.04 «Политология»

Table 1 – Distinctive characteristics of curricula drawn up in accordance with the requirements for the structure of the basic professional educational program based on university's educational standards in the direction 41.03.04 "Political Science"

№ п/п	Вуз	Отличительные характеристики учебных планов ОПОП по направлению 41.03.04 «Политология»
1	МГУ	Акцент на изучение истории различных предметных областей, что отражено в трудоемкости: «История социально-политических учений» – 14 кредитов, «Политическая история» – 11, «История политики» – 5. Особое место занимают межфакультетские курсы (2 кредита), как возможность познакомиться с другими предметными областями иных направлений подготовки

⁵ World University Rankings 2021 by subject: social sciences. Retrieved March 30, 2021, from https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2021/subject-ranking/social-sciences#!/page/0/length/25/locations/RU/subjects/3090/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats

⁶ Согласно рейтингу QS за 2021 г. среди российских вузов в области политической науки: 1-е место – МГИМО МИД России, 2-е – НИУ ВШЭ, 3-е – МГУ, 4-е – СПбГУ. Согласно рейтингу ТНЕ: 1-е место – НИУ ВШЭ, 2-е – МГУ, 3-е – КФУ, 4-е – РУДН, 5-е – СПбГУ, 6-е – НИ ТГУ, 7-е – РАНХиГС, 8-е – ЮФУ, 9-е – УрФУ.

№ п/п	Вуз	Отличительные характеристики учебных планов ОПОП по направлению 41.03.04 «Политология»
2	СПбГУ	Основное внимание уделено теоретической составляющей политологического образования: «Теоретическая политология» – 10 кредитов, «Экономическая теория» – 4, «Теория история политических институтов» – 4, «Теория и практика аргументации» – 3, «Теории публичной политики» – 2, «Теория общественного выбора» – 3, «Теории политической культуры» – 2, «Современные политические теории» – 3, а также некоторые дисциплины по выбору (ДПВ) вариативной части
3	МГИМО	Углубленное изучение правовых, международных и современных аспектов. В первом семестре читается блок теоретических дисциплин, закладывающих образовательную «базу»: «Экономическая теория», «Теория политики», «Теория управления», «Теория государства и права». Трудоемкость дисциплины «Сравнительная политология» составляет 11 кредитов, подтверждая тем самым ее роль в образовательном процессе научной школы МГИМО
4	НИУ ВШЭ	Упор на математические, статистические методы с использованием элементов программирования и моделирования к изучению политологии, на что в сумме отводится 23 кредита в базовой части профессионального цикла. Также в учебные планы входит широкий спектр дисциплин по выбору с таким же уклоном в вариативной части. Наличие профиля Minor подразумевает изучение дополнительных дисциплин, выходящих за рамки образовательного направления (относится к свободной вариативной части с трудоемкостью в 20 кредитов)
5	РАНХиГС	В учебном плане есть второй иностранный язык в объеме от 16 до 20 кредитов. Наибольшая трудоемкость в профиле «Политическое управление» отведена дисциплинам «Политическая история зарубежных стран и России» (11 кредитов) и «Истории политических учений» (9 кредитов); в профиле «Мировая политика» особое место занимают «Академическое чтение» (14 кредитов), и «Источниковедение и текстология в социальных науках» (12 кредитов)
6	РУДН	Представлена модульная система дисциплин базовой части с уточняющим содержанием по разным семестрам, раскрывая разные аспекты предмета: «Введение в политическую теорию», «Политический анализ и прогнозирование», «Политический менеджмент», «Международные отношения и мировая политика»
7	НИ ТГУ	В образовательной программе отражены специальные практикумы по модулю «Картины мира». В блоке профессионального цикла обязательной части есть ряд дисциплин, выделяющий ОПОП на фоне других: например, «Школы политологии», «Политическое образование»
8	ЮФУ	В учебном плане отражен модуль проектной работы, и есть несколько дисциплин по выбору на иностранном языке

№ п/п	Вуз	Отличительные характеристики учебных планов ОПОП по направлению 41.03.04 «Политология»
9	КФУ	В образовательную программу включена педагогика. Большое количество кредитов отведено на дисциплины, изучающие историю предметных областей: «История политических учений» – 42 кредита, «Политическая история зарубежных стран и России» – 20 кредитов, «История и теория политических институтов» – 4 кредита. В перечне дисциплин по выбору есть те, которые показывают особенности и специфику регионального вуза, акцентируя внимание на Республике Татарстан и ее языке
10	УрФУ	Учебный план содержит тематические модули с определенным количеством дисциплин, раскрывающие его содержание: «Научная картина мира», «Современные цифровые технологии», «Мировой и российский политический процесс», «Политическая история» и др. Самым объемным модулем является «Теория и методология политической науки»: включает «Теорию политики», «Сравнительную политологию», «Методы прикладной статистики в политической науке», что в сумме составляет 22 кредита

Такая же специфика лежит в основе реализации образовательных программ в магистратуре. За счет того, что обязательная часть ОПОП согласно требованиям ФГОС ВО 3++ должна быть не менее 20%, появляется возможность более разнообразной и разветвленной вариативной части, что дает право для создания многочисленных узкопрофильных магистерских программ. При этом стоит отметить, что второй уровень подготовки является более практико-ориентированным, что отражено в блоке «Практика и научно-исследовательская работа» (НИР) ФГОС ВО 3++. На НИР отведено не менее 39 кредитов, что составляет практически треть образовательной программы.

Тенденции развития российского политологического образования на современном этапе. Интерес к любому образовательному направлению напрямую связан с потребностями общества и рынка труда, а также мерами со стороны государства.

Политика является ключевым направлением в международной новостной повестке, главной темой во всех средствах массовой информации: наблюдается повсеместная политизация контента в социальных сетях; телевидение захватывают многочисленные политические ток-шоу, освещающие наиболее «острые» проблемы, где принимают участие представители не только «мира политики», но и эксперты из смежных областей. Такие передачи пользуются популярностью среди обычного зрителя и в целом рассчитаны на эмоциональное воздействие на потребителя, формируя определенные представления о поднимаемых проблемах.

Различные конфликтные ситуации, расколы внутри общества, процессы фейковизации новостей, напряженная обстановка на международной арене, вызванная «перезагрузкой» существующих правил игры, нуждаются в углубленном методологическом и политическом анализе. И сделать это высокопрофессионально может только специалист, имеющий профильное политологическое образование, обладающий специализированной теоретическо-практической подготовкой.

Опираясь на ФГОС ВО 3++, нынешние политологи – выпускники бакалавриата и магистратуры – получают профессиональную подготовку в области методологии современной науки и образования, теории и технологий средств массовой информации, коммуникационной и административно-управленческой деятельности. При этом особое внимание при их подготовке уделяется методам урегулирования политических конфликтов, способам взаимодействия между органами государственной власти, структурами государства и гражданского общества, проблемам применения тех или иных медиатехнологий в политической журналистике при освещении внутривнутриполитических и внешнеполитических вопросов. Действительно, современный политолог – это специалист широкого гуманитарного профиля, обладающий современным арсеналом разнообразных методологических и технологических приемов для реализации своей профессиональной деятельности.

Заинтересованность в подготовке политологов со стороны государства постепенно увеличивается. К примеру, в 2021 г. только в рамках рассматриваемых 10 вузов на специальность «Политология» было выделено 477 бюджетных мест (251 – бакалавриат, 226 – магистратура).

При этом российские вузы активно занимаются привлечением внимания к получению политологического образования со стороны иностранных абитуриентов. Многие вузы стали реализовывать ОПОП на английском языке, что сделало российское политологическое образование более привлекательным и престижным в рамках мирового образовательного пространства. Процесс создания сетевых межвузовских программ на иностранном языке как внутри страны, так и за ее пределами дает возможность получить студенту два диплома по одному направлению «Политология» (Political Science), но по разным профилям:

1) МГУ имени М. В. Ломоносова реализует две совместные магистерские программы с МГИМО МИД России и одну с Приморским университетом (Словения);

2) МГИМО МИД России осуществляет три международных магистерские программы с Италией и одну с Кипром;

3) РУДН выпускает магистров по программам двойных дипломов с Китаем и Францией.

Помимо межвузовского сотрудничества происходит выстраивание междисциплинарных кластеров, во многом связанное с динамично развивающимся постинформационным обществом, требующим высококвалифицированных кадров нового профиля. В качестве примера можно привести создание уникальных 7 научно-образовательных школ в МГУ⁷, в работу которых вовлечены

⁷ Приказ «О создании междисциплинарных научно-образовательных школ Московского университета» от 16 октября 2020 г. № 986. Взято 19 апреля 2021, с <http://nosh.msu.ru/>. Согласно документу сформировано семь междисциплинарных научно-образовательных школ: «Фундаментальные и прикладные исследования космоса», «Сохранение мирового культурно-исторического наследия», «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект», «Молекулярные технологии живых систем и синтетическая биология», «Математические методы анализа сложных систем», «Фотонные и квантовые технологии. Цифровая медицина», «Будущее планеты: устойчивое развитие экосистем».

ученые разных факультетов и институтов. В апреле 2021 г. в России на основе международных стандартов была создана Новая лига университетов⁸, основная задача которой сводится к созданию экспериментальных и междисциплинарных проектов с опорой на передовые инновационные технологии. Во многом такая идея порождена последними событиями мирового масштаба: речь идет о распространении коронавирусной инфекции, которая заставила перестроить и переосмыслить многие привычные вещи. Пришлось по-новому посмотреть на гибридные формы образовательного процесса и обучение с использованием дистанционных технологий, которые в самое непростое время «спасли» систему образования во всех странах мира и имеют довольно весомую перспективу развития в будущем.

Стимулирование развития вузовского научного потенциала связано с формированием инновационных научно-технологических центров (ИНТЦ)⁹. Их количество стремительно растет. Особое внимание отведено созданному в 2019 г. ИНТЦ «Воробьевы горы», главная задача которого сводится к реализации проектов, ведущих к развитию перспективных научно-технологических направлений России – биомедицина, нанотехнологии, наномашиностроение, робототехника, когнитивные науки и др.¹⁰

Российские политологи нуждаются в поддержке: они заинтересованы в крупных проектах, грантовых исследованиях, тесных академических связях. В последние годы государство увеличило финансирование грантов по политологии через РФФИ, РФФИ-ЭИСИ, РНФ, Фонд президентских грантов и др.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3684-р утверждена Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.). Основная задача политологов сконцентрирована на анализе состояния и динамики развития российского общества на современном этапе: выявлении закономерностей морально-политической регуляции, увеличении сравнительных исследований, осмыслении влияния интеллектуальных систем на различные предметные области, а также изучении медиакоммуникаций в развитии цифрового общества¹¹.

⁸ В России создана Новая лига университетов (2021, 5 апреля). Взято 10 апреля 2021, с <https://eusp.org/news/v-rossii-sozdana-novaya-liga-universitetov>

⁹ Федеральный закон «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 июля 2017 г. Взято 18 апреля 2021, с http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221172/

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации «О создании инновационного научно-технологического центра «Инновационный научно-технологический центр МГУ «Воробьевы горы» от 28 марта 2019 г. № 332. Взято 18 апреля 2021, с http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321254/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.)» от 31 декабря 2020 г. № 3684-р. Взято 10 апреля 2021, с http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373604/25c1b5bb9f23ce3305bf37b9f65810f99a3aad56/

В последние годы особое внимание вузовских политологов сосредоточено на исследовании особенностей национальной политической традиции, выявлении глубинных оснований цивилизационных характеристик России.

Заинтересованность и востребованность со стороны российского государства и общества в получении студентами вузов высококачественного образования, включая политологическое, в последнее время стало давать весомые результаты, что нашло отражение в усилении позиций целого ряда вузов в мировых рейтингах, ставших главным инструментом выявления качественного уровня высшего образования (Антюхова, 2020; Балацкий, Екимова, 2020). Так, согласно рейтингу QS за 2021 г. в топ-100 мировых вузов вошли четыре российских университета: МГИМО МИД России (41-е место), НИУ ВШЭ (45-е), МГУ (51–100), СПбГУ (51–100)¹², что является лучшим показателем за последние 4 года.

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать несколько выводов.

1. Вызовы и угрозы современного мира актуализируют важность политических знаний в нынешних реалиях, что приводит к планомерному повышению интереса к политологическому образованию со стороны государства и общества. Это ставит серьезные вопросы перед всем политологическим сообществом России.

2. Главным государственным механизмом в системе высшего образования в России практически уже 30 лет является государственный (впоследствии – федеральный государственный) образовательный стандарт, в основание которого заложены основные задачи государственной политики: единство требований к содержанию и результатам образования на территории всей страны.

Нынешний ФГОС по направлениям подготовки 41.03.04 и 41.04.04 «Политология» является практико-ориентированным, о чем свидетельствует большая трудоемкость, отведенная на блок практики и НИР в структуре образовательной программы. Такая подготовка рассчитана на дальнейшую прикладную деятельность политологов с опорой на фундаментальные знания, что отражено в задачах профессиональной деятельности выпускников.

Наличие сильных государственных регуляторов образовательной деятельности не мешает делать ОПОП теоретически и методически разнообразными и даже уникальными. Наличие субдисциплин, акцент на современные и актуальные методы и подходы исследований, выделение особенностей регионального аспекта, а также традиции научных школ показали наличие определенных различий в образовательных программах, что приводит к повышению уровня их конкурентоспособности как на отечественном, так и на мировом рынке образовательных услуг в области политической науки.

3. Основные тенденции развития нынешнего российского политологического образования можно охарактеризовать как «позитивные». Государство в последние годы проявляет заинтересованность в политологии как научной

¹² QS World University Rankings by Subject 2021: Politics. Retrieved March 30, 2021, from <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2021/politics>

и образовательной дисциплине, что подтверждается положительной динамикой ее качественных и количественных показателей. Многопрофильная профессия «политолог» привлекательна для отечественных и зарубежных абитуриентов, а развитие международного, межвузовского и междисциплинарного сотрудничества, стремительно набирающего обороты в последнее время, открывает большие горизонты и перспективы для успешного применения политологических знаний и умений.

Список литературы

1. Антюхова, Е. А. (2020). Рейтинги университетов в глобальном образовательном пространстве. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 25(2), 253–267. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.19>
2. Балацкий, Е. В., Екимова, Н. А. (2020). Глобальная конкуренция университетов в зеркале международных рейтингов. *Вестник Российской академии наук*, 90(8), 726–738. <https://doi.org/10.31857/S0869587320080022>
3. Буренко, В. И. (2019). О начале и истоках современной российской политологии (30-лет российской политической науке). *PolitBook*, (3), 164–179.
4. Еремеев, С. Г., Ширинянец, А. А., Шутов, А. Ю. (2021). Страницы современной истории университетской политической науки: научная школа профессора В. А. Гуророва. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 17(1), 12–27. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.10>
5. Коваленко, В. И. (2009). Политическая наука и политическое образование в России и в Московском университете. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, (1), 4–9.
6. Кретов, Б. И. (2019). Актуальность политологического образования в век инновационных технологий. *Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*, 2(73), 37–43.
7. Кузьминов, Я. И., Юдкевич, М. М. (2021). *Университеты в России: как это работает*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
8. Машиньян, А. А., Кочергина, Н. В. (2015). О компетентности и компетенциях в образовании. *Перспективы науки и образования*, (5), 43–46.
9. Одарич, И. Н., Гаврилова, М. И. (2017). Компетентностный подход в системе высшего образования. *Балтийский гуманитарный журнал*, 6(1), 133–137.
10. Almazova, N., Krylova, E., Rubtsova, A., & Odinokaya, M. (2020). Challenges and opportunities for Russian high education amid Covid-19: teacher's perspective. *Education Sciences*, 10(12), 368, 1–11. <https://doi.org/10.3390/educsci10120368>
11. Iliyn, M. (2013). History of political science in Russia. *Participation*, 37(1), 18–21.
12. Nandy, M., Lodh, S. & Tang, A. (2020). Lessons from Covid-19 and a resilience model for higher education. *Industry and Higher Education*, 35(1), 3–9. <https://doi.org/10.1177/0950422220962696>
13. Nikiporets-Takigawa, G. Yu., Afonin, M. V., Krivova, A. L., & Otyutskiy,

G.P. (2020). The main trends and development prospects of modern political science education in Russia. *Perspectives of Science and Education*, 46(4), 164–179. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.4.11>

References

1. Almazova, N., Krylova, E., Rubtsova, A., & Odinkaya, M. (2020). Challenges and opportunities for Russian high education amid Covid-19: teacher's perspective. *Education Sciences*, 10(12), 368, p. 1–11. <https://doi.org/10.3390/educsci10120368>
2. Antukhova, E. A. (2020). Reytingi universitetov v global'nom obrazovatel'nom prostranstve [University rating in the global educational space]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnie otnosheniya*, 25(2), 253–267. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.19>
3. Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2020). Global'naya konkurentsia universitetov v zerkale mezhdunarodnikh reytingov [Global competition of universities in the mirror of international rankings]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 90(8), 726–738. <https://doi.org/10.31857/S0869587320080022>
4. Burenko, V. I. (2019). O nachale i istokakh sovremennoy rossiyskoy politologii (30-let rossiyskoy politicheskoy nauke) [About the beginning and origins of modern Russian political science (30 years of Russian Political Science)]. *PolitBook*, (3), 164–179.
5. Ereemeev, S. G., Shirinyants, A. A., & Shutov, A. Yu. (2021). Stranitsy sovremennoy istorii universitetskoy politologicheskoy nauki: nauchnaya shkola professora V. A. Gutorova [The pages of modern history of University political science: Scientific school of professor Vladimir Gutorov]. *Politicheskay aexpertiza: POLITEX*, 17(1), 12–27. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.102>
6. Ilyin, M. (2013). History of political science in Russia. *Participation*, 37(1), 18–21.
7. Kovalenko, V. I. (2009). Politicheskaya nauka i politicheskoe obrazovanie v Rossii i Moskovskom universitete [Political science and political science education in Russia and Moscow university]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Politicheskie nauki*, (1), 4–9.
8. Kretov, B. I. (2019). Aktualnost' politologicheskogo obrazovaniya v vek innovatsionnykh tekhnologiy [Relevance of political science education in the age of innovative technologies]. *Poisk: Politika. Obschestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kultura*, 2(73), 37–43.
9. Kuzminov, Ya. I., & Yudkevich, M. M. (2021). *Universiteti v Rossii: kak eto rabotaet* [Universities in Russia: how it works]. Moscow: Izd. Dom Visshey Shkoli Ekonomiki.
10. Mashinyan, A. A., & Kocherygina, N. V. (2015). *O kompetentnosti i kompetentsiyakh v obrazovanii* [About competence and competencies in education]. *Perspektivi nauki i obrazovaniya*, 5, 43–46.
11. Nandy, M., Lodh, S., & Tang, A. (2020). Lessons from Covid-19 and a resilience model for higher education. *Industry and Higher Education*, 35(1),

3–9. <https://doi.org/10.1177/0950422220962696>

12. Nikiporets-Takigawa, G. Yu., Afonin, M. V., Krivova, A. L., & Otyutskiy, G. P. (2020). The main trends and development prospects of modern political science education in Russia. *Perspektivi nauki i obrazovaniya*, 46(4), 164–179. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.4.1>

13. Odarich, I. N., & Gavrilova, M. I. (2017). Kompetentnostniy podkhod v sisteme visshego obrazovaniya [Competence-based approach in the system of higher education]. *Baltiyskiy gumanitarniy universitet*, 6(1), 133–135.

Информация об авторах

Иван Алексеевич Бронников, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры российской политики, факультет политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8277-0839>, e-mail: ivbronn@gmail.com

Марина Васильевна Цыбряева, начальник учебного отдела, факультет политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9777-2597>, e-mail: mtsybryaeva@mail.ru

Information about the authors

Ivan Alekseevich Bronnikov, Candidate of Political Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8277-0839>, e-mail: ivbronn@gmail.com

Marina Vasilyevna Tsybryaeva, Head of the Educational Department, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9777-2597>, e-mail: mtsybryaeva@mail.ru

УДК 323.21

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_141

РОССИЙСКИЕ НКО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: КРИЗИС МЕР ГОСПОДДЕРЖКИ И СПОСОБЫ ВЫЖИВАНИЯ*

Юлия Владимировна Гимазова,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия,
gimazova-yv@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 17.03.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Гимазова Ю.В. Российские НКО в условиях пандемии: кризис мер господдержки и способы выживания // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 141–153. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_141

Аннотация

Цель исследования – проанализировать практики адаптации российских организаций третьего сектора к условиям пандемии в контексте реализуемой государственной политики приоритетной поддержки НКО – поставщиков социальных услуг. Методы исследования включают интерпретацию итогов ситуационного анализа результативности мер государственной поддержки НКО в период пандемии, проведенного в рамках Общероссийского гражданского форума-2020, а также экспертное интервью 10 сотрудников НКО, входящих в реестры поставщиков социальных услуг, и 10 сотрудников социально ориентированных НКО, не включенных в данные реестры. В результате выявляется, что успешность адаптации НКО к условиям пандемии зависит от организационных и профессионально-деятельностных факторов. Утверждается, что НКО, не входящие в реестры поставщиков социальных услуг, смогли лучше адаптироваться к условиям пандемии, активнее привлекать средства из различных источников, улучшили навыки саморефлексии, стратегиче-

* Статья выполнена в рамках IV Субботних политологических чтений в РАНХиГС при Президенте РФ на тему: «Россия и мир в условиях политической пандемии».

© Гимазова Ю.В., 2021

ского планирования, социального проектирования, управления рисками, сетевого проектирования, профилактики профессионального выгорания. Такие НКО, переводя многие мероприятия в онлайн-формат, сумели сохранить и даже преумножить число благополучателей, что отчасти связано с увеличением свободного времени у целевых групп. Напротив, НКО, входящие в реестры поставщиков социальных услуг, оказались менее приспособлены к условиям пандемии. Не получив бюджетного финансирования в ожидаемом объеме, большинство из них не сумело привлечь банковские кредиты под цели уставной деятельности, оказалось менее результативно в освоении навыков управления устойчивым развитием. Результаты исследования дают основание говорить о необходимости преодоления усиливающейся тенденции дискреционного развития третьего сектора в современной России. Вместе с тем целесообразно имплементировать в российскую практику государственно-общественных отношений элементы модели «садовника». Данная модель практикуется в ряде стран с устойчивыми демократическими традициями и предполагает создание равных организационно-правовых условий поддержки всех НКО, которые занимаются социально ориентированной деятельностью.

Ключевые слова:

негосударственные некоммерческие организации, государственно-общественные отношения, социальная политика, третий сектор, пандемия.

UDC 323.21

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_141

RUSSIAN NGOS IN PANDEMIC CONDITIONS: CRISIS OF STATE SUPPORT MEASURES AND SURVIVAL METHODS

Yulia V. Gimazova,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia,
gimazova-yv@ranepa.ru

Article received on March 17, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Gimazova, Yu. V. (2021). Russian NGOs in Pandemic Conditions: Crisis of State Support Measures and Survival Methods. *Discourse-P*, 18(4), 141-153. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_141

Abstract

The purpose of the article is to analyze the practices of Russian third sector adaptation to pandemic conditions in the context of the current state policy of priority support

for NGOs – social service providers. The author applies the following research methods: the interpretation of the situational analysis results of the state support measures for NGOs during the pandemic, conducted within the framework of the All-Russian Civil Forum-2020, as well as an expert interview of 10 employees of NGOs included in the registers of social service providers and 10 employees of socially oriented NGOs not included in these registers. As a result, it is revealed that the success of NGOs adaptation to pandemic conditions depends on organizational and professional-activity factors. It is argued that NGOs that are not included in the registers of social service providers were able to better adapt to the pandemic conditions, more actively raise funds from various sources, improved the skills of self-reflection, strategic planning, social design, risk management, network design, prevention of professional burnout. Having transferred many events to the online format, such NGOs managed to keep and even enlarge the number of beneficiaries, which is partly due to the increase in free time of target groups. On the contrary, NGOs in social service providers registers appeared less adapted to the pandemic. Having not received budget funding in the expected amount, most of them failed to attract bank loans for the purposes of statutory activities and turned out to be less effective in mastering the skills of managing sustainable development. The results of the study suggest the need to overcome the growing trend of discretionary development of the third sector in modern Russia. At the same time, it is advisable to implement elements of the “gardener” model into the Russian practice of state-society relations. This model is practiced in a number of countries with stable democratic traditions and assumes the creation of equal organizational and legal conditions for supporting all the NGOs engaged in socially oriented activities.

Keywords:

non-governmental non-profit organizations, state-society relations, social policy, third sector, pandemic.

Введение

Режим пандемии, вызванный угрозой распространения COVID-19, негативно повлиял практически на все сферы социально-экономической жизнедеятельности государств. В фокус отечественных исследований все чаще попадают проблемы влияния глобального кризиса COVID-19 на функционирование государственных институтов, состояние предпринимательства, материальное и социально-психологическое благополучие граждан. В то же время проблемам влияния пандемии на состояние и развитие негосударственных некоммерческих организаций (НКО) пока уделяется недостаточное внимание.

В конце 2020 г. стали появляться первые зарубежные исследования по обозначенной выше проблематике. Они инициированы специализированными институтами, которые уже не одно десятилетие занимаются вопросами анализа состояния и динамики НКО: Университет Джонса Хопкинса (США), международный альянс CIVICUS (программа *Civil Society Index* по исследованию уровня развития третьего сектора в различных странах), Центр по гражданскому обществу Лондонской школы экономики и политических наук (про-

ект *Global Civil Society Yearbook* по выявлению глобальных и локальных трендов институционализации третьего сектора) и др. Например, в июне 2020 г. международной благотворительной организацией *Secours Catholique – Caritas France* (Франция) было проведено онлайн экспертное интервьюирование лидеров НКО из 66 стран¹. В рамках исследования посредством анализа и последующего обсуждения результатов интервью с лидерами третьего сектора различных государств организован широкомасштабный диалог о проблемах и перспективах устойчивого развития активистов и общественных организаций в постпандемийном мире.

Масштабы исследования состояния российских НКО вообще и в период пандемии в частности гораздо более скромны. Исследования посвящены преимущественно влиянию пандемии на деятельность различных видов НКО в разных регионах (Семикова, 2021) либо осмыслению результатов доступных для российских исследователей аналитических отчетов международных фондов о деятельности НКО в период пандемии (Иванова, 2021). Это можно объяснить следующими обстоятельствами.

Во-первых, в результате активизации деятельности государства по противодействию НКО – «иностранным агентам» (Аверкина, 2014; Василенко, 2014; Гимазова, Омельченко, 2015; Гимазова, 2019) практически все международные благотворительные фонды закрыли свои представительства в России. Это сделало проведение профильных международных исследований на территории России весьма затруднительным.

Во-вторых, в период пандемии приоритетная государственная поддержка оказывалась волонтерским организациям и сообществам в силу востребованности социальными группами ресурса безвозмездной поддержки. Это обстоятельство несколько ослабило внимание исследователей и экспертов к проблемам остальных организаций российского неприбыльного сектора.

В-третьих, проведение полноценных исследований НКО во всероссийском масштабе требует соответствующего финансирования, которого хронически не хватает отечественным научно-исследовательским центрам. Существующие работы по изучению состояния подобных организаций в отдельных регионах России отличаются методологическим разнообразием, поэтому сделанные в них выводы с трудом могут быть применимы ко всему российскому сектору НКО.

В-четвертых, режим самоизоляции практически исключил возможность проведения очных исследований, сведя общение даже между членами команд НКО к видеоконференциям и переписке по Интернету.

При этом официальная статистика недостаточно валидна в вопросах оценки влияния пандемии на НКО, их численность и результативность деятельности. Так, на начало 2020 г. Министерством юстиции РФ было зарегистрировано 213 тыс. НКО². По данным министерства с 2018 г. количество

¹ *The future from the Caritas perspective: We're all hungry for justice, equity, ecological sustainability and joint responsibility!* (2012, June). Retrieved February 20, 2019, from <https://www.caritas.org/wordpress/wp-content/uploads/2017/06/StatementRioPlus20EN.pdf>

² В Минюсте отметили уменьшение числа некоммерческих организаций в РФ

зарегистрированных в России некоммерческих организаций сократилось на 4,5%. Однако официальная статистика в отношении численности НКО не позволяет полноценно судить о численном и качественном состоянии российского третьего сектора. И. В. Мерсиянова, руководитель Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, отмечает, что некоторые российские НКО, фактически являясь банкротами, не могут оплатить процедуру банкротства; процесс формирования реестров социально ориентированных НКО недостаточно контролируется федеральной властью, что вызывает множество фактических ошибок, связанных с неучетом либо, наоборот, множественным учетом российских НКО. В условиях пандемии обострились проблемы статистического учета организаций³.

В данной статье, стремясь внести свой посильный вклад в восполнение указанных пробелов, мы проанализируем процесс адаптации российских НКО к режиму самоизоляции в условиях пандемии.

Методология исследования

С учетом того, что государственная поддержка российских НКО оказывается в приоритетном порядке поставщикам социальных услуг, и механизм такой поддержки регламентирован, представляется целесообразным сравнительный анализ адаптации к условиям пандемии НКО, которые входят в реестры поставщиков социальных услуг, и НКО, не входящих в эти реестры (следовательно, не получающих бюджетных средств под уставные цели деятельности). Такой анализ поможет повысить объективность оценки современной российской государственной политики в отношении третьего сектора на предмет целесообразности, сбалансированности и стратегичности. Методика исследования включает: интерпретацию результатов ситуационного анализа государственной поддержки НКО в рамках Общероссийского гражданского форума (ОГФ) 2020 г.; проведение нами в ноябре 2020 г. экспертных интервью с лидерами НКО из пяти субъектов РФ (Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Московская область, Новосибирская область, Ярославская область). Экспертную выборку составили представители 10 НКО – поставщиков социальных услуг и 10 НКО, не входящих в реестры поставщиков социальных услуг. Нами была проведена рассылка анкет, онлайн-беседа с руководителями НКО по методике глубокого неформализованного интервью с использованием платформы *Zoom*, транскрибирование, обработка и анализ результатов анкетирования. Анкета содержит 30 вопросов (из них 26 – неформализованные) и предполагает развернутые ответы экспертов на вопросы о том, какие меры государственной поддержки некоммерческого сектора они считают эффективными либо неэффективными и почему, какие трудности испытали НКО в период пандемии, каким образом они эти трудности преодолевали.

за три года (2020, 31 марта). Взято 21 февраля 2021, с <https://tass.ru/obschestvo/8125469>

³ Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ (2021, август). Взято 10 сентября 2021, с <https://www.hse.ru/monitoring/mcs/>

Результаты исследования

В упомянутых выше условиях дефицита масштабных исследований состояния и динамики развития российского третьего сектора наиболее полными общедоступными информационными источниками служат ежегодные доклады Общественной палаты РФ и материалы ОГФ.

Обсуждение проблем эффективности мер государственной поддержки НКО в период пандемии в России было предпринято в рамках ОГФ-2020 с применением методики ситуационного анализа⁴.

По результатам дискуссии в числе конкретных проявлений низкой результативности этой поддержки были выявлены следующие:

- рост частоты отказов банков в поддержке НКО по причине отсутствия единой четкой методики оценки социальных проектов;
- недостаточность денежных средств, перечисленных региональным органам власти на поддержку социальной сферы в период пандемии;
- отсутствие у муниципальных органов власти ресурсов на поддержку НКО вследствие низкой бюджетной обеспеченности муниципальных образований и экономического кризиса пандемии;
- невозможность для НКО требовать снижения ставок арендной платы за пользование коммерческой недвижимостью (такая возможность в пандемийный период была предоставлена лишь субъектам малого бизнеса);
- незнание большинством НКО, занимающихся проектной деятельностью, о возможности воспользоваться мораторием на штрафы по контрактам;
- несвоевременное оповещение Министерством юстиции РФ некоммерческих организаций о введении моратория на плановые проверки в период пандемии;
- нечеткость ведения органами государственного и муниципального управления реестров социально ориентированных НКО, что помешало организациям своевременно получить соответствующие выписки из реестров и, следовательно, воспользоваться льготами в качестве пострадавших от ограничительных мер;
- отсутствие единой системы информирования НКО о возможных мерах поддержки некоммерческого сектора со стороны государства и институтов развития, из-за чего большинство организаций оказались неосведомленными о ресурсах поддержки в период пандемии.

Оценивая результаты этой дискуссии, можно заключить, что концептуальная, методическая и организационная нечеткость, недоработанность, дискреционность мер государственной поддержки российских НКО, о которой не раз упоминали исследователи российского некоммерческого сектора в допандемийный период (Нездюров, Сунгуров, 2018, с. 63; Якимец, Никовская, 2018, с. 18), в полной мере проявились во время распространения COVID-19.

Таким образом, пандемия поставила многие НКО на грань выживания.

⁴ *Общероссийский гражданский форум 2020: ситуационный анализа мер поддержки НКО в период пандемии (2020, 9 декабря)*. Взято 21 февраля 2021, с <https://grany-center.org/note/ogf-2020-situacionnyu-analiza-mer-podderjki-nko-v-period-pandemii-1607506266>

Анализ результатов интервью, проведенных нами по вышеизложенной методике, а также изучение доступных материалов о деятельности данных НКО в пандемийный период позволили выявить ряд тенденций.

Во-первых, в условиях пандемии успешность адаптационных практик НКО во многом зависела от двух групп факторов:

1) организационные (входит ли НКО в реестр поставщиков социальных услуг; какая форма деятельности – реализация проектов или оказание социальных услуг – является приоритетной);

2) профессионально-деятельностные (опыт, энергия, творческий подход лидеров неприбыльных организаций, квалификация сотрудников НКО, их способность к работе в режиме команды, степень развитости у сотрудников адаптационных навыков)⁵.

Во-вторых, сокращение объемов государственной поддержки в пандемию сильнее сказалось на секторе НКО – поставщиков социальных услуг.

Действительно, финансирование деятельности таких организаций было урезано на 40–80 % по причине кризиса (это отметили 9 из 10 опрошенных лидеров НКО – поставщиков социальных услуг), а также потому, что предоставлять социальные услуги в условиях самоизоляции для многих НКО оказалось невозможным (данную причину назвали 8 из 10 опрошенных лидеров НКО – поставщиков социальных услуг).

Организации некоммерческого сектора, которые не входят в реестры поставщиков социальных услуг и, соответственно, не пользуются приоритетной поддержкой со стороны государства и до пандемии находились в активном поиске ресурсов, подавая заявки в форме инициативных проектов в различные фонды. Все респонденты – сотрудники таких НКО указали, что их организации ежегодно подают заявки в 3–4 фонда, в том числе в Фонд президентских грантов (ФПГ) и негосударственные благотворительные фонды поддержки социальных инициатив.

Наиболее популярными среди таких негосударственных фондов в 2020–2021 гг. оказались:

– Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, который с 2014 г. реализует проект «Культурная мозаика малых городов и сел». Победителями данного конкурса стали 417 НКО из 65 регионов РФ⁶ (в период 2018–2020 гг. на данный конкурс подавали заявки 8 из 10 исследуемых НКО, не входящих в реестры поставщиков социальных услуг; из них получили микрогранты 6 НКО);

– Благотворительный фонд «Нужна помощь», который с 2013 г. реализует проекты развития системной филантропии в России, предоставляя НКО, решающим социальные проблемы, организационную, материальную, консуль-

⁵ Гимазова Ю.В. (без даты). *Российские НКО в условиях пандемии: кризис мер господдержки и практики выживания*. Взято 10 ноября 2021, с <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/517354406.pdf>

⁶ *Всероссийский конкурс «Культурная мозаика малых городов и сел»* (без даты). Взято 21 февраля 2021, с <http://timchenkofoundation.org/konkursy-i-granty/vserossijskij-konkurs-kulturnaja-m/>

тативную и иную помощь⁷ (в 2018–2020 гг. в данный фонд подавали заявки 6 из 10 исследуемых НКО, не входящих в реестры поставщиков социальных услуг; получили помощь в той или иной форме 5 из 10 НКО).

Среди НКО, включенных в реестры поставщиков социальных услуг, наибольшей популярностью пользуется Фонд президентских грантов, который является крупнейшим государственным донором для российских негосударственных некоммерческих организаций. Заявки в данный фонд могут подавать все НКО, в том числе поставщики социальных услуг. Получение гранта от ФПГ не исключает для НКО мер государственной поддержки в соответствии с их статусом. Как следует из интервью 8 опрошенных представителей НКО – поставщиков социальных услуг, в 2019–2020 гг. организации, входящие в реестр социальных услуг, не подали заявок в негосударственные благотворительные фонды. В итоге, не получив в период пандемии господдержки в ожидаемых объемах из бюджетов соответствующих уровней, эти НКО вынуждены были существенно сократить объемы своей деятельности.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что в условиях пандемии способность НКО – поставщиков социальных услуг к фандрайзингу оказалась ниже, чем у НКО, не входящих в данные реестры и потому привыкших привлекать средства из различных источников.

В-третьих, оценивая организационно-управленческие способности НКО в период пандемии, следует отметить, что преимущественно «проектный» формат деятельности помог им получить поддержку доноров в 2019–2020 гг.

По результатам опроса представителей обеих подвыборок НКО, все частные фонды-доноры в 2020 г. согласились продлить сроки отчетности по грантам, а также скорректировать поддерживаемые проекты НКО с учетом неблагоприятных условий пандемии. В то же время, как отметили в своих интервью 7 из 10 респондентов-сотрудников НКО – поставщиков социальных услуг, в 2020 г. банки предоставляли кредиты под цели уставной деятельности с меньшей охотой, чем в допандемийный период.

Из приведенных результатов опроса можно сделать вывод о том, что НКО, реализовывавшие преимущественно проекты, в условиях пандемии оказались жизнеспособнее организаций, сосредоточившихся на оказании социальных услуг в рамках уставной деятельности.

В-четвертых, профессионально-деятельностные способности лидеров и активистов НКО также сыграли немаловажную роль в вопросах их адаптации к эпидемиологическим ограничениям. При этом сотрудники НКО, не входящих в реестры поставщиков социальных услуг, в целом оказались более креативными, гибкими и адаптивными.

В условиях пандемии большинство НКО попытались «переформатировать» свою деятельность в режим онлайн (на это указали все респонденты). 17 из 20 опрошенных отметили следующее: организациям, проекты которых носили событийный характер (благотворительные ярмарки, фестивали, праздники), это удалось в меньшей степени, чем организациям, которые занимались

⁷ Отчет Благотворительного фонда «Нужна помощь» за 2019 г. (без даты). Взято 21 февраля 2021, с https://2019.nuzhnapomosh.ru/?_ga=2.233886046.1519259230.1615823078-1211327544.1615823078

деятельностью обучающего, досугового, познавательного, творческого характера (уроки, мастер-классы, творческие мастерские).

Заслуживают внимания, например, такие «находки» НКО, как «книги на карантине», «онлайн-экскурсии», «интерактивные музеи онлайн», «квесты в социальных сетях», серии мастер-классов онлайн. При этом, по мнению респондента НКО – победителя конкурсов негосударственных грантов фонда Тимченко в 2018–2020 гг., «активизация деятельности НКО в социальных сетях должна носить не просто информативный характер. Мы [НКО] должны постараться сделать интернет-пользователей соучастниками онлайн-события»⁸.

Помимо перевода мероприятий в онлайн-формат, к числу успешных практик НКО в эпоху пандемии можно отнести практики объединения, консолидации усилий в рамках определенного проекта. Такие коалиции НКО, по свидетельству опрошенных экспертов, сформировались в направлениях: помощь врачам в борьбе с пандемией COVID-19, создание справочной службы для снижения нагрузки на учреждения здравоохранения, диагностика потребностей и обеспечения больниц, работающих с пациентами⁹, поддержка пожилых¹⁰.

Кроме того, успешной практикой выживания НКО в период пандемии стал так называемый «ковидный фандрайзинг», направленный на сбор средств на реализацию проектов, когда спонсоры и партнеры по каким-либо причинам не могут продолжать сотрудничество. Успешными, по мнению опрошенных экспертов, оказались благотворительные акции в поддержку россиян, оказавшихся из-за пандемии в сложной жизненной ситуации. Так, например, участники акции «Меня касается» оформляют регулярное или разовое пожертвование в пользу одного из фондов¹¹.

В-пятых, весьма важным направлением развития НКО в период пандемии стала активизация их деятельности в сфере саморазвития и саморефлексии. Это связано с появлением в период самоизоляции возможности заняться оценкой результатов своей работы (отметили 14 респондентов из обеих групп), преодолеть депрессию и эмоциональное выгорание сотрудников и волонтеров (указали 11 опрошенных), потребностью команде сплотиться (отметили 9 респондентов). Практически все опрошенные сотрудники НКО (19 из 20 респондентов) говорили о возрастающей необходимости развития так называемых сетевых, партнерских проектов, предполагающих активное соучастие НКО, рост их профессионализма, совершенствование стратегического управления, независимый мониторинг. Данные идеи и элементы стратегического управления, управления развитием организации предусмотрели в проектных заявках 2021 г. 8 из 10 опрошенных представителей НКО, не входящих в реестры поставщиков социальных услуг,

⁸ Гимазова Ю.В. (без даты). *Российские НКО в условиях пандемии: кризис мер господдержки и практики выживания*. Взято 10 ноября 2021, с <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/517354406.pdf>

⁹ *Движение против COVID-19* (без даты). Взято 27 февраля 2021, с <https://defeatcovid.ru>

¹⁰ *Как помочь пожилым людям во время карантина?* (без даты). Взято 27 февраля 2021, с <https://starikam.org/news/kak-pomoch-pozhilym-lyudyam-vo-vremya-karantina/>

¹¹ *Меня касается* (без даты). Взято 27 февраля 2021, с <https://covid.nuzhnapomosh.ru>

и лишь 3 из 10 опрошенных представителей НКО – поставщиков социальных услуг.

Заключение

Проведенный анализ экспертных интервью представителей НКО по проблематике их выживания в условиях пандемии позволяет сделать ряд выводов.

1. Пандемия обострила недостатки и «слабые звенья» действующих мер государственной поддержки НКО-сектора в России: нечеткость критериев оценки грантовых заявок; дискреционный характер поддержки неприбыльных организаций; приоритетность государственного финансирования НКО – поставщиков социальных услуг; недостаточная информированность НКО о « послаблениях » со стороны государства в аспектах предоставления отчетности и кредитования.

2. НКО – поставщики социальных услуг в период пандемии испытали достаточно серьезный кризис мер государственной поддержки, что связано с ростом бюджетного дефицита в 2020 г., а также с невозможностью оказывать многие социальные услуги онлайн. При этом сокращение финансирования уставной деятельности данных организаций, отказ большинства банков в кредитовании третьего сектора в 2019–2020 гг. не стимулировали развитие организационных способностей данных НКО.

3. Кредитные организации и негосударственные доноры намного охотнее оказывали поддержку «проектным» НКО, нежели организациям, подававшим заявки под финансирование уставных целей деятельности (оказание социальных услуг).

4. НКО, не состоящие в реестрах поставщиков социальных услуг, оказались более гибкими и изобретательными в аспектах выживания и адаптации к условиям пандемии. Креативными «находками» таких НКО стали:

- перевод в онлайн-формат мероприятий, вовлечение целевых групп в процесс их реализации в интерактивном режиме;
- активизация деятельности в популярных социальных сетях;
- рост числа партнерских, сетевых социальных проектов;
- развитие у лидеров и сотрудников НКО навыков стратегического планирования, самоорганизации, работы в режиме команды, управления, социального проектирования, профилактики профессионального выгорания.

С учетом изложенного представляется, что политика приоритетной поддержки НКО – поставщиков социальных услуг, которая реализуется в современной России и заключается в возможности получения стабильного государственного финансирования под уставную деятельность, не способствует развитию навыков самоорганизации этих НКО, дестимулирует их инициативность, способность к устойчивому развитию, не содействует совершенствованию навыков управления рисками. Такую политику государственной поддержки некоммерческого сектора можно назвать дискреционной по следующим основаниям: реестры НКО – поставщиков социальных услуг федеральные, региональные и муниципальные органы управления ведут по собственному усмотрению; нормативно-правовое регулирование третьего сектора является лаконичным; преобладает усмотрительная практика применения правовых норм в отношении организаций негосударственного некоммерческого сектора.

С учетом изложенного на постпандемийном этапе представляется необходимым переориентироваться со складывающейся в современной России дискреционной модели государственной политики по отношению к НКО-сектору к так называемой модели «садовника», элементы которой охарактеризованы в специальной литературе на основе анализа успешных практик взаимодействия государства и НКО в странах с устойчивыми демократическими традициями (Сунгуров, 2002, с. 149). В рамках данной модели органы как федеральной, так и региональной власти принимают нормативные акты, способствующие появлению и развитию независимых общественных организаций как основы зарождающегося гражданского общества, и предпринимают конкретные действия по поддержке развития таких организаций, создают равные условия для устойчивого развития всех НКО, вырабатывают и последовательно соблюдают четкие и транспарентные правила стимулирования и налогообложения третьего сектора, применяют преимущественно регулятивные методы воздействия. Однако переход к данной модели, по мнению исследователей, предполагает отказ от административного подхода к регулированию НКО-сектора в пользу партнерства власти и общественности (Никовская, Якимец, 2015).

Список литературы

1. Аверкина, Ю.Б. (2014). Некоторые вопросы правового положения некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. *Вестник Саратовской юридической академии*, (3), 137–141.
2. Василенко, А.И. (2014). Принятие закона «Об иностранных агентах» как первый этап на пути к правовому регулированию лоббистской деятельности в России. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, (3), 44–58.
3. Гимазова, Ю.В. (2019). Результаты регулирования гражданского сектора в России: взгляд правозащитников. *Среднерусский вестник общественных наук*, 14(5), 35–51. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-5-35-51>
4. Гимазова, Ю.В., Омельченко, Н.А. (2015). К вопросу о разграничении политического и социального в деятельности российских негосударственных некоммерческих организаций. *Вестник университета*, (13), 278–284.
5. Иванова, В.Н. (2021). Анализ влияния COVID-19 на тренды развития некоммерческого сектора: международный опыт. *Студенческий вестник*, (12–3), 66–77.
6. Нездюрлов, А.Л., Сунгуров, А.Ю. (2018). Права человека в России: общественные дискуссии и институт государственного правозащитника. *Мир России. Социология. Этнология*, 27(3), 61–81. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-61-81>
7. Никовская, Л.И., Якимец, В.Н. (2015). Формирование и отстаивание общественных интересов в России: от «административной» к партнерской модели. *Полис. Политические исследования*, (5), 49–63. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.05>
8. Семикова, М.А. (2021). Влияние пандемии коронавируса на деятельность благотворительных организаций в Сибири. *Социология*, (3), 41–45.

9. Сунгуров, А.Ю. (2002). Из опыта развития института омбудсмена в регионах России. *Полис. Политические исследования*, (2), 147–154.

10. Якимец, В.Н., Никовская, Л.И. (2018). Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления. *Власть*, 26(4), 15–25. <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i4.5757>

References

1. Averkina, Yu. B. (2014). Nekotorye voprosy pravovogo polozheniia nekommercheskikh organizatsii, vypolniaiushchikh funktsii inostrannogo agenta [Some questions of the legal status of non-profit organizations performing functions of the foreign agent]. *Vestnik Saratovskoj yuridicheskoi akademii*, (3), 137–141.

2. Gimazova, Yu. V. (2019). Rezul'taty regulirovaniia grazhdanskogo sektora v Rossii: vzgliad pravozashchitnikov [Results of civil sector regulation in Russia: A view of human rights defenders]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk*, 14(5), 35–51. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-5-35-51>

3. Gimazova, Yu. V., & Omelchenko, N. A. (2015). K voprosu o razgranichenii politicheskogo i social'nogo v deyatel'nosti rossijskix negosudarstvennykh nekommercheskix organizacij [To the question of differentiation of political and social in the activities of the Russian non-state non-profit organizations]. *Vestnik universiteta*, (13), 278–284.

4. Ivanova, V. N. (2021) Analiz vliyaniya COVID-19 na trendy razvitiya nekommercheskogo sektora: mezhdunarodnyj opyt [Analysis of the impact of COVID-19 on the development trends of the non-profit sector: International experience]. *Studencheskij vestnik*, (12–3), 66–77.

5. Nezdyurov, A. L., & Sungurov, A. Yu. (2018). Prava cheloveka v Rossii: obshchestvennye diskussii i institut gosudarstvennogo pravozashchitnika [Human rights in Russia: Public discussions and the institution of the ombudsman]. *Mir Rossii. Sociologiya. E'tnologiya*, 27(3), 61–81. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-61-81>

6. Nikovskaya, L. I., & Yakimets, V. N. (2015) Formirovanie i otstaivanie obshchestvennykh interesov v Rossii: ot “administrativnoj” k partnerskoj modeli. [Formation and advocacy of the public interests in Russia: From “administrative” to partner model]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), 49–63. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.05>

7. Semikova, M. A. (2021) Vliyanie pandemii koronavirusa na deyatel'nost' blagotvoritel'nykh organizacij v Sibiri [Influence of coronavirus pandemic on activities of charity organizations in Siberia]. *Sociologiya*, (3), 41–45.

8. Sungurov, A. Yu. (2002). Iz opyta razvitiia instituta ombudsmena v regionakh Rossii [From the experience of the development of the ombudsman institution in regions of Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 147–154.

9. Vasilenko, A. I. (2014). Prinyatie zakona “Ob inostrannykh agentah” kak pervyj etap na puti k pravovomu regulirovaniyu lobbistskoj deyatel'nosti v Rossii. [Adopting of the “Foreign Agents Act” as a first stage towards legal regulation

of lobbying in Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, (3), 44–58.

10. Yakimets, V.N., & Nikovskaya, L.I. (2018). Mekhanizmy i printsiipy mezhsektornogo sotsial'nogo partnerstva kak osnova razvitiia obshchestvenno-gosudarstvennogo upravleniia [Mechanisms and principles of intersectoral social partnership as a basis for developing the public-state governance]. *Vlast'*, 26(4), 15–25. <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i4.5757>

Информация об авторе

Юлия Владимировна Гимазова, кандидат политических наук, доцент, начальник отдела организации защит диссертаций Управления аспирантуры и докторантуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5581-5758>, e-mail: gimazova-yv@ranepa.ru

Information about the author

Yulia Vladimirovna Gimazova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Dissertation Defense Organization Division of the Postgraduate and Doctoral Studies Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5581-5758>, e-mail: gimazova-yv@ranepa.ru

УДК 101

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_154

МАРКС ОБЕТОВАННЫЙ

Рецензия на монографию: Маркс утраченный и Маркс обретенный. Книга о философии Маркса и о том, как и почему в России ее потеряли и обрели вновь / под науч. ред. А. А. Коряковцева. М.; Екатеринбург, 2021. 368 с.

Дмитрий Александрович Давыдов,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
davydovdmitriy90@gmail.com

Статья поступила в редакцию 01.10.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Давыдов Д.А. Маркс обетованный // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 154-164. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_154

Аннотация

В рецензии рассматривается монография уральских философов А.А. Коряковцева, П.Н. Кондрашова, К.Н. Любутина и С.В. Вискунова «Маркс утраченный и Маркс обретенный. Книга о философии Маркса и о том, как и почему в России ее потеряли и обрели вновь». Отмечается, что данная монография актуальна, поскольку ее авторы нацелены не просто на разоблачение мифов о философии Маркса, но и на обновление марксизма в контексте стремительных общественных изменений. В книге представлена экзистенциально-антропологическая интерпретация философии Маркса, а также критика идеи революции рабочего класса в контексте поиска новых субъектов перехода к посткапиталистическому обществу (например, подчеркивается особая, хоть и противоречивая, роль государственной бюрократии как самостоятельного класса). Вместе с тем у рецензируемой монографии есть ряд недостатков, один из которых заключается в оптимистической вере в постепенное вызревание коммунистических общественных отношений в условиях капитализ-

© Давыдов Д.А., 2021

ма (вера в Интернет, «коммунизм знаний» и творческие устремления масс, которые, по мнению авторов книги, постепенно вытеснят «модус обладания»). Однако многие факты говорят об обратном. Другая уязвимость работы – убежденность ее авторов в самодостаточности марксизма, в том, что большую часть ответов мы можем найти, просто правильно понимая Маркса, используя лишь его метод. Такая методологическая закрытость может в итоге привести к неспособности марксизма (шире – левых теоретиков) дать ответы на многие вызовы нашего времени. Однако в целом авторы преуспели в постановке новых вопросов и интересном прочтении трудов Маркса, поэтому книга определенно заслуживает быть прочтенной, особенно в условиях дефицита марксистской литературы в России.

Ключевые слова:

марксизм, капитализм, коммунизм, философская антропология, государственная бюрократия, отчуждение, классовая борьба, персоналиат.

UDC 101

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_154

PROMISED MARX

Monograph review: Koryakovtsev, A.A. (Ed.). (2021). *Marx Lost and Marx Regained. A Book on Marx's Philosophy: How and Why It was Lost and Regained in Russia*. Moscow; Ekaterinburg

Dmitry A. Davydov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
davydovdmitriy90@gmail.com

Article received on October 1, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Davydov, D.A. (2021). Promised Marx. *Discourse-P*, 18(4), 154-164. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_154

Abstract

The review considers the monograph of the Ural philosophers A. A. Koryakovtsev, P. N. Kondrashov, K. N. Lyubutin and S. V. Viskunov "Marx Lost and Marx Regained. A Book on Marx's Philosophy: How and why it was Lost and Regained in Russia". It is noted that this monograph is relevant, since its authors are aimed not only at exposing myths about the philosophy of Marx, but also at updating Marxism in the context of rapid social changes. The book presents an existential-anthropological interpretation

of Marx's philosophy, as well as criticism of the idea of the revolution of the working class in the context of the search for new subjects of the transition to a post-capitalist society (for example, the special, albeit contradictory, role of the state bureaucracy as an independent class is emphasized). At the same time, the monograph is characterized by a number of shortcomings, one of which is an optimistic belief in the gradual maturation of communist social relations under capitalism (belief in the Internet, "knowledge-based communism" and the creative aspirations of the masses, which, according to the authors of the book, will eventually replace the "mode of having"). Many facts suggest the opposite though. Another vulnerability of the book arises from the conviction of its authors in the self-sufficiency of Marxism, in the fact that we can find most of the answers simply by understanding Marx correctly, using only his method. This methodological closeness may ultimately lead to the inability of Marxism (more broadly, leftist theorists) to provide answers to many challenges of our time. However, in general, the authors succeeded in posing new questions and original interpretation of Marx's works, so the monograph definitely deserves to be read, especially given the shortage of Marxist literature in Russia.

Keywords:

Marxism, capitalism, communism, philosophical anthropology, state bureaucracy, alienation, class struggle, personaliat.

Введение

В последние годы на фоне множащихся социально-экономических проблем актуальность имени К. Маркса и марксизма как такового не вызывает сомнений. Вместе с тем осмысление наследия великого классика философской и политэкономической мысли находится в некотором тупике. Вернее, если говорить о публикациях и самом интеллектуальном дискурсе, то внешне кризиса нет. Но когда речь заходит о принципиально новых концепциях, которые бы позволили по-новому взглянуть на общественную реальность с позиций марксизма, то здесь мы встречаем, можно сказать, кризисную ситуацию. Марксизм практический и теоретический сводится либо к архаичной и нередко неуверенной (несмотря на встречающийся брутальный догматический пафос или символику) риторике, апеллирующей к борьбе рабочего класса (и всех социально уязвимых) за доступ к тем или иным благам, либо к довольно противоречивым, наклоняющимся «вправо» (несмотря на «левую» самоидентификацию) апелляциям к «притесняемым» меньшинствам, к идее интерсекционализма (заметим, превратно трактуемой связи класса, гендера и расы) и т. д. При этом две основные проблемы лежат на поверхности: 1) произошла утрата четкого представления о субъекте перехода к посткапиталистическому обществу (если не рабочий класс, распавшийся на бесчисленное множество «подклассов», то кто?); 2) в результате краха СССР и дискредитации идеи плановой экономики утрачен четкий образ альтернативного будущего, а новый так и не был сформирован. Можно сказать, что поиск решений этих проблем и составляет главный вызов для будущего марксистской и околomarксистской мысли. Посему

любая вышедшая книга, посвященная Марксу и марксизму, сегодня вызывает повышенный интерес, обусловленный как раз ожиданием выхода из концептуального тупика. По всей видимости, у читателя, берущего в руки новую книгу уральских философов А. А. Коряковцева, П. Н. Кондрашова, К. Н. Любутина и С. В. Вискунова «Маркс утраченный и Маркс обретенный» (2021) тоже имеется такая надежда. Забегая вперед, можно сказать, что авторы и не ставили перед собой цели эту проблему решить. Их задача несколько скромнее, но при этом тоже довольно важная: для того чтобы выйти из «марксистского тупика», нужно сначала разобраться с тем, а что есть, собственно, философия Маркса. Такой разворот проблемы, стоит отметить, не теряет актуальности, ибо, как справедливо замечают авторы¹, «одним из условий понимания марксизма является осознание марксистами своих ошибок, самокритика марксизма» (с. 7). Вопрос заключается только в том, смогли ли авторы должным образом актуализировать свое видение философии Маркса.

Маркс понятый

Прежде всего хотелось бы отметить, что авторы книги делают большое дело – вступают в борьбу за Маркса и его философию в эпоху, когда эта философия в историческом смысле оказалась подвержена многочисленным нападкам, искажениям, вольным толкованиям. Сегодня действительно очень многими Маркс воспринимается как идеолог тоталитарного государства, а само слово «коммунизм» именно с таким государством и ассоциируется. В общем, философия Маркса толкуется по тем остывшим следам, которые оставил СССР (иногда, правда, смотрят еще и на КНР эпохи Мао, Камбоджу эпохи Пол Пота и т. д.). В ряде случаев разрабатываются концепции, сводящие учение классиков марксизма к исследованиям объективных структур (например, альтюссеррианство), что также оставляет Маркса теоретиком «бездушной» и грубой исторической закономерности. Видимо, против такого сухого, объективистского понимания классика авторы книги и выступают. Потому непросто в ней ухватить принципиальную новизну именно в данном конкретном отношении. Чувствуется, что для авторов главные оппоненты – это приверженцы-наследники советского истмата и диамата, а также современные идеологи, ностальгирующие по советскому строю (сталинисты и т. д.), сильному и большому государству, массовому производству, тяжелому (читай: принудительному) труду и т. д. В этом смысле рассматриваемая книга – хороший представитель гуманистического марксизма. Трудность заключается в том, что если для постсоветского пространства это популяризаторское стремление утвердить гуманистическое прочтение Маркса и актуально, то на Западе данное прочтение уже давно утверждено (как и всем давно известно значение «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и *Grundrisse*) и даже, скорее, является доминирующим (от Д. Лукача и представителей Франкфуртской школы до современных нео- и постмарксистов). И все же некоторая новизна имеется.

¹ Здесь и далее я буду говорить об «авторах», воспринимая текст не как сборник отдельных статей, а как цельное произведение в соавторстве (т. е. не как коллективную монографию, а как монографию нескольких авторов).

Во-первых, авторы стремятся показать, что гуманистическое прочтение Маркса возможно и без второстепенных концептуальных подпорок (как это было, скажем, в марксизме-экзистенциализме Ж.-П. Сартра или фрейдомарксизме Э. Фромма). То есть Маркса-гуманиста нужно искать в самом Марксе – и этого достаточно. При этом авторы выдвигают собственную интерпретацию философии Маркса как *экзистенциально-антропологической*. В основе учения Маркса лежит философская антропология. Философия Маркса – это «целостная философская система, представляющая собой философию человеческой жизни, фундированную в понимании праксиса как сущности и способа бытия человека-в-мире» (с. 49). Иными словами, в центре философии Маркса находится человек: его интересы, его потребности, его деятельность, его бытие-в-мире. Здесь авторы выходят на первый принципиальный тезис: философия Маркса материалистична не столько в онтологическом, сколько в *антропологическом* смысле (с. 21). Главное для Маркса – не «бездушная» материя, детерминирующая социальное, а сам человек, *деятельно* (прежде всего посредством материальных средств) изменяющий окружающий мир и самого себя. Примечателен сам подход: философская антропология Маркса не исключает рассуждений о больших общественных структурах-формациях (с. 57), не отказывается от научного познания больших исторических закономерностей, но требует от исследователя всецелой погруженности в общественную *тотальность*, т. е. изучения *диалектических взаимосвязей* между повседневностью и макросоциальными явлениями, между общественным бытием и сознанием. Думается, то же самое касается политической практики: настоящая свобода возможна только при качественном улучшении всех сторон жизни, при системных изменениях не только в экономике, политике, культуре, образовании, культуре, но и в повседневных практиках, в том, как и *чем* люди живут. При этом ни в коем случае нельзя абсолютизировать какую-то одну сторону общественной тотальности (так, нельзя отрывать борьбу против расизма от принципиальной борьбы за системные изменения во всех сферах общества, включая экономику, образование и т. д.²).

Во-вторых, существенным элементом новизны, на мой взгляд, является детальное рассмотрение именно *экзистенциальных* аспектов философии Маркса. При этом стоит подчеркнуть, что термин «экзистенциальный» здесь берется не в значении слова «экзистенциалистский», отсылающего к субъективно-идеалистической философии *экзистенциализма*, а в значении того, что связано с изучением непосредственно-эмоциональной, субъективной стороны жизни индивидов, погруженных в соответствующую природную и культурную (в широком смысле) среду. Иными словами, Маркс – не «философ фабрики», не идеолог «грубого коммунизма», не сторонник всеобщей трудовой повинности, не материалистический детерминист. В центре его философии – непосредственно данные люди и их отношение к миру. И это, как хорошо показано в книге, обнаруживает себя «не только в соответствующей терминологии, используемой Марксом (*отчуждение, бесчеловечность, обезчеловечивание, страдание*), но и в *экзистенциальных* коннотациях вполне обычных терминов (*общение,*

² Движение *Black Lives Matter* создает именно такое ощущение «локальности» (постмодернистской «дискурсивности»), отсутствия должного внимания ко всей общественной тотальности.

труд/работа, ценность, потребление), большинство из которых в советской версии марксизма было истолковано в *производственно-техническом смысле*, в то время как у самого основоположника они носят экзистенциальный характер» (с. 91). Соответственно, в книге проводится подробный анализ ошибок и слишком грубых трактовок изначальных терминов Маркса в переводе на русский язык. Так, *Das productive Leben* у нас переводили как «производственная жизнь», хотя речь должна идти о «продуктивной жизни»; *Der Verkehr* – как «обмен», хотя по смыслу ближе русское «общение»; *Das ensemble* – как «совокупность», хотя по идее речь шла именно об «ансамбле» (во фразе «ансамбль общественных отношений») и т. д. и т. п. (с. 89–119). Далее рассматриваются основные «экзистенциальные» проблемы философии Маркса (проблема *родовой сущности человека*, проблема человека как *субъекта*, проблема *сущности и существования*, проблема человека как *страдающего, вовлеченного-в-бытие, равнодушного* существа, вопрос о *подлинности и неподлинности* человеческого бытия-в-мире, вопросы об *историчности и темпоральности* существования человека, проблема *свободы* и т. д.) (с. 157–165); приводится обширный список «экзистенциальных» терминов, которые использует Маркс (вроде «обесцеление человеческого мира», «отчаяние», «проституирование», «радость жизни», «самоосуществление», «самореализация», «скотство», «страдание», «страсть» и т. д. (с. 178); наконец, подчеркивается *взаимосвязь феномена наслаждения и процесса развертывания исторического процесса* (история как движение к *подлинности*, к субъект-субъектному *наслаждению*, то есть к радости-за-другого, что «возможно только в условиях отсутствия отчуждения, а значит при наличии очеловеченных чувств и ощущений» (с. 189). В общем, первая половина книги направлена на подчеркивание именно «экзистенциальных» нюансов. Это же касается и учения о *родовой сущности человека*. Когда мы говорим об общественных отношениях, то должны иметь в виду не просто безликую «структуру», «объективно» возвышающуюся над отдельным человеком, но и саму деятельность конкретных живых индивидов, и «совокупность всех тех общественных отношений, которые она порождает и без которых не может существовать» (с. 133). Более того, поскольку сущностью человека является еще и *праксис* (сознательная практическая деятельность), важнейшим атрибутом этой сущности является также *свобода*. Поэтому коммунистический идеал заключается не в повсеместном «брюхонабивательстве» при условии материального изобилия (один из мифов о взглядах Маркса, блестяще разоблачающихся в книге (с. 41–88)), а в непосредственной борьбе за мир, в котором «человеческая деятельность свободна от физиологической потребности, когда преобразование мира осуществляется только по «законам красоты», в соответствии с *идеалами*» (с. 149). Тогда как раз «базис» уйдет на второй план, т. е. материальное (как минимум, в экономическом смысле) освободит место для *идеального*.

В-третьих, условно новой можно признать социально-философскую установку, согласно которой в развитом мире имеет место уже не столько диктатура буржуазии, сколько диктатура *государственной бюрократии*, ставшей самостоятельным классом. Так называемое «общество потребления» представляет собой «*экономическую диктатуру пролетариата*». Как отмечается, «социально-психологической основой его является массовый платежеспособный потребитель, имеющий относительно развитые личные потребности» (с. 340).

Концептуальная опора на такой «паллиативный социализм» (но не приверженность ему!) позволяет авторам отмежеваться от современных популярных марксистов, ратующих за скорое осуществление революции пролетариата. Напротив, в книге выражается скепсис относительно такой перспективы. Как отмечается далее, сегодня «борьба идет не столько против капитализма самого по себе, сколько за восстановление полуразрушенной неолiberaлами перераспределительной системы (которую, впрочем, можно назвать формой социализма, единственно возможной в данных общественных условиях)» (с. 343). Согласно данному тезису, социальные гарантии, даруемые «обществом потребления», должны стать питательной средой для вызревания нового субъекта посткапиталистических отношений. Этот подход нов тем, как его можно применять в повседневной риторике. Если мы видим нападки на «стабильное» государство, обеспечивающее некоторый социально-экономический минимум (вспомним, например, старые интернет-мемы о доступных социальных благах в Ливии при Каддафи), со стороны, скажем, либералов, то марксист может оказаться условным «реакционером», ставящим в приоритет защиту государственной бюрократии, заботящейся о базовых благах (но забывающей при этом о таких вещах, как сменяемость власти). Не решусь хвалить этот подход, но доля истины в этом есть, хотя пока еще не для всех явная: мир, действительно, изменился настолько, что подлинный враг рабочего класса уже не столько капиталисты или государственные бюрократы (они хотя бы могут выстраивать диалог с трудящимися на экономическом языке привлечения инвестиций, необходимости рабочих мест и т. д.), сколько «постматериалисты» (см. Inglehart, 1977) (те самые условные 20% населения, представляющие собой высококвалифицированных и высокообразованных специалистов, противопоставленные остальным 80%): те, кто активно рассуждают о гражданских правах и политических свободах или о зеленой энергетике, но не всегда осознают, что часто их борьба вступает в противоречие с интересами уязвимых слоев населения (как это было во Франции в канун известных событий с участием Движения желтых жилетов³ или в США при столкновении предвыборных программ Д. Трампа и Х. Клинтон в 2016 г.).

Все три вышеуказанные «факторы новизны» позволяют сделать вывод, что книга как научное исследование состоялась, ибо мы можем соглашаться с данными тезисами или оспаривать их, но первостепенная задача науки все же заключается именно в выдвигании аргументированных, свежих и актуальных тезисов, и от них уже впоследствии можно отталкиваться при дальнейшей дискуссии. Тем не менее, не желая принизить достоинства книги, я хотел бы обратить внимание на ряд утверждений, остающихся спорными, тем более в контексте ряда новых общественных тенденций.

Маркс самодостаточный?

Прежде всего, уже в последнем отмеченном тезисе находится противоречие со всеми остальными (это связано, видимо, с тем, что первую половину книги написал преимущественно П. Н. Кондрашов, а вторую – А. А. Коряковцев).

³ Тогда появление самого движения спровоцировала экологическая политика Э. Макрона по повышению топливных налогов.

Если коммунизм предполагает всецелые изменения, затрагивающие всю тотальность общественного бытия, то тезис о том, что задача левых сегодня должна сводиться в основном к борьбе за «восстановление, по крайней мере, советского уровня социальных гарантий» (с. 314) выглядит довольно странным. При этом, опять же, нужно учесть, что авторы сами себя загоняют в ловушку: как отличить достаточный уровень социальных благ от недостаточного? Иными словами, где та грань, которая пролегает между борьбой, ставящей конечной целью смену общественно-экономической системы, и консервативной риторикой, встающей на сторону бюрократического класса? В книге не дается ответа на этот вопрос. Авторам остается лишь констатировать необходимость самокритики марксизма и надеяться на постепенное вызревание посткапиталистических общественных отношений в рамках действующей системы (косметический ее «ремонт», правда, всецело приветствуется). Дескать, рано или поздно появится «новый пролетариат» (странная формулировка, учитывающая контекст), технологическое развитие (например, автоматизация рутинного труда) приведет к росту значения науки и искусства (с. 350), установится «коммунизм знаний» (А. Горц), свободная деятельность придет на смену отчужденному труду, а Интернет станет местом, где любое «всеобщее специальное знание» «адекватно реализует свои всеобщие свойства в рамках индивидуальной собственности, исключаяющей собственность частную», ведь «сама Сеть – именно как *социальная Сеть* – есть всеобщий продукт и предмет всеобщего индивидуального потребления, и вместе с тем есть продукт и предмет потребления *каждого* пользователя» (с. 353). По моему мнению, такой наивный оптимистический взгляд и есть ахиллесова пята не только рассматриваемой книги, но и большей части вариаций современного марксизма. Мы видим одну из главных проблем гуманистической интерпретации Маркса – в попытках противопоставить «структуре» *свободную творческую личность*. Полагаю, это просто другая крайность. Когда главный научный враг – это сталинизм и прочие коллективистские, структуралистские, объективистские и т. п. трактовки философии Маркса, очень легко переоценить идею неотчужденной творческой деятельности и сетевой самоорганизации, взяв наиболее успешные, положительные примеры таковой за образец для будущего коммунизма. Но многие факты указывают на то, что сферы науки и искусства не просто не лишены отчуждения, но скорее «пропитаны» конкурентной борьбой, в наиболее экстремальных случаях ведущей к серьезным проблемам (вплоть до того, что психические расстройства и симптомы депрессии встречаются гораздо чаще у представителей творческих профессий, чем у населения в целом) (см. Давыдов, 2019)⁴. Так, сегодня мы видим, что на смену рыночной конкуренции за материальные ограниченные ресурсы идет борьба за *внимание* как еще один дефицитный ресурс-благо, который можно как непосредственно «потреблять» (к примеру, «наслаждаясь» популярностью или самореализацией), так и накапливать. Интернет, социальные сети и медиа не освобождают от отчуждения, но способствуют эгоцентризму и нарциссизму, подогревают всеобщую погоню за выставлением *себя* в выгодном свете перед интернет-публикой, провоцируют борьбу за популярность (за лайки, репосты

⁴ См. также исследования феномена отчуждения среди представителей конкретных творческих профессий, например, музыкантов (Gross & Musgrave, 2020).

и «друзей-подписчиков»). Исследования в области социальной психологии показывают, что активность в социальных сетях очень часто вызывает у молодежи только чувства зависти и одиночества, *отчужденности* (см. Twenge, 2017). Да и сам Интернет – это далеко не всегда приветливоеместилище результатов «всеобщего труда», а скорее беспощадный информационный *поток*, в котором та или иная индивидуальность с огромной вероятностью не будет услышана ровным счетом *никем* (Dean, 2007). Интернет и социальные сети благоприятствуют возвышению лишь единиц (этот класс перетягивающих на себя все внимание можно обозначить термином «персоналиат»), а неравенство в *распределении внимания* гораздо сильнее, чем неравенство в распределении материальных благ даже в период условного «развитого неоллиберализма» (Zhu & Lerman, 2016).

И здесь мы встречаем вторую проблему, непосредственно связанную с одним из ключевых авторских посылов: их убежденность в самодостаточности марксизма, в том, что большую часть ответов мы можем найти, просто правильно *понимая* Маркса, используя лишь его метод (да, какие-то аспекты его философии мы можем и изменить, но само концептуальное (методологическое?) «ядро» якобы должно оставаться в неприкосновенности). Неспроста вторая половина книги почти полностью состоит из риторики, защищающей диалектический метод Маркса от других конкурирующих концепций (особое внимание в книге уделяется религии и религиозной философии). У читателя может возникнуть впечатление, что где-то он уже видел нечто подобное: в настоячивых попытках советских догматиков отмежеваться от всей остальной философской мысли, оставить свой метод предельно чистым. К сожалению, в свое время это привело к плачевным последствиям, к концептуальной слепоте перед большим набором философских, социальных, политических и других проблем. Это видно по тому, как грубо и искаженно в книге рассматривается философия русского персонализма (тенденциозная интерпретация взглядов А. Лосева (с. 280–296) и других «немарксистских» мыслителей). В этом отношении на Западе никогда не избегали попыток дополнить Маркса не просто Марксом, но чем-то еще, осознавая, что сам великий классик не может дать ответы на все вопросы. Не может Маркс, например, дать ответы на вопросы тех, кто ищет утешения в вере, осознавая брэнность посюстороннего существования. Марксизм, все равно остающийся материалистическим учением⁵, как таковой не способен стать философской опорой для очень многих, т.е. для тех, кто считает, что «материя есть *смерть*» (Лосев, 2020, с. 178). И никакие установки на преодоление самоотчуждения в труде или на «субъект-субъектное наслаждение» здесь не помогут. Большая часть именно *экзистенциальных* вопросов (связанных с переживанием *страха смерти и небытия* или со стремлением найти *высший смысл существования*) в обозримой перспективе подавляющим большинством людей будет решаться исключительно *верой* во что-то выходящее за пределы вещественного мира. Человек – существо, сопротивляющееся смерти и мечтающее о *вечности*. И в этом плане, возможно, нам можно было бы чему-то поучиться (именно поучиться, а не стать поголовно христианскими философами!) у тех же русских персоналистов (не только А. Лосева, но и у Н. Бердяева,

⁵ Как минимум, в онтологическом смысле.

Л. Шестова и многих других). Ведь и они рассуждали о социализме, творчестве, личности и т. д. Но для них «посюсторонняя» личность, остающаяся существующей «здесь и сейчас» *индивидуальностью*, не может быть образцом для будущего всеединства (именно поэтому Лосев и критикует не только «изящную литературу», «но и все искусство, с Бетховенами и Вагнерами», отдавая предпочтение Преображенскому тропарю и кондаку (Лосев, 2020, с. 153), что так не понравилось авторам рассматриваемой книги (с. 322–323)). Иными словами, для достижения подлинного *общечеловеческого единства*, скорее всего, не хватит опоры на такие атрибуты типичной марксистской утопии, как творчество, свобода, индивидуальность, неотчужденная деятельность, классовая солидарность и т. д. Вполне, например, допустимо, что элементы чисто религиозной *веры и мифа* хотя бы как веры и практики *всеобщей любви* (сохраняющих в себе некоторую трансцендентную *тайну мира*, особое чувство *не-абсурдности сущего и единения всего со всем*) и необходимы, и неизбежны; что общечеловеческое единство и солидарность (особенно в условиях беспорядочных технологических вмешательств человека в свою собственную природу⁶) не могут быть достигнуты без чего-то вроде *полумистической надежды* и соответствующей *устремленности* к тому, что остается *общего между людьми всех времен и эпох*.

Тем не менее, все это скорее дискуссионные моменты. Книга определенно заслуживает быть прочтенной, особенно в условиях дефицита марксистской литературы в России. Авторы преуспели в постановке новых вопросов и в интересном прочтении трудов Маркса.

Список литературы

1. Давыдов, Д. А. (2019). Личность, свобода творчества и отчуждение. *Человек*, 30(1), 45–65. <https://doi.org/10.31857/S023620070003021-0>
2. Лосев, А. (2020). *Диалектика мифа*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус.
3. Коряковцев, А. А., Кондрашов, П. Н., Любутин, К. Н., Вискунов, С. В. (2021). *Маркс утраченный и Маркс обретенный. Книга о философии Маркса и о том, как и почему в России ее потеряли и обрели вновь*. М.; Екатеринбург: ИФиП УрО РАН: Кабинетный ученый.
4. Dean, J. (2009). *Democracy and other neoliberal fantasies: Communicative capitalism and left politics*. Durham: Duke University Press.
5. Gross, S. A., & Musgrave, G. (2020). *Can music make you sick? Measuring the price of musical ambition*. London: University of Westminster Press.
6. Inglehart, R. (1977). *The silent revolution*. Princeton: Princeton University Press.
7. Twenge, J. (2017). *iGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy – and completely unprepared for adulthood – and what that means for the rest of us*. New York: Atria Books.
8. Zhu, L., & Lerman, K. (2016). Attention inequality in social media. *Computer Science*. Retrieved August 2, 2021, from <https://arxiv.org/pdf/1601.07200.pdf>

⁶ Не это ли проявления праксиса?

References

1. Davydov, D. A. (2019). Lichnost', svoboda tvorchestva i otchuzhdenie [Personality, Freedom of Creativity, and Alienation]. *Chelovek*, 30(1), 45–65. <https://doi.org/10.31857/S023620070003021-0>
2. Dean, J. (2009). *Democracy and other neoliberal fantasies: Communicative capitalism and left politics*. Durham: Duke University Press.
3. Gross, S. A., & Musgrave, G. (2020). *Can music make you sick? Measuring the price of musical ambition*. London: University of Westminster Press.
4. Inglehart, R. (1977). *The silent revolution*. Princeton: Princeton University Press.
5. Korjakovcev, A. A., Kondrashov, P. N., Lyubutin, K. N., & Viskunov, S. V. (2021). *Marks utrachennyj i Marks obretennyj. Kniga o filosofii Marksa i o tom, kak i pochemu v Rossii ee poterjali i obreli vnov'* [Marx lost and Marx regained. A book on Marx's philosophy: How and why it was lost and regained in Russia]. Moscow; Ekaterinburg: IFiP UrO RAN: Kabinetnyj uchenyj.
6. Losev, A. (2020) *Dialektika mifa* [The dialectics of myth]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
7. Twenge, J. (2017). *iGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy – and completely unprepared for adulthood – and what that means for the rest of us*. New York: Atria Books.
8. Zhu, L., & Lerman, K. (2016). Attention inequality in social media. *Computer Science*. Retrieved August 2, 2021, from <https://arxiv.org/pdf/1601.07200.pdf>

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Давыдов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>, e-mail: davydovdmityriy90@gmail.com

Information about the author

Dmitry Aleksandrovich Davydov, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>, e-mail: davydovdmityriy90@gmail.com

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “ ”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуночную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуночные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуночными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
4. **Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. В аннотации должна быть отражена следующая информация: цель, методы исследования (теоретико-методологическая и эмпирическая основа исследования), полученные в ходе исследования результаты, основные выводы.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I. I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
13. **Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию, следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты.

При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).

References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. Информация об авторе

Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. Information about the author

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

<p>Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи</p>	<p>Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i>, 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1</p>	<p>Bezhtentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitiya territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i>, 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1</p>
--	---	--

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

<p>Художественные книги</p>	<p>Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i>. М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i>. New York: Literary Classics of the United States.</p>
<p>Законы, акты (курсивом выделяется название закона)</p>	<p><i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-О3) ст. 5 (Россия)</i>. Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018</i> (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/</p>
<p>Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)</p>	<p>Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i>. Взято 20 сентября 2020, с http://gefeter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell</p>
<p>Новость (курсивом выделяется заголовок новости)</p>	<p><i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574</p>

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “ ” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the purpose of the study; research methods; major findings of the analysis or trends detected; and the brief summary of scientific contribution and conclusions.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title, volume</i> (issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov